
VE RI
TAS

KAZAN. UNIV.
~~O-VO ARKHEOL. ISTORII~~
I ETNOGRAF.
IZVESTIIA

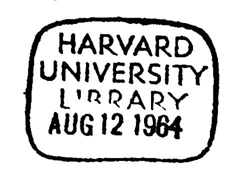
ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XX, вып. 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета
1904.

Вышелъ 31 декабря.

Въ книжномъ складѣ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ могутъ быть пріобрѣтаемы слѣдующія книги:

1) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ I, 1878, выпуски 4 — 5, по 50 к. (прочіе выпуски I-го тома, а равно томы II, VII и 1 вып. VI-го, 2 вып. IX, 1 вып. XI-го, 1 — 6 вып. XII, 1 — 3 вып. XIII, 1 — 4 вып. XIV томовъ, разошлись безъ остатка). Томъ III, 1884, цѣна 2 руб. 50 коп Томъ IV, 1885, ц. 1 руб. 50 коп. Томъ V, 1884, ц. 1 руб. Томъ VI, вып. 2, 1888, ц. 1 руб. Томъ VIII, вып. 1, 1890, ц. 2 руб.; вып. 3, 1890, ц. 25 коп. Томъ IX, 1891, вып. 1, ц. 1 руб. 25 коп.: вып. 3, ц. 30 коп. Томъ X, 1892, вып. 1 — 6 по 1 руб. Томъ XI, 1893, вып. 2 — 6 по 1 руб. Томъ XIII, 1895—1896, вып. 4, 5 и 6 по 1 руб. 50 коп., вып. 4 — 1 руб. 25 коп. Томъ XIV, 1897 — 1898, вып. 5 — 6 по 1 руб. Томъ XV, 1899, вып. 1—2, цѣна 2 руб. 50 коп.; вып. 3 и 4 по 1 руб.; вып. 5—6, цѣна 1 руб. 50 коп. Томъ XVI вып. 1—3 по 1 руб.. вып. 4—6 цѣна 2 руб. Томъ XVII, вып. 1 цѣна 1 руб. вып. 2—3, цѣна 2 руб., вып. 4 цѣна 1 руб., вып. 5—6 ц. 2 руб. Томъ XVIII вып. 1, 2 и 3 цѣна 3 руб. Томъ XIX, вып. 1 и 2 по 1 руб., 3—4 и 5—6 2 руб. Томъ XX, 1—3 вып. 3 руб., 4 и 5 вып. 2 р., 6 вып. 1 р. Томы I, II и VII, а равно и 1-е вып. VI-го, XI-го и XIII-го томовъ и выпуски прочіе «Извѣстій», Общество принимаетъ обратно въ обмѣнъ на другіе выпуски одинаковой стоимости.

2) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф М. П. Веске. 1890. 324 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

3) Спасскій монастырь въ г. Казани, историческое описаніе. Е. М. Лебедева. 1895. 215 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

4) Труды IV археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани томъ I и II (1884 и 1891) по 5 руб.; хромолитогр. атласъ in folio (1891) — цѣна 2 руб.: Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877 Цѣна 1 рубль.

5) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1882 Часть I, 300 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.

6) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стран. 8°. Цѣна 75 коп.

7) Краткій очеркъ восьмилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886. 16 стран. 12° Цѣна 10 коп.

8) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36 стран. 12°. Цѣна 20 коп.

9) О задачахъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскаго, и Замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Моркваши, Н. И. Золотницкаго. 1884, 56 стран. 8°. Цѣна 45 коп.

10) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882. 67 стран. 8°. Цѣна 45 коп.

11) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 10 коп.

12) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 15 стр Цѣна 5 коп.

13) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XX, вып. 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета
1904.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь К. Харламповичъ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XX.

ВЫПУСКИ 1—6.

1904.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.
1904.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь К. Харлампович ъ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XX.

Оглавленіе

XX ТОМА «ИЗВѢСТІЙ».

СТАТЬИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стр.

МАТЕРІАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

МАТЕРІАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КУЛЬДЖИНСКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ПОГРАНИЧНОЙ СЪ КИТАЕМЪ ПОЛОСЫ.

(Экономическо-этнографическіе очерки и бытовая жизнь джаркентскихъ таранчей и дунганъ).

Прошло уже два десятилѣтія послѣ заключенія петербургскаго договора съ Китаемъ 12 февраля 1881 г., возвратившаго, какъ извѣстно, китайцамъ кульджинскій раіонъ, занятый русскими войсками послѣ мусульманскаго возстанія и сверженія тамъ китайской власти въ 1871 году. [1])

Присоединеніе илійскаго края къ Небесной имперіи вызвало переселеніе большей части туземцевъ кульджинскаго раіона въ русскіе предѣлы, а именно—въ пограничную семирѣченскую область, въ трехъ уѣздахъ которой (джаркентскомъ, вѣрненскомъ и, отчасти, пишпекскомъ) и осѣла послѣ договора 12 февраля пятидесятитысячная масса туземныхъ жителей Кульджи—таранчей, дунганъ и киргизовъ [2]).

---

[1]) Самый городъ и крѣпость Кульджа заняты были русскими войсками, подъ начальствомъ генерала Колпаковскаго, 22 іюня 1871 г.

[1]) Часть дунганъ, до 3000 душъ обоего пола, поселилась еще ранѣе (въ 1877 г.) въ иссыкъ-кульскомъ (нынѣ пржевальскомъ) уѣздѣ; но это—невольные выходцы изъ Кашгара, искавшіе русскаго покровительства послѣ занятія послѣдняго китайцами, а потому объ нихъ здѣсь не будетъ и рѣчи.

Это переселеніе народа, въ большинствѣ бѣднаго и неразвитаго, произошло не болѣе какъ въ годъ времени, и устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ составляло своего рода эпоху въ жизни одной изъ нашихъ окраинъ, освѣтить которую, хотя бы нѣсколько и лишь со стороны ознакомленія съ бытомъ перешедшихъ къ намъ народностей, мы и рѣшаемся въ настоящей статьѣ, дополнивъ нѣкоторыми свѣдѣніями о пограничной жизни и событіяхъ на китайской сторонѣ.

ГЛАВА I.

Таранчи — земледѣльческій народъ (названіе происходитъ отъ слова терибъ—„воздѣлывать землю") тюркско-татарской расы, смѣшанной въ сильной степени съ арійскими элементами. Въ частности кульджинскіе таранчи, огромная часть которыхъ переселилась къ намъ послѣ петербургскаго договора 12 февраля 1881 г., относятся къ потомкамъ тѣхъ 7000 кашгарскихъ мусульманъ, которые выселены были китайцами въ илійскую долину [1]) въ 1758 г. для земледѣлія здѣсь и разныхъ услугъ китайскимъ войскамъ.

Кашгарскіе переселенцы были выдворены китайцами въ илійскую долину въ XVIII в. изъ городовъ Кучара, Аксу, Бая, Ярвенда, Кашгара, Хотана, Турфана и др. и были обречены на земледѣльческій трудъ, плоды котораго въ значительной степени уходили на продовольствіе китайскихъ войскъ.

Сообразно преобладающему характеру занятій, за этими мусульманскими кашгарлыками упрочилось названіе таранчей; китайцы же называютъ таранчей хуйзы и наравнѣ съ прочими мусульманами, по носимымъ почетными таранча-

---

[1]) Называемая таранчами «Иля»—долина, по которой протекаетъ р. Или, образующаяся изъ р.р. Текеса, Кунгеса и Коксу и впадающая въ озеро Балхашъ. Собственно илійской долиной называется мѣстность отъ верховьевъ рѣки до укр. Борохудзиръ (станица Голубевская).

ми чалмамъ,—ч а н т у, а калмыки зовутъ, какъ и всѣхъ мусульманъ,—к о т а н ъ. Между самими таранчами въ ходу далеко непочетное прозвище относящихся къ этой народности субъектовъ—а г а ч ъ-к у л а к ъ, т. е. „деревянное ухо". Прозваніе это дано таранчамъ будто бы Мацзумъ-Ханомъ, который, разсердившись на непониманіе таранчами его словесныхъ распоряженій, и назвалъ ихъ „деревянными ушами". Дунгане (собственно по тюркски т у р г а н ъ—„оставшійся") называются китайцами с я о-ч ж о—„младшее населеніе", а сами себя именуютъ х о й-х у. По преданію дунгане—потомки отсталыхъ воиновъ арміи Тамерлана.

По возвращеніи Кульджи, въ силу трактата 12 февраля 1881 г., китайцамъ, илійскіе таранчи и дунгане перешли въ семирѣченскую область, первые въ числѣ 11 слишкомъ тысячъ семей и вторые—до 1500 семей, гдѣ и предались обычнымъ своимъ мирнымъ занятіямъ—земледѣлію, огородничеству, садоводству и, отчасти, торговлѣ [1]).

Таранчи и дунгане по вѣроисповѣданію одинаково мусульмане, но къ воспріятію ислама каждая изъ этихъ народностей, въ массѣ, относится различно. Это зависитъ отъ извѣстной степени распространенности и вліянія мѣстнаго мусульманскаго духовенства въ жизни той или другой народной среды. Многочисленность личнаго состава и разнообразіе ранговъ духовной іерархіи утвердилось исторически за таранчами.

Во время владычества китайцевъ и при управленіи кульджинскаго султана во главѣ духовенства у таранчей стоялъ „Казы-калянъ" (высшій судья). За нимъ слѣдовалъ

---

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ переселенія и первоначальномъ устройствѣ въ Семирѣчьи таранчей и дунганъ находятся въ приложеніи къ одному изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ семирѣченскаго военнаго губернатора въ восьмидесятыхъ годахъ (Пантусовъ. 1881 г.).

„Мухтасипъ-ахунъ“, не исправлявшій никакихъ требъ, но только преподававшій народу, при случаяхъ, нравственныя назиданія и совѣты. Для торговцевъ и ремесленниковъ (точнѣе—промышленниковъ) существовали особые ахуны (сагипъ-такбиръ), дававшіе благословеніе предъ началомъ коммерческаго или промышленнаго предпріятія. Существовали особыя духовныя лица, предупреждавшія о сборѣ зякета и носившія названіе амиль-ахунъ и халифе (имамъ), собиравшія духовенство въ своемъ домѣ (ханакá) по понедѣльникамъ и пятницамъ для душеспасительныхъ бесѣдъ.

Послѣ петербургскаго договора съ Китаемъ 12 февраля 1881 г. выселившіеся изъ илійскаго края въ предѣлы нынѣшняго джаркентскаго уѣзда таранчи имѣютъ, для управленія духовными дѣлами, имамовъ, отъ которыхъ, кромѣ обыкновенной грамотности и достаточной подготовки къ объясненію общедоступныхъ изреченій духовныхъ книгъ, ничего не требуется въ смыслѣ учености. Въ значительныхъ по населенію обществахъ и имамъ бываетъ пообразованнѣе, чѣмъ въ бѣдныхъ и малочисленныхъ таранчинскихъ приходахъ. По религіознымъ вопросамъ имамы пользуются у населенія приличествующимъ вліяніемъ, но въ общественно-мірскія дѣла не вмѣшиваются, хотя таранчи и въ частномъ семейномъ быту съ большою охотою и довѣріемъ прибѣгаютъ къ совѣтамъ имамовъ.

Въ духовной іерархіи дунганъ на первомъ планѣ стоятъ мударрисъ-ахунъ и имамъ. Послѣдній обыкновенно обучаетъ въ школахъ и совершаетъ общественныя служенія. На случай отсутствія мударрисъ-ахуна и въ помощь ему избирается (всѣ духовныя должности у дунганъ замѣщаются по выбору общества) муфти-ахунъ и для призыва къ молитвѣ азаномъ-муэдзинъ.

Образованіе свое духовныя лица получаютъ у главнаго ахуна и другихъ мѣстныхъ книжниковъ.

Никто изъ мусульманскихъ духовныхъ лицъ не получаетъ никакого опредѣленнаго содержанія ни отъ обществъ, ни отъ частныхъ лицъ, и пастыри довольствуются лишь добровольными приношеніями въ видѣ ошура[1]), фитра[2]) и зякета[3]). Требоисправленія оплачиваются только въ двухъ случаяхъ: при свадьбѣ и похоронахъ. При самой богатѣйшей свадьбѣ платятъ за совершеніе обряда до 100 рублей, средней отъ 10—20 руб. и бѣдной—отъ 3 руб. Плата за требоисправленіе вносится большею частью не деньгами, а матой (бумажная среднеазіатская ткань), ситцами, хлѣбомъ и т. п. При совершеніи обрѣзанія (съ 7-лѣтняго возраста) духовныя лица платы не получаютъ, а таковая, въ размѣрѣ по усмотрѣнію главы семьи, идетъ сатрашу (собственно чачъ-тарашъ), совершающему операцію (сюннетъ, миллетъ) и дѣлается небольшой подарокъ учителю обрѣзываемаго субъекта.

Если таранчи склонны подчиняться чьему-либо моральному вліянію и болѣе или менѣе исправно исполнять обрядности мусульманской религіи, то далеко нельзя сказать этого о дунганахъ, такъ какъ въ массѣ они не подпадаютъ подъ вліяніе своихъ ахуновъ и лишь болѣе солидные по лѣтамъ и положенію усердствуютъ на обычныхъ моленіяхъ.

Самымъ важнымъ постомъ считается Рамазанъ, продолжающійся ровно 30 дней[4]). Предъ Рамазаномъ бываетъ постъ Баратъ, начинающійся ровно за мѣсяцъ до Рамазана, а предъ Баратомъ-Раджепъ.

---

[1]) Отчисленіе въ пользу духовенства извѣстной части хлѣба изъ новаго урожая.

[2]) Раздача, по окончаніи Рамазана, милостыни бѣднымъ и духовнымъ въ мечети на сумму по стоимости 5 фунт. пшеницы.

[3]) Ежегодное отчисленіе части имущества духовенству, бѣднымъ, больнымъ и т. п.

[4]) Но, въ нѣкоторые годы, луна появляется уже на тридцатый день и самый постъ, такимъ образомъ, сокращается до 29 дней.

Во время послѣднихъ двухъ постовъ соблюдаютъ только первые три дня и еще столько-же послѣ первой половины мѣсяца. Въ 13-й день Раджепа постятся и усиленно молятся въ надеждѣ, что за подвиги въ этотъ день простятся всѣ грѣхи. На самомъ дѣлѣ большинство таранчей, впрочемъ, празднуютъ только 15-й день Барата и 13-й Раджепа и самое празднованіе выражаютъ молитвою и подачею милостыни. Еще особенно почитаются, какъ праздники, дни рожденія и смерти Магомета, когда, послѣ заката солнца, зажиточные таранчи приглашаютъ къ себѣ родныхъ, знакомыхъ и духовное лицо, по прочтеніи коимъ молитвы бываетъ угощеніе.

Во время Рамазана начинаютъ ѣсть ежедневно только послѣ заката солнца, а въ послѣдній разъ предъ восходомъ [1]); въ остальное время сутокъ постящіеся ничего не ѣдятъ, воды не пьютъ, табаку не жуютъ и проч.—Исключенія дозволяются для больныхъ, стариковъ и дѣтей: послѣднимъ разрѣшается не поститься—мальчикамъ до 12 лѣтъ и дѣвочкамъ до 9 лѣтъ. Не обязательно соблюденіе поста также для женщинъ, имѣющихъ грудныхъ дѣтей. Взрослые люди, по окончаніи поста и по минованіи тѣхъ обстоятельствъ, которыя не дозволили имъ соблюденіе послѣдняго, обязательно должны поститься столько-же дней, сколько они не постились во время Рамазана.

Во время Рамазана у таранчей на видныхъ мѣстахъ играетъ своя музыка, невозможная для мало-мальски образованнаго уха и производимая колоссальными по длинѣ трубами, желѣзными ведрами (вмѣсто барабановъ) и т. п. удивительными инструментами. Днемъ эта музыка играетъ для ободренія томящихся голодомъ правовѣрныхъ, а ночью—для оповѣщенія спящихъ, что настаетъ часъ послѣдняго закусыванія, а потому „старайтесь и спѣшите всѣ запастись

---

[1]) Вообще до разсвѣта,—во время, называемое «субхъ-садикъ» (араб. сл.)

въ этотъ часъ питаніемъ и силами на слѣдующее, цѣлодневное голоданіе". Игра на извѣстномъ инструментѣ этого оркестра переходитъ изъ рода въ родъ по наслѣдству въ извѣстной семьѣ отъ дѣдовъ и отцовъ, а сами музыканты (нагаречи) сгруппировываются на жительствѣ даже въ отдѣльныхъ кишлакахъ, или селеніяхъ. Музыканты играютъ во время Рамазана не молитвы, а извѣстныя только имъ самимъ и ими составленныя въ народномъ духѣ пѣсни. За игру нагаречамъ общество ничего не платитъ, а во время розговѣнія зажиточные и почетные люди и ахуны кормятъ ихъ вдосталь, или дѣлаютъ потомъ незначительные подарки—хлѣбомъ, матой (бумажная ткань), ситцемъ, халатами и т. д.

Какъ только появится луна по окончаніи мѣсячнаго поста, т. е. наступитъ моментъ Шавала, всѣ таранчи одѣваютъ почище платье и бѣлье и отправляются въ мечеть, безъ предварительнаго призыва азаномъ, гдѣ совершаютъ моленіе (уаджипъ), потомъ имамъ читаетъ „хутбу" и обычныя молитвы за умершихъ родственниковъ и о здравіи Царствующаго Дома.

По выходѣ изъ мечети таранчи посѣщаютъ кладбища, затѣмъ обѣдаютъ и дѣлаютъ визиты роднымъ и знакомымъ. Празднованіе Рамазана у таранчей продолжается только три дня, тогда какъ татары празднуютъ въ теченіи цѣлой недѣли.—Эти три дня таранчи разъѣзжаютъ въ лучшихъ одеждахъ и на хорошихъ коняхъ, женщины и дѣти въ телѣгахъ (въ послѣднее время употребительны обыкновенныя русскія телѣги, въ которыя во время праздника усаживается отъ 10 до 12 человѣкъ), а почетныя особы—въ китайскихъ каретахъ (рѣзная, крытая арба, съ синими занавѣсками), запряженныхъ цугомъ двумя и болѣе лошадьми, при особомъ конюхѣ, ведущемъ переднюю лошадь подъ уздцы. У лицъ богатыхъ и почетныхъ конюхи эти, въ видѣ скороходовъ, маршируютъ и по обѣимъ сторонамъ кареты.

У таранчей во время праздниковъ не бываетъ лошадиныхъ скачекъ на призы (байга) съ опредѣленными условіями и на большія дистанціи по той простой причинѣ, что

у нихъ нѣтъ вообще скаковыхъ лошадей (бѣгунцовъ—джуйрукъ или байгаатъ), да и обыкновенныхъ, рабочихъ лошадей, очень мало, а всѣ полевыя работы производятся при посредствѣ рогатаго скота. Во время праздничныхъ верховыхъ разъѣздовъ нѣсколько человѣкъ, на небольшія пари, соглашаются между собою проскакать короткое (версту, двѣ и не болѣе пяти) разстояніе и тѣмъ ограничиваютъ байгу.

Общепринятая мусульманами праздничная игра—улакъ (молоденькій козелъ) у таранчей не была извѣстна и позаимствована ими отъ кокандскихъ и андижанскихъ сартовъ. Фигурирующій здѣсь молодой козелъ дарится обыкновенно собравшимся на праздникъ однимъ изъ состоятельныхъ лицъ; козлу отрѣзываютъ голову и одинъ изъ наѣздниковъ скачетъ съ нимъ верхомъ, а прочіе стараются догнать и отнять козла. У кого послѣдняго, по окончаніи утомительной скачки, останется трупъ козла, тотъ побѣдоносно везетъ его, какъ трофей, на показъ, русской власти, или почетному и богатому лицу изъ туземцевъ, которое и дѣлаетъ побѣдителю посильный подарокъ.

Таранчи особыхъ суевѣрій не имѣютъ, но въ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ своей жизни пытаются провѣдать будущее путемъ, такъ сказать, гороскопическимъ. Такъ, отправляясь въ дальній, при томъ—по особо важнымъ дѣламъ, путь, таранчи спрашиваютъ совѣта муллъ и послѣдніе, соображаясь со временемъ рожденія отъѣзжающаго и другими обстоятельствами его предыдущей жизни, дѣлаютъ нѣкоторыя исчисленія и даютъ указанія о днѣ выѣзда и возможномъ исходѣ всего путешествія [1]). Въ предсказаніяхъ этихъ муллы руководствуются ильми-нуджумомъ (ученіе, образованіе по нуджуму), т. е. сборникомъ нравственно-ученыхъ сочиненій.

[1]) Всѣ дни мѣсяца, за исключеніемъ 3, 5, 9, 13, 16, 21, 24 и 25 чиселъ, считаются счастливыми (мубаракъ-арабское слово), исключаемыя же числа несчастливыми (нахсъ-арабское слово).

Религіозныя преступленія таранчей преимущественно вытекаютъ изъ нарушенія обязательныхъ требованій мусульманской религіи (фарзовъ), коихъ существуетъ пять, а именно: 1) Признаніе Бога и Его великаго пророка—Магомета; признаніе всего того, что создалъ, по повелѣнію Бога, пророкъ и что изложено въ Коранѣ. 2) Совершеніе ежедневно пяти установленныхъ моленій (намазовъ). 3) Обязательство зякета, т. е. раздача, въ пользу бѣдныхъ, больныхъ единовѣрцевъ и духовенства, извѣстной части своего имущества. Обязательство это у таранчей наступаетъ по скопленіи извѣстнымъ лицомъ имущественнаго богатства, или денегъ, примѣрно на 80 рублей, изъ коихъ въ зякетъ отчисляется $^{1}/_{40}$ часть; при благосостояніи отдѣльнаго мусульманина на меньшую сумму фарзъ зякета не исполняется. 4) Соблюденіе поста Рамазана полностью во всѣ 30 дней. 5) Поѣздка на поклоненіе въ Мекку. Этотъ послѣдній фарзъ становится обязательнымъ послѣ того, какъ мусульманинъ, по приведеніи въ точную извѣстность всего своего имущества, вполнѣ убѣдится, что таковаго достаточно для расчета со всѣми его кредиторами, для полнаго содержанія всего остающагося семейства на время поѣздки главы его въ Мекку и на всѣ расходы по этой поѣздкѣ.—При такихъ обстоятельствахъ всякій совершеннолѣтній мусульманинъ обязанъ совершить поѣздку въ Мекку; не обязательно это только для малолѣтковъ, больныхъ и умалишенныхъ. Вдовы могутъ совершать поѣздки въ Мекку только съ сыномъ, братомъ, или зятемъ, а если таковыхъ родственниковъ не имѣется, то для поѣздки въ Мекку онѣ обязаны предварительно вторично выйти замужъ. Дѣвушки, безъ близкихъ родныхъ, тоже не могутъ отправляться въ Мекку на поклоненіе.

За всякое нарушеніе догматовъ своей религіи неумышленно, по незнанію, или невѣжеству, имамы читаютъ провинившимся мусульманамъ очистительную молитву и дѣлаютъ наставленія, какъ бы вновь обращая отступника въ мусульманство. За перемѣну вѣры по шаріату отступники могутъ

быть наказаны даже смертію, при чемъ, если бы вѣроотступникъ убитъ былъ случайно или предумышленно (напримѣръ съ цѣлью ограбленія) частнымъ лицомъ, то послѣднему не вмѣняется это въ грѣхъ и въ будущей жизни.

Всякое нарушеніе требованій религіи можетъ быть наказуемо только или по непосредственномъ усмотрѣніи этого преступленія самими имамами или-же по удостовѣренію двухъ свидѣтелей. Религіозные проступки на первый разъ всегда ограничиваются со стороны муллъ назидательными бесѣдами и увѣщаніями, но, въ случаѣ рецидивовъ, виновные могутъ быть подвергнуты и наказаніямъ, по шаріату опредѣленнымъ, напримѣръ, за неисполненіе ежедневныхъ намазовъ полагается до 41 удара палками, за неисполненіе зякета отъ 40—75 ударовъ и т. д.

По отношенію къ джаркентскимъ таранчамъ встрѣтилось единогласное удостовѣреніе мѣстныхъ ахуновъ о томъ, что особо важныхъ преступленій противъ религіи они среди народа никогда не замѣчали и ни къ какимъ наказаніямъ потому прибѣгать не приходилось [1]). Строго преслѣдуемое вѣроотступничество утвердило за измѣнниками особое названіе— м у р т е т ъ (слово арабское).

По религіознымъ воззрѣніямъ таранчей почитаются грѣхами слѣдующія проявленія злой человѣческой воли: 1) месть, (хасатъ), 2) злость (адоватъ), 3) зависть, соединенная, по понятіямъ таранчей, съ хасатомъ, 4) гордость (такаббуръ), 5) сладострастіе (пискъ), 6) лѣность (хурунъ, по арабски кусалятъ) и 7) скупость (бахиль), раздѣляемая на 2 части: а) невнесеніе зякета, ошура, фтира, неоказаніе матеріальной помощи родителямъ и ближайшимъ родственникамъ и б) не-

[1]) Надо полагать, что это исключительно вліяніе русскаго управленія, не допускающаго тѣлесныхъ наказаній даже по народному суду, а потому аттестація муллъ о поведеніи прихожанъ вѣроятно нѣсколько вынуждена изъ личныхъ опасеній.

оказаніе помощи бѣднымъ и вообще несчастнымъ единовѣрцамъ (хасисъ).

Въ мѣстахъ нынѣшней осѣдлости таранчей на русской территоріи не сохранилось никакихъ священныхъ памятниковъ или урочищъ, особо почитаемыхъ народомъ съ религіозной стороны. Но вблизи границы, на китайской территоріи, верстахъ въ 10 сѣверо-восточнѣе Хоргоса, находится мазаръ-могила погребеннаго здѣсь Тугулукъ-Темиръ-Хана, родомъ изъ калмыковъ. Существуетъ преданіе, что когда Тамерланъ покорилъ калмыковъ, то женился на дочери Тугулука и послѣдній принялъ мусульманство. Теперь на мазарѣ проживаетъ шейхъ, и являющіеся на поклоненіе гробницѣ недужные, больные, слѣпые таранчи приносятъ жертвы—колютъ барановъ. Въ 3—4 верстахъ восточнѣе этого мѣста находится еще мазаръ—могила шейха Магометъ-Садыка, происходящаго изъ духовнаго званія. Мазары эти при всякомъ удобномъ случаѣ усердно посѣщаются и русско-подданными таранчами, тѣмъ болѣе, что вблизи ихъ находятся кишлаки таранчей китайскаго вѣдѣнія, между которыми наши встрѣчаютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

У джаркентскихъ таранчей вообще духовныя лица называются имамами, но высшему и единственному во всемъ уѣздѣ, какъ бы начальствующему надъ духовенствомъ лицу, присвоено названіе ахуна.

Во время владычества китайцевъ и при управленіи кульджинскаго султана высшее духовное лицо у таранчей носило названіе Казы-калянъ (верховный судья). Послѣдній изъ носившихъ это званіе Сеидъ Джелялетдинъ, въ 1873 или въ 1874 году, отправился на поклоненіе въ Мекку, но въ пути умеръ и похороненъ въ г. Омскѣ и, по его предсмертной рекомендаціи, таранчинское общество избрало на высшую духовную должность Низаметдина, съ званіемъ ахуна. Предки Низаметдина всѣ были духовнаго званія, а самъ онъ образованіе получилъ въ Кульджѣ, у муллы Мафута, ученика отца Низаметдина.

Въ самомъ Джаркентѣ имѣется до 25 имамовъ, а въ каждомъ изъ таранчинскихъ селеній отъ 2 до 3, изъ коихъ одинъ считается старшимъ. При китайскомъ владычествѣ у таранчей имамы назначались прямо старшимъ ахуномъ (Казы-калянъ), а нынѣ они избираются отдѣльными обществами и потомъ приводятся, для испытанія въ религіозныхъ познаніяхъ, къ ахуну, который, такимъ образомъ, утверждаетъ или отклоняетъ избраннаго обществомъ имама.

Мѣстные имамы здѣсь не отличаются особой ученостью, такъ какъ предварительное образованіе они всѣ получаютъ у ахуна, но они обязательно должны быть грамотными и достаточно подготовленными къ объясненію священныхъ книгъ, хотя бы въ переводѣ на тюркское нарѣчіе. Въ значительныхъ по населенію обществахъ и имамъ бываетъ болѣе ученый, чѣмъ въ бѣдныхъ и малочисленныхъ таранчинскихъ приходахъ.

Въ религіозныхъ вопросахъ имамы пользуются безусловнымъ вліяніемъ, но въ общественно-мірскія дѣла не вмѣшиваются; въ частныхъ же семейныхъ дѣлахъ таранчи съ большою охотою и довѣріемъ прибѣгаютъ къ совѣтамъ имамовъ.

Между таранчами религіозное подвижничество встрѣчается рѣдко и здѣсь можно насчитать не болѣе 3—4 человѣкъ, ведущихъ затворническую жизнь и посвятившихъ себя исключительно молитвѣ.—Есть между таранчами особая, незначительная числомъ (до 20 человѣкъ), каста—каляндарей (въ родѣ дуваná и дервишей), расхаживающая по улицамъ съ молитвами и питающаяся исключительно милостынею, которую они собираютъ преимущественно въ хорошую погоду и 3 раза въ недѣлю: по средамъ, четвергамъ и пятницамъ. Среди каляндарей одинъ почитается старшимъ (Саба каляндарь) и таковымъ въ девяностыхъ годахъ состоялъ Ша-гуайда, проживавшій въ Джаркентѣ старикъ, лѣтъ около 80-ти отъ роду. Во время владычества китайцевъ

каста каляндарей изъ таранчинскаго населенія была особенно многочисленна, такъ какъ сюда прямо назначались китайскими властями люди, способные собирать обильныя подаянія и дѣлиться ими на пользу якобы казны, но вѣрнѣе—для пополненія кармановъ мѣстныхъ китайскихъ правителей.—Другихъ какихъ-либо сборовъ деньгами или натурою на содержаніе духовенства у джаркентскихъ таранчей нѣтъ.

ГЛАВА II.

Самымъ большимъ приходомъ считается мечеть, къ которой приписано до 300 семействъ мусульманъ, и самымъ меньшимъ—отъ 10 до 20 дворовъ. Въ самомъ Джаркентѣ насчитывается до 25 мечетей, изъ коихъ всѣ почти представляютъ простые молитвенные дома, не особенно вмѣстительные и безъ какихъ-либо исключительныхъ приспособленій для общественной молитвы,—даже безъ минаретовъ, замѣняемыхъ устроенными предъ мечетями особыми вышками изъ сырцоваго кирпича, а въ большинствѣ случаевъ азанъ провозглашается просто съ крышъ самыхъ мечетей.

Главная мечеть въ Джаркентѣ построена вмѣстимостью до 4000 человѣкъ и стоимостью въ нѣсколько тысячъ рублей; прочія же мечети незначительныхъ размѣровъ и построены по типу обыкновенныхъ домовъ, на добровольныя приношенія частныхъ лицъ изъ мусульманъ.

По пятницамъ совершеніе моленій (намазъ-джума) обязательно въ мечетяхъ, или молитвенномъ домѣ, а ежедневные намазы можно совершать въ степи и на открытомъ воздухѣ.

Въ 1886 году извѣстный старикъ изъ таранчей карамской волости (Абубакри) на международномъ съѣздѣ въ китайскихъ предѣлахъ, на р. Кегенѣ, гдѣ онъ долженъ былъ

присутствовать по дѣламъ службы, устроилъ подобіе мечети изъ курая (высокая сухая, степная трава) и въ этомъ шалашѣ съ достодолжнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ совершалъ даже намазъ-джуму.

Въ комнатахъ иновѣрцевъ мусульмане совершаютъ намазы только при отсутствіи на стѣнахъ картинъ съ изображеніями людей и животныхъ: виды и пейзажи не представляютъ препятствій, ибо на нихъ мусульмане смотрятъ, какъ на цвѣты, а совершеніе намазовъ среди послѣднихъ не воспрещается. При наличности картинъ съ изображеніемъ животныхъ моленія совершаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, если картины эти находятся позади молящагося, обращеннаго обыкновенно лицомъ на юго-западъ, а въ противномъ случаѣ картины завѣшиваются платками или халатами.

Во время общественныхъ богослуженій всѣ молитвы читаются имамами на арабскомъ языкѣ, но частныя лица изъ молящихся повторяютъ ихъ, или читаютъ самостоятельно, на тюркскомъ языкѣ.

Ежедневно каждымъ правовѣрнымъ совершается 5 обычныхъ моленій (намазовъ): предъ восходомъ солнца (намазъ бамдадъ), въ первомъ часу дня (пешинь), за часъ предъ закатомъ солнца (дигеръ), послѣ заката солнца (шамъ) и по окончаніи зари (хуфтанъ).

Еженедѣльныя общественныя богослуженія совершаются въ мечетяхъ по пятницамъ (намазъ джума) и происходятъ въ такомъ порядкѣ: въ 12 часовъ дня (время намаза пешинь), при возглашеніи азана (призывъ правовѣрныхъ съ минарета мечети муэдзиномъ къ молитвѣ), молящіеся собираются въ мечеть и садятся, по азіатски, на полу, впереди-же всѣхъ садится имамъ. Если кто придетъ въ мечеть до начала азана и вообще до хутбы, то самостоятельно совершаетъ моленіе 4-мя поклонами: это называется тахіэти-масджитъ (арабское слово).—Имамъ и молящіеся имѣютъ при себѣ четки (тасбихъ—слово арабское); четки эти бываютъ малыя и большія: у первыхъ число шариковъ одинаковой ве-

личины должно быть 33 и 34-й большій противъ прочихъ, а у большихъ четокъ число шариковъ 100, изъ коихъ одинъ значительно большей противъ прочихъ величины.

По окончаніи азана молящіеся встаютъ 4 раза на ноги и дѣлаютъ послѣ каждаго вставанія по 2 поклона въ землю, лицомъ на западъ—(намазъ сюннетъ). По окончаніи сюннета, муэдзинъ (въ родѣ нашего пономаря) подходитъ къ каѳедрѣ (минберъ) и провозглашаетъ вновь слова азана, но уже тише, чѣмъ предъ началомъ богослуженія, а затѣмъ имамъ всходитъ на каѳедру, беретъ имѣющійся въ мечети жезлъ (обыкновенная палка, которую имамъ, въ случаѣ неимѣнія въ мечети, можетъ замѣнить обычной клюкою перваго молящагося изъ слабоногихъ стариковъ) и начинаетъ читать эктенію (хутба), но на половинѣ эктеніи имамъ садится и читаетъ нѣсколько молитвъ про себя, а затѣмъ встаетъ и оканчиваетъ эктенію вслухъ. Въ худбѣ произносятся не всѣ изреченія изъ корана, но воспоминается на арабскомъ языкѣ Всемогущій Богъ [1]), и даются народу назидательныя наставленія отъ имама изъ поучительныхъ и глубоконравственныхъ книгъ. Съ окончаніемъ хутбы имамъ сходитъ съ каѳедры, къ которой приближается муэдзинъ и снова провозглашаетъ азапъ, называемый такбиръ, а имамъ встаетъ впереди молящихся и дѣлаетъ 4 поклона въ землю (фарзъ) и потомъ, вставая 4 раза на ноги, послѣ каждаго поднятія дѣлаетъ по 2 поклона (рикаатъ), повторяя потомъ сюннетъ, послѣ котораго повторяетъ столько же поднятій и поклоненій. Это будетъ второй фарзъ, допускаемый съ цѣлью усилить и сдѣлать дѣйствительными предъ Богомъ всѣ предыдущія моленія. Затѣмъ еще встаютъ два раза на ноги дѣлая послѣ каждаго по 2 поклона (третій сюннетъ) послѣ чего имамъ обращается лицомъ къ народу и молящіеся, перебирая четки, читаютъ про себя молитвы, съ окончаніемъ коихъ одинъ изъ учениковъ, готовящихся на духовныя

[1]) А также пророкъ Магометъ, четыре сподвижника его (чагаръ-яръ) и др. пророки.

должности, воспоминаетъ умершихъ родныхъ, молящихся и добрыхъ благотворителей и вообще оставившихъ по себѣ въ народѣ хорошую память людей.—Въ заключеніе имамъ провозглашаетъ моленіе о здравіи Государя Императора и всего Царствующаго Дома и этимъ заканчивается общественное богослуженіе.

Отдѣльныхъ школъ у джаркентскихъ таранчей нѣтъ, а первоначальное образованіе дѣти ихъ получаютъ въ медресе при мечетяхъ. Въ самомъ Джаркентѣ находится до 20 мечетей, при которыхъ отведено по 2 комнаты для медресе. Въ каждомъ селеніи (кишлакѣ) при мечетяхъ также имѣются школы. При нѣкоторыхъ мечетяхъ обученіемъ занимаются сами имамы, а въ большинствѣ случаевъ контингентъ учителей формируется и восполняется изъ учениковъ ахуна, достаточно уже подготовленныхъ въ медресе при главной джаркентской мечети. Изъ этихъ же учениковъ выбираются по два въ каждое селеніе,—одинъ съ званіемъ хатипа, а другой—казія. Обязанность перваго состоитъ въ исчисленіи послѣ смерти каждаго мусульманина лѣтъ его жизни и тѣхъ уклоненій и нарушеній религіи, кои допустилъ покойный за всю свою жизнь; сообразно же сему казій опредѣляетъ ту часть изъ оставшагося послѣ смерти умершаго имущества, которая, смотря по продолжительности его жизни и содѣяннымъ грѣхамъ, должна быть, для очищенія отъ послѣднихъ, употреблена на добрыя дѣла (помощь бѣднымъ, духовенству, за моленіе и т. п.). Часть эту—искатъ при жизни можетъ указать всякій правовѣрный самъ и тогда родственники, послѣ смерти его, должны выдать ее безпрекословно, не прибѣгая уже къ авторитетности и вычисленіямъ хатипа и казія.

Медресе существуетъ для дѣтей обоего пола, но только до 9-ти лѣтняго возраста учащихся, послѣ чего обязательно раздѣленіе половъ. Первоначально въ школу поступаютъ обыкновенно дѣти съ 5-ти лѣтняго возраста. Дѣти бѣдныхъ родителей продолжаютъ курсъ обученія въ медресе отъ 2 до 3

и лѣтъ затѣмъ выходятъ, научившись только мало-мальски читать и писать и не будучи нисколько посвящены въ премудрость духовныхъ книгъ; молодые-же люди, готовящіеся въ духовное званіе, обучаются почти десятилѣтній періодъ времени.

Опредѣленной платы за ученіе въ медресе не полагается, но еженедѣльно по четвергамъ, послѣ утреннихъ занятій (обыкновенно школьныя занятія въ медресе продолжаются отъ 9 до 12 часовъ дня и съ часу до заката солнца), дѣти распускаются по домамъ, съ увольненіемъ отъ вечернихъ занятій, и тогда, какъ бы въ благодарность за доставленный отдыхъ, ученики даютъ учителю каждый по нѣсколько копѣекъ (большинство отъ 3 до 4 копѣекъ, а нѣкоторые до 20 коп.). Когда, обучившись чтенію, ученики прочитаютъ одну книгу и приступаютъ къ прочтенію другой (разумѣется религіозно-нравственнаго содержанія), то родители дѣлаютъ учителю небольшой подарокъ. Это напоминаетъ блаженной памяти бывшій у насъ обычай, когда родители обучающихся у руководителей изъ низшаго духовенства, или у смиренныхъ начетчицъ изъ старыхъ дѣвъ дѣлали подарки и особое угощеніе учителямъ при переходѣ мальчика отъ часослова на чтеніе псалтыри и т. д. Порядокъ обученія въ школахъ при таранчинскихъ мечетяхъ начинается, разумѣется, съ азбуки и чтенія; выучившись читать, сейчасъ же начинаютъ затверживатъ основные догматы своей религіи, въ родѣ краткаго катехизиса, а потомъ уже приступаютъ къ изученію письменности.

Уроки школьникамъ на текущій день задаются утромъ, а вечеромъ учитель поочередно испытываетъ всѣхъ въ знаніи этихъ уроковъ.

Школы представляютъ изъ себя обыкновенныя таранчинскія жилыя комнаты, безъ всякихъ спеціальныхъ приспособленій: ученики всѣ сидятъ на полу, вытверживая каждый свой урокъ вслухъ, отчего для непривычнаго уха получается невыносимая дисгармонія. Послѣ намаза дигэръ школьни-

камъ дается часовой отдыхъ, а потомъ занятія продолжаются до заката солнца. Предъ окончаніемъ вечернихъ занятій учителемъ дѣлаются религіозныя наставленія и читается общая молитва, для призыва къ которой старшій изъ учениковъ залѣзаетъ на крышу и провозглашаетъ азанъ, исполняя, такимъ образомъ, обязанность муэдзина.

Число грамотныхъ въ туземномъ населеніи джаркентскаго уѣзда крайне незначительно и составляетъ а) у таранчей немного болѣе 1% и б) у дунганъ 0,5%.

ГЛАВА III.

Таранчи могутъ вступать въ бракъ свободно съ женщинами разныхъ народностей, но обязательно мусульманскаго вѣроисповѣданія, т. е. съ татарками, дунганками и т. п. Брачнымъ возрастомъ для дѣвочекъ у таранчей признается даже 9-ти лѣтній, а для мальчиковъ 12-ти лѣтній. Впрочемъ, если сватовство затѣвается съ очень молодой дѣвушкой, то и у таранчей родители ея, прежде какого либо рѣшенія, основательно соображаютъ физическое развитіе и относительную возмужалость невѣсты. Никакого предѣльнаго старческаго возраста нѣтъ и для вступленія въ союзъ брачущимся не возбраняется достигать внушительной цифры сочетанія ихъ возрастовъ хотя бы и не въ одну сотню лѣтъ....

По степенямъ родства браки у таранчей возбраняются только въ слѣдующихъ случаяхъ: не могутъ жениться—дѣдушка на внучкѣ, отецъ на дочери, братъ на сестрѣ и дядя на племянницѣ; но дѣти родныхъ братьевъ могутъ быть свободно обвѣнчаны. Не дозволяется также вступать въ бракъ съ мачихою и снохою, но на свояченицѣ жениться можно только послѣ смерти первой жены—ея сестры.

Задумавшій жениться таранчинецъ выбираетъ сватовъ изъ своихъ родственниковъ, если послѣдніе въ хорошихъ отношеніяхъ съ родителями невѣсты, а въ противномъ случаѣ жениху приходится упрашивать вести переговоры родственниковъ невѣсты. Судьба жениха испы-

тывается сначала крайне осторожно черезъ переговоры съ родителями невѣсты одного только лица, а когда послѣднее возвратится съ ободряющими вѣстями, то женихъ засылаетъ уже 5—6 оффиціальныхъ сватовъ, кои, по прибытіи къ отцу невѣсты, послѣ обычныхъ привѣтствій, садятся и объявляютъ, что такой то (имя жениха) желаетъ быть сыномъ хозяина, а такой то (имя отца жениха) желаетъ съ хозяиномъ дома, въ которомъ находятся въ то время сваты, породниться, съ чѣмъ сваты наличнаго главу семейства поздравляютъ и читаютъ благодарственную молитву. Послѣ этого хозяинъ дома предлагаетъ дастарханъ (угощеніе сладостями, фисташками, миндалемъ и т. п.), чай и потомъ между нимъ и сватами происходитъ веселая и оживленная бесѣда, какъ между людьми во всемъ довольными другъ другомъ, и съ этого времени избранная дѣвица считается окончательно просватанною. При этихъ переговорахъ женщины не присутствуютъ и если бываютъ когда со стороны жениха еще свахи, то онѣ угощаются отдѣльно на женской половинѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сватовства довѣренные отъ жениха люди договариваются о приданомъ и о томъ, что должно быть заведено со стороны жениха. Обязательныхъ вещей и на какую-либо опредѣленную сумму при этомъ не выговаривается, а каждый заводитъ, что можетъ, преимущественно изъ одежды.

Въ день вѣнчанія приглашаются и собираются въ домѣ родителей невѣсты родственники брачущихся и почетные гости. Когда всѣ соберутся, то изъ числа ихъ избираются 4 человѣка самыхъ уважаемыхъ, почетныхъ людей, изъ коихъ 2 отправляются къ жениху и 2 къ невѣстѣ для спроса ихъ о взаимномъ согласіи на вступленіе въ бракъ. Послѣ подтвержденія возвратившимися избранными лицами согласія жениха и невѣсты избираются еще два довѣренные человѣка и обсуждаютъ магэръ (расходы жениха по свадьбѣ, на обзаведеніе, а равно и неустойка на случай оставленія будущимъ мужемъ своей жены) и окончательно выясняютъ, что

уже выполнено женихомъ въ счетъ магэра и сколько еще остается за нимъ. Затѣмъ въ собраніе приглашаютъ жениха и тутъ же обязательно долженъ находиться теперь и отецъ невѣсты, или за его смертію замѣняющее лицо. Тогда имамъ совершаетъ брачную молитву и спрашиваетъ о согласіи жениха вступить въ бракъ съ избранною дѣвицею, а отца послѣдней—о согласіи выдать дочь за предстоящаго въ собраніи жениха. Получивъ удовлетворительные отвѣты, имамъ читаетъ краткую молитву [1]) (иджапъ-кабулъ) и этимъ кончается несложный обрядъ вѣнчанія, послѣ котораго новобрачный удаляется въ свой домъ, если онъ не вступаетъ въ семью тестя, т. е. по бѣдности не беретъ, какъ говорится, „невѣсту съ домомъ“. Совершившійся бракъ и условія его вносятся въ книгу ахуномъ и подписываются свидѣтелями не менѣе двухъ человѣкъ.

Предъ выѣздомъ новобрачной изъ дома родителей въ семью мужа, происходящемъ, обыкновенно, вслѣдъ за вѣнчаніемъ, собравшіяся женщины поднимаютъ ее на кошмѣ (войлокъ) и подносятъ къ отцу, для принятія благословенія, а затѣмъ сажаютъ на арбу и отвозятъ въ домъ молодого мужа.

У таранчей родители жениха и невѣсты не ведутъ между собою никакихъ предварительныхъ переговоровъ о вступленіи въ бракъ ихъ дѣтей, до достиженія послѣдними опредѣленнаго на то возраста; калымъ (плата за невѣсту) у таранчей также неизвѣстенъ, кромѣ магэра, практикуемаго въ вышеописанной формѣ, уплата коего заработкомъ не допускается. Замѣна магэра выдачею въ семью невѣсты изъ семьи жениха одновозрастной, или младшей дѣвушки, также не допускается.

Всякій бракъ у таранчей, заключенный безъ согласія родителей, считается незаконнымъ и случаи женитьбы, такъ

[1]) При совершеніи брака (никахъ), положенную молитву прочитать можетъ вообще всякое грамотное лицо.

называемымъ „уводомъ“ подвергаютъ жениха даже наказаніямъ, а именно: если увозъ дѣвицы совершится безъ ея согласія и сопровождается лишеніемъ ея чести, то холостому человѣку, допустившему сіе, полагается до 100 палочныхъ ударовъ, а а женатый, по шаріату, даже побивается камнями. Послѣднее наказаніе называется р а ж м и (слово арабское), а самый преступникъ именуется м у х с и н ъ (слово арабское). Увозъ дѣвушки, безъ лишенія ея чести, наказуется только палочными ударами, не свыше 40.

Послѣ сговора свадьба можетъ разстроиться по навѣтамъ злыхъ людей о худомъ поведеніи жениха, или невѣсты, а также по неудовлетворительности или обману въ магэрѣ, когда въ счетъ послѣдняго привезутъ не то, что на самомъ дѣлѣ обѣщали. Послѣ просватанія отказъ отъ брака съ чьей-либо стороны считается большимъ оскорбленіемъ и если отказъ этотъ послѣдуетъ со стороны жениха, то онъ отбираетъ магэръ, а если со стороны невѣсты и буде изъ подарочныхъ отъ жениха вещей что либо уже скроено, или изрѣзано, то возвращается жениху сохранившееся и стоимость израсходованнаго, а не уплачиваются всѣ побочные расходы (убытки ч и г и н ъ, практикуемый обыкновенно, у киргизъ). Въ случаѣ смерти жениха, просватанная дѣвушка считается совершенно свободною и родители умершаго не имѣютъ права требовать выхода ея замужъ за другого своего сына. Точно также, въ случаѣ смерти невѣсты, женихъ не въ правѣ требовать изъ той же семьи, взамѣнъ ея, другой дѣвушки, а только родители умершей возвращаютъ жениху внесенный имъ магэръ.

Приданое невѣсты (бѣлье, халаты, подушки, дамбалы-шаровары) и т. п. изготовляется женщинами изъ семьи и родственницъ невѣсты и, по мѣрѣ изготовленія, отвозится въ домъ жениха, а въ день свадьбы доставляется туда все окончательно по условію. Состоящее изъ необходимаго бѣлья и обыкновенной одежды приданое невѣсты изъ бѣдной семьи доходитъ стоимостью только отъ 5 до 10 рублей, а у бога-

тыхъ – отъ 200 до 300 рублей. Въ магэръ[1]) со стороны жениха назначаются шолковыя матеріи, ситцы и т. п., а также на его счетъ устраивается угощеніе въ брачный день.

Свадьбы у таранчей большею частью совершаются осенью, послѣ уборки и продажи хлѣба, когда въ каждой почти семьѣ появляются небольшія свободныя деньги. Жениху и невѣстѣ до свадьбы строго воспрещается видѣться между собою и устройство свадьбы по согласію только родителей обѣихъ сторонъ не допускается. День свадьбы назначается родителями брачущихся и самымъ счастливымъ днемъ для этого у мусульманъ считается пятница. Совершеніе вѣнчальнаго обряда допускается во всякое время дня и ночи.

Въ назначенный для свадьбы день вмѣстѣ съ женихомъ въ домъ невѣсты приходятъ молодые люди изъ его сверстниковъ, товарищей и знакомыхъ, которые послѣ вѣнчанія сопровождаютъ также новобрачную въ домъ ея мужа. Молодцы эти поютъ пѣсни не опредѣленнаго какого-либо содержанія и для извѣстныхъ случаевъ установленныя (обрядныя), а обыкновенно тянутъ первыя вошедшія въ голову изреченія изъ книгъ и все, что на умъ придетъ, и играютъ на барабанѣ (н а г а р а—крынка съ натянутымъ въ широкой поперечной плоскости бычьимъ пузыремъ) и бубнѣ (т а б е л ь-б а с ъ); при свадебныхъ церемоніяхъ обыкновенно употребляются три табель-баса.

Послѣ вѣнчанія отецъ жениха дѣлаетъ подарки халатами и матеріями мулламъ и почетнымъ гостямъ, а со стороны родителей невѣсты таковые подарки весьма рѣдки. Черезъ 3—4 дня послѣ свадьбы къ новобрачному приглашаются въ гости родители молодой и праздникъ этотъ носитъ названіе у з а т к у, а потомъ послѣдніе приглашаютъ къ себѣ родителей жениха (отвѣчаютъ на пріемъ—т о к к у з и) и во вре-

[1]) Подъ магэромъ, въ строгомъ смыслѣ, таранчи, впрочемъ, понимаютъ только неустойку будущаго мужа на случай развода съ женой.

мя этихъ угощеній дѣлаются взаимные подарки халатами и др. При выѣздѣ молодой въ домъ мужа женщинамъ, подносящимъ ее на кошмѣ для родительскаго благословенія, также должны быть сдѣланы со стороны жениха небольшіе подарки, а иначе онѣ не выдадутъ новобрачной, требуя за нее посильный выкупъ.

Жениться на дѣвушкѣ, потерявшей до свадьбы невинность, у таранчей считается большимъ позоромъ и паденіе ея, или соблюденіе чистоты строго наблюдается въ первую же брачную ночь, когда одна изъ родственницъ жениха (большею частью дженгэ, т. е. жена его брата) ночуетъ въ сосѣдней съ новобрачными комнатѣ и, пользуясь первымъ же выходомъ ихъ изъ своей спальни, беретъ что-либо изъ постельныхъ вещей, заслуживающее по ея мнѣнію при данномъ случаѣ вниманія и отсылаетъ родителямъ невѣсты. Въ случаѣ женитьбы на обезчещенной дѣвушкѣ отъ родителей ея не требуется никакого вознагражденія и вообще этого печальнаго случая даже и родители жениха не предаютъ огласкѣ, стараясь сохранить въ тайнѣ, и лишь иногда мужъ пользуется этимъ несчастіемъ для полученія развода.

Каждый таранча можетъ одновременно имѣть не болѣе 4 женъ, замѣняя ихъ новыми при всякомъ случаѣ смерти и развода, такъ что при продолжительной жизни правовѣрнаго общее число женъ можетъ доходить до значительной цифры.

Во главѣ каждой таранчинской семьи стоитъ старшій по лѣтамъ изъ мужчинъ, но все имущество считается принадлежащимъ главѣ дѣйствительныхъ работниковъ и производительныхъ силъ труженической семьи. Такъ, дряхлый, бездѣятельный и лежащій, какъ говорится, на печи дѣдъ почитается главой семьи, но имущество числится за его сыномъ, способнымъ къ работѣ и дѣйствительно ведущимъ все хозяйство. Старшей женѣ безусловно подчинено все женское населеніе каждой таранчинской семьи, а дѣти обязаны лушаться своихъ родителей, лишь бы требованія послѣднихъ

не были антирелигіозными и не клонились къ нарушенію вѣры. За ослушаніе родители могутъ наказывать своихъ дѣтей палочными ударами; вообще, по шаріату, высшее подчиненіе каждаго правовѣрнаго есть—святое повиновеніе Богу и Его велѣніямъ, а послѣдующее за нимъ—безусловное подчиненіе своимъ родителямъ. Давать матеріальную поддержку и вообще содержать престарѣлыхъ и немощныхъ родителей дѣти обязаны безусловно.

Всѣ домашнія работы, но только не во дворѣ, а въ комнатѣ сосредоточенныя, обязаны исполнять женщины; но послѣднія не участвуютъ ни въ какихъ трудныхъ, а наипаче—въ полевыхъ работахъ. За неисполненіе своихъ законныхъ требованій каждый мужъ можетъ ежедневно наказывать свою жену и все-таки она обязана будетъ жить съ нимъ. Если же со стороны мужа послѣдуютъ безвинныя истязанія и это подтвердятъ два достовѣрныхъ свидѣтеля, то имамъ, по заявленію женою жалобы, долженъ дать таковой парѣ разводъ.

Все имущество семьи находится въ нераздѣльномъ пользованіи, но приданымъ своимъ каждая жена имѣетъ право распорядиться самостоятельно.

Бездѣтныя таранчинскія семьи большею частью усыновляютъ изъ дѣтей ближайшихъ своихъ родственниковъ, или бездомныхъ сиротъ. Усыновленіе это не записывается ни въ какія книги имамовъ и лишь при періодической, чрезъ каждое трехлѣтіе, административной переписи населенія усыновленныя лица вносятся по спискамъ въ составъ семей, ихъ принявшихъ. По шаріату, можно усыновлять даже незаконнорожденныхъ которой-либо изъ сочетавшагося бракомъ сторонъ, дѣтей, но откровенно предъ обществомъ обнаруживать дѣйствительное происхожденіе усыновляемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтей очень стыдно и потому усыновляющіе обыкновенно измышляютъ подставныхъ родителей ребенка.

Въ семьѣ замужней женщины нѣкоторыя дѣти также признаются незаконнорожденными въ слѣдующихъ случаяхъ:

если родятся дѣти во время болѣе чѣмъ двухлѣтней отлучки мужа, тогда, по требованію послѣдняго, дается разводъ и незаконнорожденныя дѣти уходятъ съ разведенной женщиной, а законныя остаются при отцѣ. Почему у таранчей въ данномъ случаѣ примѣняется столь неестественно продолжительный срокъ разлуки супруговъ,—объяснить этого они и сами не могутъ.

Отецъ незаконно прижитыхъ, даже съ дѣвушками, дѣтей на пропитаніе ихъ ничего не платитъ.

Большинство семейныхъ дѣлъ у таранчей разбирается при посредствѣ духовенства, но если при участіи онаго окончательнаго рѣшенія не состоится, то тяжущіяся стороны обращаются къ обыкновенному своему народному суду, т. е. предъявляютъ дѣла на разсмотрѣніе избираемыхъ самимъ народомъ казіевъ. Для возбужденія брачныхъ и посемейныхъ дѣлъ не полагается никакого срока, равно и для склоненія по таковымъ тяжущихся на миръ. Многоженство болѣе развито у осѣдлыхъ туземцевъ (преимущественно таранчей), ибо у нихъ со стороны матеріальныхъ издержекъ женитьба гораздо легче, чѣмъ у киргизъ — не приходится платить въ опредѣленной, болѣе или менѣе значительной суммѣ, калыма, обязательнаго въ быту кочевниковъ.

Многоженство у таранчей объясняется исключительно плотскими вождел ѣніями, тогда какъ семейно-хозяйственныя соображенія (желаніе имѣть дѣтей при неплодіи наличныхъ женъ, хорошую хозяйку для домашнихъ работъ и т. п.) нисколько не руководятъ таранчами при поятіи новыхъ женъ.

Таранчинскія женщины въ мужской компаніи не могутъ показываться и безъ разрѣшенія мужей не могутъ даже ѣздить никуда въ гости. Если бы даже и мужъ разрѣшилъ женѣ побесѣдовать съ какимъ либо мужчиной, то сама она должна отвергнуть это разрѣшеніе, — буде только фигурирующій въ данномъ случаѣ мужчина не близкій ея родственникъ,—изъ чувства стыдливаго приличія и строго помня н а-м а х р а м ъ (воспрещеніе свиданія съ чужими людьми). Хотя таранчинскія

женщины и ходятъ, не только среди мусульманъ, но и между иновѣрцевъ съ открытыми лицами, но, по шаріату, онѣ должны носить личное покрывало (чешм-пэрдэ) и вообще при входѣ въ посторонній домъ даже самая богатая женщина должна склонить свои очи долу и держать себя уничиженно и приниженно. Такая скромность едва-ли, однакожъ, можетъ говорить за безусловную добродѣтельность таранчинскихъ женщинъ, при затворническомъ даже образѣ жизни и деспотизмѣ мужей.

Но, на самомъ дѣлѣ, изъ общихъ наблюденій по этому вопросу относительно мусульманскихъ женщинъ разныхъ, обитающихъ въ приилійской полосѣ, народностей можно прійти къ слѣдующимъ, нисколько не утрированнымъ, выводамъ: 1) женская часть татарскаго населенія, сосредоточиваясь преимущественно въ городахъ и вообще, сообразно занятіямъ своихъ мужей, въ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ, густо населенныхъ и изобилующихъ современными соблазнами, наиболѣе можетъ быть скользка по пути адюльтера. 2) Сартянки, коихъ, впрочемъ, въ Джаркентѣ почти нѣтъ, встрѣчая частое отсутствіе своихъ мужей, разсѣеваемыхъ, по присущей имъ меркантильности, по всѣмъ уголкамъ средней Азіи, подобно міровымъ скитальцамъ—евреямъ, склонны, не только къ адюльтеру, но и къ открытому разврату, находя, быть можетъ, примиреніе съ послѣднимъ въ извѣстномъ пристрастіи своихъ мужей и сородичей къ педерастіи. 2) Таранчинки, благодаря деспотизму мужей и строгому надзору многочисленнаго духовенства, дѣйствительно болѣе стѣснены на пути паденія; но страстность темперамента и скорое сильное физическое развитіе не дѣлаетъ и здѣсь случаи увлеченія и супружеской невѣрности исключительными, хотя таковые и допускаются таранчинскими женщинами крайне осторожно и преимущественно съ своими единовѣрцами, такъ что публичной огласкѣ не подпадаютъ. 4) Что-же касается до дунгановъ, то таковыхъ въ Джаркентѣ очень немного и въ задѣтомъ вопросѣ онѣ слывутъ безукоризненными и потому

дунганокъ въ дѣйствительной жизни можно считать наиболѣе добродѣтельными.

Бракоразводныя дѣла таранчами возбуждаются въ слѣдующихъ случаяхъ: а) при отсутствіи взаимной любви между супругами; б) въ случаѣ крайняго нерасположенія жены къ мужу (нажасъ, арабское слово); в) при развратномъ поведеніи жены; г) при неисполненіи женою законныхъ требованій своего мужа, явномъ ослушаніи и оскорбленіи его и д) при жестокомъ обращеніи мужа съ женою, особенно если первый въ запальчивости произнесетъ три раза слово талакъ (разводъ). Однакожъ, недоставленіе мужемъ женѣ средствъ къ жизни, по понятіямъ таранчей, не даетъ женѣ права требовать разводъ.

Бракоразводныя дѣла у таранчей разрѣшаются мѣстными имамами, но не обязательно тѣмъ, кто совершалъ обрядъ бракосочетанія. Первоначально мужъ можетъ оставить жену и не ведя бракоразводнаго процесса, но при жалобѣ жены дѣло разбирается непремѣнно духовенствомъ. По опредѣленіи развода извѣстной четы, постановленіе о томъ записывается имамомъ, разбиравшимъ дѣло, въ особую книгу, но никакихъ обрядовъ при этомъ не совершается. Разведенной женѣ присуждается неуплаченная женихомъ часть магэра и содержаніе на 3 мѣсяца и 10 дней (нафака—слово арабское).—

Получившая разводъ женщина можетъ вторично выйти замужъ не ранѣе, какъ послѣ троекратнаго мѣсячнаго очищенія (хайзъ—арабское слово); срокъ этотъ называется иддатъ (слово арабское).—Неспособность мужа или жены къ соитію (иннiинъ,—арабское слово) можетъ служить поводомъ къ разводу, но въ такомъ случаѣ духовенствомъ назначаются двѣ солидныя женщины, подъ наблюденіемъ коихъ и должно произойти испытаніе совокупленія разводящихся супруговъ. Отъ заключеній подобной экспертизы въ настоящемъ случаѣ и зависитъ весь исходъ бракоразводнаго процесса.

ГЛАВА IV.

Наслѣдованіе у таранчей совершается въ такомъ порядкѣ:

1) Если послѣ смерти хозяина таранчинской семьи остаются въ живыхъ его престарѣлые родители, вдова и дѣти, то всѣ они считаются законными наслѣдниками къ оставшемуся послѣ умершаго имуществу; родные же братья умершаго никакихъ правъ на наслѣдованіе не имѣютъ.

2) Оставшееся имущество раздѣляется между законными наслѣдниками въ слѣдующихъ частяхъ: а) вдова получаетъ $^1/_8$ часть всего движимаго и недвижимаго имущества; б) родители умершаго наслѣдуютъ $^1/_{16}$ часть и в) изъ остающагося затѣмъ дѣти мужского пола получаютъ по 2 части, а женскаго—по 1 части.

По шаріату овдовѣвшая женщина можетъ сейчасъ же возвратиться въ домъ своихъ родителей, но по таранчинскому обычаю сдѣлать это она можетъ не ранѣе какъ по прошествіи года со дня смерти мужа. Дѣти мужскаго пола отъ 7 до 10 лѣтъ и женскаго до появленія первыхъ регулъ (б а л и г ъ—совершеннолѣтіе) уходятъ также съ матерью, которая родственникамъ умершаго мужа магэра не возвращаетъ нисколько. Овдовѣвшая женщина у таранчей не обязана выходить замужъ за кого-либо изъ родственниковъ ея покойнаго мужа, ибо, по окончаніи иддата, она считается свободною, какъ дѣвица, и можетъ выходить за мужъ также, какъ и первоначально.

При разводѣ совершеннолѣтнія дѣти остаются при отцѣ, а малолѣтнихъ можетъ взять съ собою мать, которая держитъ ихъ при себѣ, впрочемъ, лишь до вторичнаго выхода своего замужъ, когда всѣ дѣти снова возвращаются къ своему отцу.

Принесенное женою въ домъ мужа приданое не возвращается родителямъ умершей, а раздѣляется такъ: мужу отдается изъ приданаго $^1/_4$ часть, родителямъ умершей $^1/_6$ часть, а остальное раздѣляется между дѣтьми, при чемъ маль-

чики получаютъ 2 части, а дѣвочки по 1 части. Послѣ смерти главы семейства, унаслѣдываютъ положенную часть, выше опредѣленную, и отдѣленныя дѣти, ведущія свое хозяйство, и замужнія дочери. Мать не завѣдываетъ причитающеюся на долю малолѣтнимъ дѣтямъ—наслѣдникамъ частью имущества, а выбирается для сего ближайшій, благонадежный, по удостовѣренію двухъ почетныхъ лицъ, родственникъ, и при отсутствіи такого—частное лицо. Этотъ избранный, играющій роль опекуна, называется васи (слово арабское). Мелкія вещи, которыя легко могутъ быть утрачены, и все подвергающееся скорому тлѣнію, изъ опекаемаго имущества немедленно продается и вырученныя деньги сохраняются опекуномъ. Для отчетности васи ведутъ приходо-расходныя книги, которыя выдаются старшимъ лицомъ изъ общества, въ составъ коего входятъ опекаемыя, или ахуномъ. При владычествѣ китайцевъ такихъ порядковъ не было и судьба сиротъ вообще была довольно неопредѣленна.

Если послѣ умершаго таранчинца остается нѣсколько женъ, то все таки въ наслѣдство онѣ получаютъ не болѣе $^1/_8$ части всего имущества, которую и раздѣляютъ между собою поровну. Если вскорѣ послѣ смерти мужа умретъ и жена и окажется, что изъ имущества мужа былъ уже произведенъ надлежащій выдѣлъ при ея еще жизни, то доставшаяся вдовѣ, въ свою очередь скоро умершей, часть дѣлится такъ: родителямъ умершей $^1/_6$ часть, а остальное имущество раздѣляется дѣтямъ—мальчикамъ по 2 части, а дѣвочкамъ по 1 части. На случай, когда имущество послѣ смерти главы семьи еще остается не раздѣленнымъ и вскорѣ послѣдуетъ и смерть вдовы (случай этотъ называется мунасаха) оставшееся наслѣдство все таки раздѣляется такъ, какъ бы и при жизни вдовы, и затѣмъ уже отошедшая ей часть дѣлится такъ, какъ выше сказано о наслѣдствѣ послѣ женъ.

Выдѣлы изъ семьи совершеннолѣтнихъ дѣтей у таранчей бываютъ въ такихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, женившійся сынъ, по мнѣнію отца, окажется вполнѣ благонадежнымъ семьяниномъ и хозяйственнымъ человѣкомъ для само-

стоятельной жизни. Однакожъ, при выдѣлѣ сына въ самостоятельную семью, отецъ даетъ ему часть имущества совершенно по своему усмотрѣнію (выдѣлъ этотъ называется гибэ) и даетъ благословеніе быть такимъ же добрымъ и зажиточнымъ хозяиномъ, какъ и онъ самъ.—Если же женатый сынъ дурного поведенія и ослушникъ, то отецъ просто выгоняетъ его изъ своей семьи, не давая гибэ.

Круглыя и безпріютныя малолѣтнія сироты у таранчей, если не имѣютъ ближайшихъ родственниковъ, то поручаются обществомъ на попеченіе благонадежного лица, которое не можетъ отказываться отъ воспитанія сиротъ, хотя бы и совершенно для него постороннихъ. Нѣкоторые безсемейные таранчи иногда круглыхъ сиротъ и усыновляютъ (йетймъ).—Вообще-же, по мусульманской религіи, призрѣніе сиротъ и покровительство безпомощнымъ дѣтямъ почитается подвигомъ весьма добродѣтельнымъ и особенно вознаграждаемымъ въ загробной жизни. Если, въ частности, кто либо изъ правовѣрныхъ не въ состояніи лично оказать малолѣтнимъ сиротамъ матеріальную поддержку и помощь, то обязанъ восполнить это хотя ласкою и доброжелательнымъ участіемъ къ нимъ. По совершеннолѣтіи призрѣнныхъ сиротъ, если таковыя окажутся съ добрыми задатками и людьми трудолюбивыми, попечители ихъ, нерѣдко, надѣляютъ имуществомъ для самостоятельнаго хозяйства, какъ родныхъ дѣтей, въ части гибэ, т. е. по непосредственному своему усмотрѣнію.

Казалось-бы, что при такой попечительности о безпріютныхъ дѣтяхъ и бѣдныхъ сиротахъ въ таранчинской средѣ не должно имѣть мѣста нищенство, но, на самомъ дѣлѣ, оно болѣе или менѣе развито, особенно въ густо-населенныхъ пунктахъ (напримѣръ Джаркентъ). Предрасположеніе къ нищенству развито у таранчей еще во время проживанія ихъ въ кульджинскомъ раіонѣ бродячими кашгарлыками, большими охотниками до пропитанія себя безъ труда и на чужой счетъ. При томъ, въ Джаркентѣ, если и встрѣчаются нищенствующія таранчинскія дѣти, то не изъ среды безпріютныхъ

сиротъ, а составляютъ печальные отбросы изъ семей бѣдныхъ, будучи направляемы самими родителями на попрошайничество.

Раздѣлы таранчинскихъ семей случаются нерѣдко и вызываются, напримѣръ, тѣмъ обстоятельствомъ, что при существованіи въ одномъ семействѣ двухъ женатыхъ братьевъ, у одного являются дѣти, а у другого нѣтъ, и тогда семейный братъ обязательно выдѣляется въ особую семью. Раздѣлы производятся при имамѣ, ближайшихъ родственникахъ и почетныхъ лицахъ; при нихъ же совершается и раздѣльная запись, хранящаяся потомъ у главы вновь образовавшагося семейства. Отдѣленныя дѣти обязаны также подчиняться и почитать своихъ родителей, какъ бы они жили совмѣстно съ ними.

Послѣ смерти бездѣтнаго мужа жена наслѣдуетъ $^1/_4$ часть всего оставшагося имущества, а остальное идетъ на общественныя нужды, или роздается бѣдному классу таранчинскаго населенія и сиротамъ. Буде-же послѣ умершаго останутся его родные братья, то оставшуюся, послѣ выдѣла вдовѣ, часть имущества наслѣдуютъ они, а буде живыми окажутся и родители умершаго, то по выдѣлѣ вдовѣ мать получаетъ $^1/_3$ часть, а остальное отецъ.

Всякое наслѣдственное имущество дѣлится по шаріату, какъ выше изложено, хотя бы умершій и оставилъ послѣ себя особое духовное завѣщаніе (**васіетъ-нама**).—Духовныя завѣщанія грамотные пишутъ сами, а свидѣтельствуютъ имамы, а у богатыхъ даже ахунъ, коими пропускаются лишь завѣщанія, предусматривающія раздѣлъ имущества во всемъ согласно шаріату. При наличности въ живыхъ наслѣдниковъ изъ родственниковъ завѣщатель можетъ отписать въ пользу всякаго частнаго лица не болѣе $^1/_3$ всего своего имущества, въ противномъ же случаѣ завѣщаніе не пріемлется, какъ законный документъ.

Выморочное имущество у таранчей должно быть назначаемо на общественныя надобности, мечети, школы, учениковъ, сиротъ и вообще на дѣла благотворительности.

ГЛАВА V.

Безъ духовнаго напутствованія умершаго надлежащею молитвою (отпѣваніе) предавать тѣло мусульманина землѣ нельзя и родственники умершаго заботятся, чтобы при этомъ обрядѣ и при сопровожденіи умершаго въ мѣсто вѣчнаго упокоенія присутствовало какъ можно болѣе правовѣрныхъ, надѣясь совокупными молитвами массы облегчить загробную участь покойнаго.

Если произойдетъ нечаянная смерть въ степи и вообще въ отдаленіи отъ мѣстопребыванія мусульманскаго духовенства, то трупъ предается землѣ безъ совершенія надъ нимъ молитвы имамомъ, но послѣднему о случаѣ этомъ и о мѣстѣ погребенія дается немедленно знать, такъ какъ имамъ обязанъ хотя бы на могилѣ совершить обычную молитву. Конечно, не при всякомъ изъ подобныхъ случаевъ имамъ выѣзжаетъ на могилу погребеннаго безъ установленной заупокойной молитвы, и здѣсь принимается въ расчетъ продолжительность прошедшаго со дня смерти времени, комплекція умершаго (жирный или тощій онъ былъ), состояніе погоды и другія обстоятельства, обусловливающія скорое или медленное гніеніе трупа, такъ какъ при разложеніи послѣдняго совершеніе имамомъ заупокойной молитвы не обязательно.

Кладбища у таранчей считаются мѣстами священными и всякій совершенный на нихъ проступокъ противъ шаріата, поставляется мусульманамъ въ большой грѣхъ, ибо при посѣщеніи кладбищъ каждый мусульманинъ долженъ памятовать, что и онъ самъ долженъ будетъ здѣсь когда нибудь лежать (—неизбѣжное memento mori)! Мѣста для мусульманскихъ кладбищъ не требуютъ ни какихъ особыхъ условій, но вообще выбираются сухія и открытыя. Для охраненія кладбищъ въ густонаселенныхъ пунктахъ существуютъ особые сторожа, называемые шейхами.

У таранчей покойники кладутся въ могилы въ лежачемъ, на правомъ боку, положеніи, головою на сѣверъ, такъ что

обращеніе лица умершаго сохраняется на юго-зап., какъ и при совершеніи живымъ обычныхъ молитвъ. Могилы вырываются по длинѣ и глубинѣ въ ростъ умершаго, а ширины—произвольной, лишь бы умѣщался трупъ. На западной сторонѣ могилы, во всю длину ея, дѣлается особое углубленіе (л я х а т ъ), въ которое въ смертной рубахѣ и кладутъ умершаго, забирая отверстіе ляхата кирпичами и камнями, а самую могилу (к а б р ъ) забрасывая землею. Если при копаніи л я х а т а окажется въ немъ вода, или случится обвалъ земли, то разрѣшается, по шаріату, на днѣ кабра прямо вырыть яму, въ родѣ ляхата, положить туда трупъ и сверху заложить досками, а потомъ закидать землей всю могилу. У таранчей трупъ предается погребенію обязательно безъ гроба, но по шаріату предусматривается случай, когда тѣло умершаго можетъ быть положено въ произвольнаго устройства деревянный гробъ, или ящикъ,—когда, напримѣръ, могила окажется очень сырой.

Молиться на могилахъ и поминать умершихъ, по обычаю таранчей, должно какъ можно чаще и особенно по субботамъ, до восхода солнца, и въ теченіе первыхъ 40 дней послѣ смерти единовѣрца. Если-же родственники и знакомые покойнаго, по своимъ обыденнымъ дѣламъ, не имѣютъ возможности къ аккуратному сорокадневному посѣщенію для молитвы его могилы, то обязаны дѣлать это по крайней мѣрѣ въ 3-й, 7-й, 40-й и годичный день послѣ смерти покойника, въ каковые дни устраиваютъ и поминки (н а з р ъ), состоящія въ обычной молитвѣ и посильномъ угощеніи. Дни эти принимаются для молитвы и поминовенія умершихъ потому особенно, что въ оные, по вѣрованію народа, душа всякаго умершаго правовѣрнаго ожидаетъ особой защиты молитвами передъ Всемогущимъ Богомъ.

У мусульманъ похороны должны быть совершаемы черезъ 2—3 часа послѣ смерти, но если родные и домашніе умершаго не успѣютъ все приготовить въ этотъ срокъ, то погребеніе откладывается, впрочемъ, не далѣе, какъ на сутки. При

случаѣ скоропостижной смерти, по шаріату, можно не хоронить въ продолженіе трехъ дней. Таранчи убѣждаются въ дѣйствительной смерти, во избѣжаніе погребенія людей въ летаргическомъ состояніи (ригасектэ), простымъ способомъ—прикладывая ко рту умершаго обыкновенное зеркало, для сгущенія на поверхности его продуктовъ хотя бы слабаго дыханія.

Тотчасъ послѣ смерти у таранчей начинается омовеніе трупа, которое совершаетъ соотвѣтствующій покойнику полъ, подъ руководствомъ муэдзина, при чемъ омывающія трупъ лица отнюдь не должны быть зазорнаго поведенія и изъ отбросовъ общества. Предъ обмываніемъ трупъ кладется на чистую доску, а затѣмъ самое обмываніе (тагаратъ) различныхъ частей тѣла совершается такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ живые люди предъ ежедневными обычными моленіями (намазами), а именно: сначала три раза обмывается стыдливая часть тѣла, потомъ 3 раза обѣ руки, 3 раза вбирается вода въ ротъ и въ носъ (къ покойникамъ это послѣднее не примѣняется), 3 раза обмывается лицо и затѣмъ обѣими сырыми руками проводится со лба до затылка и отсюда до ушей на лобъ и, наконецъ, три раза обмываются ноги [1]).

По обмываніи надѣваютъ на трупъ смертную рубашку (кафэнъ), для мужчинъ обязательно изъ матеріи бѣлаго цвѣта, а для женщинъ изъ матерій разныхъ цвѣтовъ, но въ обоихъ случаяхъ безъ рукавовъ. На мужчинъ собственно надѣваютъ три кафэны: а) первая не закрываетъ головы (камиссъ), б) вторая (изаръ) закрываетъ голову и ноги и в) третья—лифафа, покрывающая трупъ тоже съ ногъ до головы. На умершихъ же женщинъ надѣваются три вышеописанныя

[1]) При ежедневномъ совершеніи намазовъ ноги въ дѣйствительности обмываются только утромъ, а при послѣдующихъ всѣхъ намазахъ только проводятъ сырыми руками полосы по ичикамъ—(сапоги безъ каблуковъ, большею частью изъ козловой кожи); носимыя же туземцами поверхъ ичиковъ калоши съ каблуками (кавошъ) при молитвахъ обязательно снимаются.

кафэны и еще химаръ, закрывающая только голову и грудь, и хирка, покрывающая тѣло отъ головы до колѣнъ.

Послѣ обмыванія умершаго обливаютъ камфарнымъ спиртомъ, розовымъ масломъ и турецкими духами (атръ), завертываютъ въ чистую кошму и покрываютъ покровомъ изъ шолковыхъ матерій, халатовъ и т. п. по состоянію, кладутъ трупъ на носилки (табутъ) и относятъ къ мечети, въ сопровожденіи духовенства. Въ самую мечеть покойники вносимы быть не могутъ, а ставятъ ихъ на улицѣ передъ окномъ, идущимъ со стороны каѳедры имама, на западъ; вообще совершать заупокойную молитву по умершемъ въ закрытомъ помѣщеніи (комнатахъ) по мусульманскому обряду не дозволяется. Покойникъ на носилкахъ ставится на землю предъ имамомъ,—въ томъ же положеніи тѣла, какъ при самомъ погребеніи; имамъ читаетъ установленную молитву, не дѣлая земныхъ поклоновъ, послѣ чего, въ сопровожденіи духовныхъ лицъ, родственниковъ и знакомыхъ, относятъ трупъ на кладбище и предаютъ погребенію, а по зарытіи ляхата одно изъ духовныхъ лицъ прочитываетъ краткую молитву. Когда же въ могилу будетъ брошено окружающими нѣсколько лопатъ земли, то у таранчей въ это время особый человѣкъ (мулля-кпнъ-ахунъ) говоритъ, что сейчасъ умершій долженъ дать отвѣтъ о своей жизни предъ ангелами (Мункиръ и Накиръ,—посредничество этихъ двухъ добрыхъ духовъ и только для даннаго случая признаютъ таранчи), для доклада Всемогущему Богу,—и присутствующіе соединяются въ единодушной, молчаливой молитвѣ, въ обезпеченіе благопріятнаго исхода для умершаго посредничества этихъ ангеловъ предъ Богомъ.

Печаль объ умершемъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ выражается слезами и воспоминаніями вслухъ объ умершемъ (въ родѣ нашихъ причитаній), хотя по шаріату требуется отъ каждаго правовѣрнаго молчаливое и съ терпѣніемъ перенесеніе всякихъ скорбей и несчастій въ земной жизни.—Наемныхъ плакальщиковъ и плакальщицъ у таранчей не водится

и мужчины никакими внѣшними признаками не выражаютъ свою скорбь объ умершемъ близкомъ человѣкѣ и только держатъ себя солидно, сосредоточенно и одѣваются весьма скромно, а женщины, въ знакъ траура, носятъ черные халаты. Трауръ этотъ у бѣдныхъ продолжается до 40 дней, а у богатыхъ—до одного года.

Выше уже сказано, что таранчи вообще не суевѣрны, но при случаѣ тѣлесныхъ недуговъ и они уязвимы съ этой стороны, такъ какъ нерѣдко, и особенно женщины, прибѣгаютъ къ посредничеству шайтанъ-баксы (таранчин. бакши), т. е. знахарей, исцѣляющихъ посредствомъ изгнанія изъ больного субъекта злыхъ духовъ. Въ сущности шайтанъ-баксы просто шарлатаны, дѣйствующіе на нервныя натуры и больное воображеніе преимущественно женщинъ. Обычные пріемы этихъ знахарей, или скорѣе заклинателей, состоятъ въ нижеслѣдующемъ: къ потолку комнаты больного они привязываютъ арканъ (тугъ—по большей части волосяная веревка), нижній конецъ котораго, обернутый матой (бѣлая бумажная матерія, привозимая обыкновенно изъ Кашгара), привязываютъ ко вбитому въ полъ или землю колу, около котораго кладутъ три бубна. Къ верхнему концу аркана привязываютъ еще вату и разноцвѣтные лоскутки (юрунъ). Больного кладутъ затѣмъ около кола и въ руки даютъ ему нижній конецъ аркана, обернутый матой, а потомъ бакши беретъ одинъ изъ бубновъ и конецъ маты отъ аркана, находящагося въ рукахъ больного и быстро вертится вокругъ, наигрывая на бубнѣ и произнося заклинанія, всегда непонятныя, даже для самого бакши. Пляска эта начинается ночью и нерѣдко оканчивается передъ свѣтомъ. За бакшей въ пляскѣ нерѣдко бѣгаютъ базарные бродяги-нищіе. Если лечащійся страдаетъ, по мнѣнію бакши, очень опаснымъ недугомъ, то заклинатель имѣетъ въ рукахъ небольшой кинжалъ (ханчжаръ) и слегка укалываетъ имъ болящаго въ разныя части тѣла, а на другой день бьетъ паціента разноцвѣтными лоскутками, приказывая болѣзни удалиться. Людямъ слабонервнымъ и съ особенной впечатлитель-

ностью это средство не рѣдко помогаетъ, по крайней мѣрѣ на время.

ГЛАВА VI.

Прииллйскіе дунгане, принадлежа также исключительно къ переселенцамъ изъ кульджинскаго раіона, какъ и таранчи, исповѣдуютъ мусульманскую религію; духовныя книги у нихъ употребляются на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, а моленія совершаются на китайскомъ языкѣ. Другихъ уклоненій отъ таранчей въ послѣдованіи исламу дунгане не имѣютъ, а потому все, относящееся къ ежедневнымъ намазамъ, праздничнымъ торжествамъ, соблюденію постовъ и т. п., что сказано было въ этомъ отношеніи о таранчахъ, распространяется и на дунганъ, тѣмъ болѣе, что джаркентскіе дунгане въ религіозный культъ свой не ввели никакой китайщины, хотя и сомнѣваются въ таковой-же цѣлостности мусульманства у оставшихся въ китайскомъ вѣдѣніи своихъ сородичей, подозрѣвая послѣднихъ въ уклоненіи къ распространяемому въ средѣ китайскихъ подданныхъ идолопоклонству.

Всѣ наказанія, положенныя по шаріату за преступленія противъ вѣры, у дунганъ приводитъ въ исполненіе „общественный начальникъ“ (волостной управитель, аксакалъ и т. п.). Но и сами начальники нисколько не изъяты отъ духовнаго суда и сопряженныхъ съ нимъ наказаній при малѣйшемъ нарушеніи не только строго-религіозныхъ, но и вообще нравственныхъ понятій своего народа. Въ этомъ смыслѣ извѣстенъ такой фактъ, имѣвшій мѣсто весною 1888 г.: по случаю свадьбы одного изъ весьма вліятельныхъ и богатыхъ таранчей, послѣ обычныхъ праздничныхъ торжествъ, дунганскій волостной управитель устроилъ въ честь новобрачнаго обѣдъ, на который приглашены были почетныя лица и одинъ престарѣлый, всѣми уважаемый, дунганскій казій (народный судья). Этотъ званый обѣдъ сопровождался разными увеселеніями на китайскій манеръ—музыкой, пѣніемъ, плясками, въ

которыхъ у китайцевъ преобладаетъ эротическій характеръ. Однакожъ, легко увлекшись китайскими развлеченіями и допустивъ ихъ въ обиходъ своей жизни, солидные дунгане противуборствуютъ преобладанію здѣсь скабрезнаго элемента, и допустившій это волостной управитель былъ обвиненъ мѣстными имамами въ нарушеніи правилъ нравственности. Прегрѣшеніе свое сознałъ и самъ обвиняемый, явившись къ ахуну съ повинной, но не избѣгшій наказанія; ему, а равно участнику казію и дававшему представленіе дунганину было прописано ахуномъ въ мечети по 39 ударовъ сквозь рубашку, нанесенныхъ широкой кожаной плеткой, въ родѣ обыкновенныхъ мухобоекъ, называемой дарре и хранившейся въ мечети. Впрочемъ за такое поруганіе должностныхъ лицъ самъ ахунъ и его сторонники потерпѣли достаточное административное наказаніе, а дарре было изрублено на порогѣ квартиры собственноручно разгорячившимся крутымъ русскимъ начальникомъ, посѣтившимъ Джаркентъ вскорѣ послѣ происшествія въ мечети.

Въ духовной іерархіи дунганъ на первомъ планѣ стоитъ мударрисъ-ахунъ и имамъ; послѣдній обыкновенно обучаетъ въ школахъ и совершаетъ общественныя служенія въ мечетяхъ по пятницамъ. Затѣмъ слѣдуютъ—муфти—ахунъ (помощникъ и временный замѣститель главнаго духовнаго лица), хатипъ-ахунъ (совершающій обрѣзаніе) и муэдзинъ (пономарь, словесно сзывающій на молитву).

Дунганское духовенство выбирается самимъ обществомъ, убѣждающимся въ правоспособности кого-либо на извѣстную должность какъ по полученному избираемыми образованію, такъ и изъ собесѣдованій съ ними грамотныхъ лицъ изъ своей среды. Кончающимъ успѣшно курсъ въ туземныхъ школахъ общество дунганъ обыкновенно даритъ праздничную, нарядную одежду и тогда-же обрекаетъ подобнаго избранника замѣстителемъ въ будущемъ первой свободной вакансіи въ духовной іерархіи.

Дунганскія духовныя лица образованіе свое получаютъ отъ мѣстныхъ ученыхъ мусульманъ и отъ своего главнаго ахуна.

Особаго класса юродивыхъ, дервишей и т. п. въ дунганской средѣ нѣтъ и даже обыкновенная нищенствующая братія встрѣчается весьма рѣдко, ибо всѣ дунгане сравнительно народъ зажиточный и очень трудолюбивый.

Никакого опредѣленнаго содержанія нынѣ лицамъ духовнаго званія отъ дунганскаго общества не полагается, но прежде, во время проживанія въ Кульджѣ и Суйдунѣ, старшему ахуну назначено было обществомъ содержаніе, а именно: 1 фунтъ чаю, 2 фунта сахару, 4 пуда рису, 4 пуда муки въ мѣсяцъ, по одному барану на 3 мѣсяца и по 100 руб. въ годъ деньгами. Теперь-же духовенство получаетъ только плату за обычныя требоисправленія: за вѣнчаніе съ бѣдныхъ отъ 20 коп. до 1 рубля, а съ остальныхъ отъ 2—5 рублей, за похороны мужчины, обыкновенно, халатъ и немного деньгами, а за погребенія женщинъ—халатъ и что нибудь изъ серебряныхъ вещей, принадлежащихъ покойной (браслетъ, серьги и т. п.). Остальные сборы (ошуръ, зякетъ) практикуются какъ и у таранчей, но никакихъ особыхъ сборщиковъ не существуетъ, а даянія эти приносятъ сами правовѣрные, по усердію.—

У джаркентскихъ дунганъ существуютъ двѣ общественныя мечети, въ коихъ совершается служеніе по пятницамъ, и семь домашнихъ небольшихъ молитвенныхъ домовъ. Совершеніе „джума" признается обязательнымъ только въ городахъ и селеніяхъ и правило это называется у а д ж и п ъ, а въ открытой степи и ненаселенныхъ мѣстахъ достаточно совершать лишь обыкновенные намазы.

Большія мечети выстроены на общественный счетъ и стоимость ихъ простирается до 4000 рублей. Это обыкновенныя, сырцовыя, продолговатыя зданія, съ земляными, приподнятыми по краямъ, на китайскій манеръ, крышами и съ большими круглыми окнами надъ входомъ, но безъ минаретовъ. Отапливаетъ и освѣщаетъ мечети само дунганское общество.

При двухъ главныхъ мечетахъ находятся школы, а нѣкоторые грамотные люди обучаютъ и въ своихъ домахъ. Обученіе мальчиковъ начинается съ 7—8 лѣтняго возраста и можетъ продолжаться до 20 лѣтъ, дѣвочки же ходятъ въ школу съ 7-ми и не далѣе, какъ до 10 лѣтъ. Тотъ и другой полъ обучается въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, но подъ руководствомъ одного учителя. Обученіе начинается съ азбуки, потомъ изучаютъ счетъ по буквамъ (а б д ж а т ъ) далѣе к а л и м а т у н ъ, т. е. начатки вѣры, потомъ алкоранъ и письменность. Способъ преподаванія—по отдѣленіямъ, формируемымъ по времени поступленія дѣтей въ школу. Опредѣленнаго вознагражденія учителя (обыкновенно имамы) не получаютъ, а предъ поступленіемъ въ школу вносится родителями небольшая плата, затѣмъ дѣлаются подарки при переходѣ отъ изученія одного предмета къ другому, предъ праздниками, во время постовъ и т п. Кромѣ имамовъ, первоначальное обученіе (до начатковъ вѣры) производитъ и х а т и п ъ-а х у н ъ т. е. лицо, совершающее операцію обрѣзанія.

Браки среди дунганъ не совершаются ранѣе 15 лѣтняго возраста. Ни въ какой степени родства браки не допускаются и даже чужія семьи, но знакомыя между собою хорошо и дружныя, какъ родственныя, не вступаютъ въ сватовство и браки. Для сватовства отецъ жениха выбираетъ своего лучшаго друга, который обращается къ одному изъ пріятелей отца невѣсты и, по совѣщаніи съ нимъ, отправляются къ послѣднему. Переговоривъ предварительно съ своей женой, отецъ невѣсты даетъ отвѣтъ и, если таковой въ утвердительномъ смыслѣ, то отецъ жениха выбираетъ еще 4-хъ уполномоченныхъ, изъ духовенства и почетныхъ лицъ, которые составляютъ уже второе посольство къ родителямъ невѣсты, отправляющееся съ обычными подарками, а именно: 1 ф. чаю, сахаромъ, изюмомъ и какими-либо гастрономическими блюдами изъ дунганской кухни. Подарки эти носятъ у дунганъ названіе—ф е й л и. Послѣ этого такими-же подарками привѣтствуютъ и ближайшихъ родственниковъ со стороны невѣсты.

Принесшіе подарки сваты угощаются въ домѣ невѣсты чаемъ, сладостями, ведутъ обыкновенную бесѣду и затѣмъ сватовство считается совершенно оконченнымъ.

Когда дунгане состояли въ вѣдѣніи китайцевъ, то кромѣ имамовъ и ахуновъ, никто не имѣлъ права совершать браки; за отправленіе же этого обряда не принадлежащими къ составу духовенства лицами, на послѣднихъ накладываемы были китайскими властями разнаго рода наказанія. Въ настоящее же время у дунганъ не возбраняется совершать вѣнчаніе вообще лицамъ грамотнымъ и знающимъ установленныя молитвы.

День вѣнчанія назначаютъ, по взаимному согласію, родители брачущихся и въ этотъ день женихъ верхомъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей и сверстниковъ, является въ первый разъ въ домъ невѣсты, гдѣ бываетъ обычное угощеніе, послѣ котораго женихъ предъ родителями невѣсты и всѣми собравшимися родственниками ея дѣлаютъ общій поклонъ, а затѣмъ невѣсту съ приданымъ отвозятъ, въ дунганской арбѣ, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ-мужчинъ и женщинъ, къ жениху въ отдѣльное помѣщеніе, назначаемое для постояннаго жительства молодыхъ. Въ это время женихъ садится въ другой комнатѣ, окруженный духовенствомъ, своими провожатыми и родными и по окончаніи переговоровъ о магэрѣ, ведущихся между родителями брачущихся такъ же въ особомъ помѣщеніи, совершается ахуномъ обычный н и к а х ъ, а потомъ присутствующимъ предлагается трапеза и посильное угощеніе.

Браки по согласію только родителей, связующихъ судьбу своихъ дѣтей еще во время малолѣтства послѣднихъ, бываютъ у дунганъ, но очень рѣдко; взысканіе-же калыма и возникающія черезъ это обязательства при разнаго рода случайностяхъ совсѣмъ не практикуются, а потому у дунганъ неизвѣстна также и замѣна невѣсты другою ея сестрою, или обязательный выходъ просватанной дѣвушки за брата умершаго до вѣнчанія жениха. Согласіе на вступленіе въ бракъ у жениха и невѣсты спрашивается родителями и безъ этого

согласія браки не допускаются, какъ не бываетъ браковъ и безъ согласія родителей—по одному только взаимному договору симпатизирующей другъ другу пары. Духовенство рѣшится совершить бракъ и безъ согласія родителей, если при обрядѣ будутъ присутствовать въ качествѣ свидѣтелей два человѣка изъ родственниковъ, или вообще людей солидныхъ. Послѣ такихъ случаевъ духовенство убѣждаетъ родителей новобрачной четы санкціонироватъ состоявшійся бракъ своимъ согласіемъ и если таковое послѣдуетъ, то женихъ надѣваетъ (даритъ) на отца невѣсты халатъ и недоразумѣнія считаются оконченными.

Всѣ расходы по свадьбѣ уплачиваетъ женихъ, который передъ совершеніемъ брака вноситъ и магэръ (по дунгански кабинъ): у богатыхъ—отъ 10—50 тиллей (золотая монета въ Кашгарѣ и Бухарѣ, въ 3—4 руб.), у бѣдныхъ—до 20 рублей серебромъ. Если кабинъ полностью не будетъ приготовленъ, то свадьба разстраивается; иныхъ-же поводовъ къ такому исходу у дунганъ на практикѣ не бывало.

Въ случаѣ смерти жениха или невѣсты до совершенія брака замужество съ братомъ умершаго, или женитьба на сестрѣ первой невѣсты не обязательны и могутъ состояться только по новому договору и согласію между родителями, и съ уплатою женихомъ новаго кабина, который вносится по прибытіи невѣсты въ домъ жениха.

Свадьба у дунганъ совершается наичаще осенью послѣ уборки хлѣба; до вступленія въ бракъ свиданій между женихомъ и невѣстою не допускается. День свадьбы назначается муллами. Наиболѣе счастливыми для этого днями недѣли признаются понедѣльникъ и четвергъ въ томъ убѣжденіи, что въ эти именно дни Пророкъ и святые люди совершали свои великія дѣла и предпочитали отправляться въ путь.

Въ день свадьбы въ домѣ жениха и невѣсты собираются ихъ родные и знакомые. При женихѣ группируется отъ 4—8 паръ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ одинаковые костюмы, а одинъ изъ нихъ одѣвается точно такъ же, какъ и самъ женихъ. Всѣ эти провожатые садятся верхомъ на одномаст-

ныхъ лошадей и выѣзжаютъ, имѣя впереди жениха. Позади кортежа двигаются прочіе участники брачной церемоніи, изъ родныхъ и знакомыхъ, численностью нерѣдко до 100 человѣкъ. По пріѣздѣ въ домъ невѣсты жениха представляютъ ея родителямъ, а затѣмъ подается угощенье, обыкновенно изъ 9 кушаній (ш и), послѣ котораго отецъ, мать, или ближайшіе родственники выносятъ на рукахъ невѣсту и усаживаютъ въ дунганскую арбу; съ невѣстой помѣщаются и провожатыя (шучинды) изъ двухъ близкихъ женщинъ, а въ слѣдующей арбѣ ѣдутъ отъ 8—10 женщинъ—родственницы и гости. Въ заключеніи поѣзда 2 человѣка несутъ приданое невѣсты, разложенное на особыхъ столахъ, коихъ обыкновенно въ процессіи бываетъ отъ 30 до 40.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ домъ жениха окончательно разрѣшается вопросъ о магэрѣ: довѣренный со стороны невѣсты (вакиль) изъ ближайшихъ ея родственниковъ, вырѣшаетъ таковой съ родителями, или родственниками жениха. При договорѣ этомъ присутствуетъ и женихъ, сидящій, обыкновенно, по серединѣ комнаты. Затѣмъ совершается бракъ, подается угощеніе обычнымъ мусульманскимъ порядкомъ, и брачное торжество, при которомъ не допускается ни пѣсенъ, ни музыки, заканчивается.

При печальныхъ случаяхъ поятія не честной дѣвушки, если женихъ человѣкъ рѣшительный и энергичный, то сейчасъ же даетъ разводъ, а слабохарактерный и смирный втайнѣ переноситъ свое несчастіе, не оглашая о немъ даже среди самыхъ близкихъ людей. По увѣренію дунганъ, при китайскомъ владычествѣ подобные случаи неудачной женитьбы бывали нерѣдко, а теперь ихъ совсѣмъ не встрѣчается.

По окончаніи брачнаго торжества въ домѣ жениха остаются двѣ женщины свидѣтельницы, имѣющія совершенно не такое назначеніе какъ у таранчей, а женщины эти просто наблюдаютъ, чтобы женихъ не имѣлъ свиданія съ невѣстой до заката солнца, и на другое утро женщины эти расходятся по домамъ, нисколько не распространяя своей наблюдательности на первую ночь новобрачныхъ.

Въ дунганской семьѣ главою считается самое старшее по лѣтамъ мужское лицо. Но если, напримѣръ, у престарѣлыхъ родителей, отказавшихся отъ хозяйства, есть нѣсколько сыновей, то главою семьи изъ нихъ считается не старшій по возрасту, а тотъ, который во мнѣніи родителей лучшаго поведенія и болѣе способенъ вести самостоятельное хозяйство. Дѣти безусловно повинуются родителямъ и обязаны кормить престарѣлыхъ изъ нихъ. Также и жена должна находиться въ постоянномъ подчиненіи своему мужу, а при дурномъ обращеніи съ нею послѣдняго можетъ заявить жалобу казіямъ, которые пишутъ постановленіе, руководствуясь, впрочемъ, положеніями шаріата, по указанію ахуна, и даютъ разводъ. При китайскомъ владычествѣ дунганскіе казіи въ подобныхъ случаяхъ иногда налагали на виновнаго мужа наказанія ударами, числомъ отъ 39—78, или, въ болѣе важныхъ случаяхъ, передавали дѣло на усмотрѣніе китайскаго начальства.

Въ каждой семьѣ имущество считается нераздѣльнымъ, а приданымъ своимъ жена можетъ распорядиться не иначе, какъ только съ разрѣшенія мужа.

Бездѣтныя семьи усыновляютъ обыкновенно ближайшихъ родственниковъ, а иногда и постороннихъ сиротъ. Незаконнорожденныхъ младенцевъ обыкновенно подкидываютъ къ воротамъ мечетей и потомъ уже ихъ берутъ на воспитаніе добрые люди и большею частью тотъ, кто первый замѣтитъ подкидыша. Незаконнорожденными вообще считаются дѣти, происшедшія отъ незамужней женщины, или рожденныя вдовою послѣ 10 мѣсяцевъ со дня смерти мужа, а также родившіяся во время долговременной отлучки мужа. Отцы незаконнорожденныхъ дѣтей уклоняются отъ воспитанія послѣднихъ, боясь обнаружить свою вину и получить наказаніе по шаріату, а обманутыя дѣвушки и прелюбодѣйныя жены не предъявляютъ къ соблазнителямъ, изъ стыда, никакихъ исковъ и усиливаются воспитывать дѣтей исключительно на свои средства, если не рѣшаются подкинуть ихъ.

Для рѣшенія посемейныхъ дѣлъ особаго суда у дунганъ не существуетъ, а обыкновенно тяжущіяся семьи обращаются къ кому либо изъ почитаемыхъ и уважаемыхъ людей, или къ ахуну, или-же къ обычному суду казіевъ. Никакого срока на заявленіе жалобъ по всякаго рода дѣламъ не полагается.

Многоженство у дунганъ распространено менѣе, чѣмъ у прочихъ Джаркентскихъ туземцевъ, и огромное большинство изъ первыхъ имѣетъ по одной и уже никакъ не болѣе двухъ женъ. Женитьба на второй женѣ вызывается у дунганъ исключительно расширеніемъ хозяйства, иногда неплодіемъ, но отнюдь не физической неудовлетворительностью и сладострастными вожделѣніями.

Женщины въ семьѣ занимаютъ вполнѣ подчиненное положеніе и при китайскомъ владычествѣ могли показываться на улицѣ не иначе какъ съ закрытыми особымъ покрываломъ (лянзоръ) лицами, а теперь только прикрываются слегка шелковыми платками. Нечестныхъ дѣвушекъ, по отзывамъ дунганъ, въ современной средѣ ихъ совсѣмъ не встрѣчается и всѣ женщины вообще очень добродѣтельны.

Причинами развода (шуля) у дунганъ принимаются тѣ-же обстоятельства, что и у таранчей, и, кромѣ того, недоставленіе мужемъ средствъ къ жизни своей семьѣ; неплодіе-же не можетъ служить основаніемъ къ разводу. При разводѣ дѣти остаются у отца и если даже грудной ребенокъ перейдетъ по необходимости къ матери, то по вскормленіи грудью, отецъ можетъ отобрать его къ себѣ. Если разводъ состоится по просьбѣ мужа, то жена забираетъ къ себѣ все приданое и магэръ, а если по ея просьбѣ, то получаетъ только одно приданое. Разводъ можетъ совершиться и безъ участія духовенства, по одному взаимному согласію супруговъ, ибо случаи таковаго у дунганъ вообще ни въ какую книгу не заносятся. Разведенной женѣ мужъ обязанъ давать содержаніе въ теченіи 3 мѣсяцевъ и 10 дней (таранчи нафаки, а по дунгански джауфи). Послѣ развода женщина снова можетъ выйти замужъ не ранѣе какъ послѣ троекратнаго мѣсячнаго очище-

нія, а мужчина можетъ сейчасъ-же жениться, если только у него была одна жена; въ случаѣ существованія нѣсколькихъ женъ и развода съ одной изъ нихъ мужъ можетъ замѣнить разведенную новой женой только по прошествіи иддата. Импотенція мужа можетъ служить причиной развода, но предварительнаго испытанія при этомъ, какъ у таранчей, не производится.

Послѣ смерти мужа вдова вторично выходитъ замужъ исключительно по своему желанію и магэръ родственникамъ умершаго ни въ какомъ случаѣ не возвращается; послѣ смерти-же жены все приданое остается въ пользу овдовѣвшаго.

Послѣ смерти главы семьи отецъ его получаетъ $^1/_6$ часть, жены по $^1/_8$, а затѣмъ все остающееся дѣлится между дѣтьми такъ же, какъ и у таранчей. Но если въ числѣ наслѣдниковъ будутъ наравнѣ съ семейными, неженатые и незамужнія, то изъ остающейся (безъ шестой и $^1/_8$) части выдѣляются сперва расходы на женитьбу и приданое послѣднимъ, а потомъ уже чистый остатокъ дѣлится какъ выше сказано. Если остающаяся вдова женщина благоразумная, энергичная и хорошая хозяйка, то имуществомъ малолѣтнихъ управляетъ она, а въ противномъ случаѣ выбирается одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго, въ качествѣ опекуна (джуто); буде-же покойный еще при своей жизни изберетъ какое-либо лицо для исполненія обязанностей опекуна, то таковое носитъ у дунганъ названіе васи. Опекунами ведутся только домашнія книги и за отчетностью ихъ слѣдятъ другіе, ближайшіе родственники; въ случаѣ недоразумѣній по опекунскимъ дѣламъ, таковыя разрѣшаются обыкновеннымъ судомъ казіевъ.

Въ большинствѣ случаевъ имущество послѣ умершихъ дѣлится у дунганъ согласно словеснымъ, или письменнымъ распоряженіямъ самого умершаго, а по указаніямъ шаріата и въ выше описанномъ порядкѣ очень рѣдко. Завѣщанія бываютъ наиболѣе словесныя, а въ случаѣ недовѣрія къ исполненію воли умирающаго его наслѣдниками—пишутся на бумагѣ, подписываются свидѣтелями изъ ближайшихъ родственниковъ

и сосѣдей и отдаются на храненіе старшей женѣ, или ближайшему родственнику. Случаевъ завѣщаній имущества совершенно постороннимъ лицамъ у дунганъ никогда не бывало, а выморочное имущество поступаетъ въ пользу мечетей.

Раздѣлы семей и воспитаніе сиротъ у дунганъ совершаются точно такъ же, какъ и у таранчей.

Обрядъ погребенія, выборъ кладбищъ, отношеніе къ нимъ и проч. у дунганъ тождественны съ тарэнчинскими со слѣдующими только исключеніями: послѣ облитія трупа духами, его не завертываютъ въ кошму, а кладутъ на хранящуюся въ мечети моржовую кожу краснаго цвѣта, съ ручками по бокамъ (родъ носилокъ, называемый чинданъ), а потомъ уже на особыя деревянныя носилки, съ коихъ на могилѣ трупъ снимаютъ и спускаютъ въ ляхетъ на чинданѣ, потомъ послѣдній выдергиваютъ изъ подъ трупа и возвращаютъ въ мечеть.

Трауръ носятъ мужчины и женщины—въ родѣ бѣлой малой чалмы изъ маты на головѣ и таковой-же опояски. Бѣлый цвѣтъ для траура у дунганъ заимствованъ несомнѣнно у китайцевъ и по этому поводу нельзя умолчать объ одномъ курьезномъ случаѣ, очевидцемъ котораго мнѣ пришлось быть въ 1886 году въ предѣлахъ Китая.

Осенью того года состоялся въ китайскихъ предѣлахъ первый международный съѣздъ для разбора дѣлъ съ туземцами семирѣченской области. Послѣ водворенія китайцевъ въ кульджинскомъ раіонѣ, нѣсколько киргизскихъ волостей, какъ извѣстно, осталось тамъ, а большая часть, входящая теперь въ составъ кочевого населенія джаркентскаго уѣзда, приняла русское подданство. На съѣздѣ должны были участвовать киргизы той и другой стороны, состоявшіе прежде въ близкихъ между собою отношеніяхъ, жившіе въ однихъ волостяхъ, но переселеніемъ 1882 года разлученные между собою и съ тѣхъ поръ не видавшіеся. Понятно, что свиданіе между ними при открытіи съѣзда было очень теплое, но, тѣмъ не менѣе, чванливые китайскіе киргизы озаботились явиться на съѣздъ съ возможной своеобразной помпой, чтобы пустить пыль въ глаза

отошедшимъ отъ нихъ сородичамъ. И дѣйствительно, всѣ они пріѣхали на лучшихъ лошадяхъ, съ хорошими сѣдельными приборами и были одѣты въ заново приготовленные для съѣзда халаты и шапки; послѣднія имѣли верхушки изъ бѣлой матеріи и были украшены кистями и полосами изъ красныхъ нитей. Но какъ были поражены эти франты, когда прибывшіе на съѣздъ китайскіе чиновники задали имъ энергичныя, чуть ли не палочныя внушенія, за употребленіе головного убора съ траурными признаками, предъугадывающими какъ бы печальное пораженіе на предстоящемъ съѣздѣ, тогда какъ сыны Небесной имперіи всегда и во всемъ разсчитываютъ только на побѣды...

Срокъ траура у дунганъ полагается тотъ-же, что и у таранчей.

ГЛАВА VII.

Еще съ самаго начала предварительныхъ переговоровъ о возвратѣ кульджинскаго района китайскому правительству, въ средѣ кульджинскихъ туземцевъ, особенно—таранчей и дунганъ, господствовало опасеніе снова подпасть подъ власть китайцевъ, которая только за десятилѣтіе предъ тѣмъ свергнута была мусульманскимъ движеніемъ въ илійской провинціи.

Тревожныя заботы о будущемъ между таранчами и дунганами, по обнародованіи трактата 1881 г., достигли своего апогея. Эти—недавніе подданные китайцевъ, самовольно свергшіе съ себя ихъ иго и, благодаря своей энергіи, испытавшіе безъисходность и тяжесть рабскаго своего положенія предъ владычествующимъ китайскимъ населеніемъ старой Кульджи и прилегающихъ къ ней провинцій, не могли, конечно, расчитывать на миръ и спокойствіе при новомъ порабощеніи ихъ китайцами, предусматривая въ будущемъ лишь жестокую мстительность прежнихъ своихъ владыкъ и сугубый гнетъ безпощаднаго деспотизма. При такихъ обстоятельствахъ, Высочайшая милость, проявленная во Всемилостивѣйшемъ соиз-

воленіи Государя Императора Александра III на принятіе въ среду своихъ вѣрноподданныхъ той части кульджинскихъ туземцевъ, которая не пожелала-бы остаться въ составѣ китайской имперіи, на возвращаемой территоріи бывшаго кульджинскаго раіона, принята была кульджинскими туземцами, какъ величайшее благодѣяніе и великая милость для ихъ народа [1]). Несказанно ободренные Высокимъ покровительствомъ Бѣлаго Царя, кульджинскіе туземцы не только безъ малѣйшаго опасенія за свое благосостояніе, но съ непреодолимою надеждою на несомнѣнно свѣтлое будущее, ринулись изъ кульджинскаго раіона въ семирѣченскую область при первой вѣсти о неизмѣнномъ рѣшеніи нашего правительства возвратить Кульджу китайцамъ, хотя наплывъ переселенцевъ, по необходимости (за недостаткомъ свободныхъ и орошаемыхъ земель въ области) и былъ сдерживаемъ мѣстными властями. Такъ, по распоряженію туркестанскаго генералъ-губернатора,— коему во время переселенія (въ 1881 и въ началѣ послѣдующаго года) подчинена была еще семирѣченская область,— число переселенцевъ въ пограничной съ Китаемъ полосѣ, между р. р. Хоргосомъ и Усекомъ, разрѣшено было довести не болѣе какъ до 1500 семействъ изъ туземныхъ жителей бывшаго кульджинскаго раіона, тогда какъ въ первый же годъ переселенія на этой узкой полосѣ, шириною менѣе 40 верстъ, осѣло кульджинскихъ туземцевъ (таранчей и дунганъ) свыше 3000 семействъ, въ количествѣ 11950 душъ обоего пола. Здѣсь-же размѣщена одна киргизская волость изъ рода суванъ, перешедшаго къ намъ также послѣ возврата Кульджи и состоявшая тогда изъ 9647 душъ обоего пола.

Въ южной части джаркентскаго уѣзда, по лѣвому берегу р. Или, кульджинскіе переселенцы (исключительно таранчи)

[1]) Намъ извѣстно, что при посѣщеніи въ 1891 г. нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ г. Омска (резиденціи степного генералъ-губернатора, въ составъ котораго входила тогда семирѣченская область) особые депутаты отъ джаркентскихъ таранчей и дунганъ имѣли счастіе поднести всеподданнѣйшій, благодарственный адресъ за принятіе ихъ, при возвращеніи Кульджи китайцамъ, въ русское подданство.

осѣли по р.р. Акъ-су и Чарыну, образовавъ особую волость аксу-чарынскую (изъ жителей хонохайской волости, кульджинсвскаго раіона), въ которой числится 4312 душъ обоего пола. Изъ прочихъ уѣздовъ семирѣченской области кульджинскіе переселенцы преимущественно помѣщечы въ вѣрненскомъ, а затѣмъ въ токмакскомъ уѣздахъ; въ пржевальскомъ же уѣздѣ поселились кашгарскіе выходцы-дунгане, послѣ возмущенія въ Кашгарѣ въ 1877 году. Общее число переселенцевъ таранчей и дунганъ доходило до 56253 душъ [1]. Если принять средній посемейный составъ у таранчей и дунганъ въ 4 души, то число туземныхъ переселенческихъ семействъ изъ бывшаго кульджинскаго раіона въ семирѣченской области достигнетъ до 14066 семействъ, тогда какъ въ началѣ переселенія (къ декабрю 1881 г.) число заявлявшихъ желаніе переселиться, по оффиціальнымъ даннымъ, не превышало 12673 семействъ (11365 семей таранчей и 1308 семей дунганъ). Увеличеніе почти на 1400 переселенческихъ семействъ, происшедшее уже послѣ выселенія изъ Кульджи, объясняется, главнымъ образомъ, превысившимъ предположенное первоначально къ переселенію число таранчей и дунганъ, и избытокъ этотъ преимущественно осѣлъ въ пограничной съ Китаемъ полосѣ, на восточной окраинѣ отъ нынѣшняго Джаркента [2].

Здѣсь, между р.р. Хоргосомъ и Усекомъ, сгруппированы преимущественно таранчинскія осѣдлыя поселенія (кишлаки): 1) Хоргосскій (на самой границѣ, по правому берегу р. Хоргоса, при пропускномъ посту, № 3, пограничномъ), 2) Пенджимъ на западъ отъ Хоргоса по почтовой джаркент-

[1]) Въ эту послѣднюю цифру не входитъ число таранчей кетменской волости (джаркентскаго уѣзда), такъ какъ волость эта, въ строгомъ смыслѣ, не переселялась, а осталась на прежнихъ мѣстахъ кульджинскаго раіона, по сѣверному склону кетменскихъ горъ, отошедшихъ къ намъ и послѣ возврата Кульджи по договору 1881 года.

[2]) Джаркентскій уѣздъ занимаетъ пространство только до 40 тысячъ кв. верстъ, или вдвое менѣе самаго большого и въ $1^1/_2$ раза почти менѣе самаго малаго изъ прочихъ уѣздовъ области, съ населеніемъ 80000 душъ обоего пола, т. е. не менѣе пржевальскаго уѣзда, занимающаго 52228 кв. верстъ.

ско-кульджинской дорогѣ, на разстояніи 17 верстъ, 3) Кипекъ-юзы, 4) Акъ-кентъ, 5) Солонъ-кентъ, 6) Новый Тышканъ, 7) Старый Тышканъ, 8) Джаркентъ (въ самомъ городѣ Джаркентѣ, особая таранчинская часть) и 9) къ югу отъ почтовой дороги, въ 6-ти верстахъ отъ Джаркента, особое поселеніе Чолокай.

Другая волость таранчинскихъ переселенцевъ расположена въ южной части джаркентскаго уѣзда, по лѣвую сторону р. Или, и нижеслѣдующія селенія ея находятся при р.р. Акъ-су и Чарыну (другія мелкія горныя рѣчки не поименовываются): 1) Большое Акъ-су, 2) Малое Акъ-су, 3) Баянъ-касакъ, 4) Чарынъ.

Вышедшіе изъ Кульджи дунгане въ джаркентскомъ уѣздѣ сгруппировались, до 1500 душъ, въ одномъ только пригородномъ селеніи Джаркентъ, хотя временно нѣкоторая часть ихъ занимается земледѣліемъ, и по лѣвую сторону р. Или, по р. Чарыну и на уроч. Каратума, вблизи отъ западной границы съ вѣрненскимъ уѣздомъ.

По переселеніи въ джаркентскій уѣздъ, таранчи, въ преобладающей своей массѣ, остались тѣми-же земледѣльцами, какими они оказывались и въ кульджинскомъ раіонѣ. Но такъ какъ большая часть переселенцевъ (до 3000 семействъ) осѣла въ приграничной, узкой полосѣ между р.р. Хоргосомъ и Усекомъ, гдѣ наиболѣе удобныя земли тотчасъ-же послѣ возврата Кульджи китайцамъ отрѣзаны были (до 30000 десятинъ) войсковому правленію семирѣченскаго казачьяго войска, для надѣла проектированнымъ къ устройству на границѣ казачьимъ поселкамъ, то первоначально значительная часть переселенцевъ размѣстилась здѣсь безъ всякаго порядка, не получивъ особо опредѣленныхъ для полевой культуры площадей и эксплоатируя преимущественно казачью землю, заарендованную, въ количествѣ 6700 десятинъ, на 8 лѣтъ, съ платою ежегодно по 35 коп. за десятину.

Только въ 1886 году таранчи получили особый надѣлъ земли въ 24000 десятинъ для своихъ селеній, начавшихъ бо-

лѣе или менѣе правильно застраиваться и организоваться въ отдѣльныя сельскія общества съ весны 1885 г.

Поселившіеся въ южной части уѣзда таранчи, выходцы изъ хонахайской волости, въ числѣ 905 семействъ, получили земельный надѣлъ ранѣе джаркентскихъ переселенцевъ, а именно въ 1885 году, въ количествѣ 4640 десятинъ, или болѣе чѣмъ по 5 десятинъ на семью.

Урожаи господствующихъ изъ воздѣлываемыхъ туземцами хлѣбовъ [1]) не превышаютъ самъ 10, но для пшеницы и ячменя цифра эта бываетъ весьма часто въ нѣсколько, а для проса и джугары—даже въ 10 разъ болѣе.

Таранчами и дунганами джаркентской волости въ первый годъ по переселеніи (1883 г.) было высѣяно до 400 четвертей разнаго рода хлѣба и снято 42018 четвертей.

Интересно сравнить, какъ отразилось переселеніе на размѣрахъ земледѣлія въ первый-же годъ по водвореніи на новыхъ мѣстахъ.

Въ кульджинскомъ раіонѣ на всѣхъ обитателей изъ таранчей и дунганъ, въ числѣ до 60000 душъ обоего пола, высѣяно было, напримѣръ въ 1876 г. (Пантусовъ. Свѣдѣнія о кульджинскомъ раіонѣ за 1871—77 г. Казань 1881 г.) разнаго рода зерна до 70000 четвертей (1,18 четв. на душу) и снято 1035736 четв. или по 17 четвертей на душу. Согласно вышеприведеннымъ даннымъ, въ первый годъ по водвореніи въ джаркентскомъ уѣздѣ было посѣяно только по 0,03 четв. и снято немного болѣе 3 четвертей на душу; но уже въ 1890 г. таранчами и дунганами было снято 104.142 четв., или по 51 п. на душу. Въ виду того, что самая пограничная полоса съ Китаемъ, между Хоргосомъ и Усекомъ, весьма густо заселилась въ первый же годъ послѣ возврата Кульджи исключительно почти туземцами изъ бывшаго кульджинскаго раіона, поддерживающими постоянныя сношенія съ

---

[1]) О способахъ полевой культуры воздѣлываемыхъ таранчами и дунганами растеній помѣщенъ нами рядъ статей въ «Киргизской степной газетѣ» за 1901 г.

оставшимися въ предѣлахъ Китая своими сородичами, мѣстная администрація, тотчасъ-же по проведеніи новой пограничной линіи, озаботилась, чтобы неизбѣжныя сношенія нашихъ туземныхъ переселенцевъ съ китайско-подданными не вызывали международныхъ съ сосѣдями осложненій и чтобы была полная возможность соблюдать, какъ говорятъ китайцы, „чистоту границы". Съ этою цѣлью, въ разныхъ пунктахъ пограничной линіи, идущей по одному джаркентскому уѣзду на протяженіи 200 слишкомъ верстъ, какъ съ русской, такъ и съ китайской стороны, учреждены военные передовые посты. Съ нашей стороны первоначально, но не надолго, постовую службу здѣсь несли казаки 1-го семирѣченскаго полка, а затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ непрерывно—казаки 1-го сибирскаго Ермака Тимофѣева полка. У китайцевъ же по лѣвую сторону Или посты занимаютъ преимущественно калмыки и сибинцы, а по правую—солоны и регулярныя войска.

Въ организаціи пограничной охраны съ той и другой сторонъ замѣтна та существенная разница, что въ первое время количество постовъ на русской сторонѣ было весьма значительно, а у китайцевъ, напротивъ, тогда какъ впослѣдствіи, съ учрежденіемъ таможеннаго надзора, казачьи посты значительно сокращены числомъ, а китайскіе увеличены. До учрежденія въ Джаркентѣ и на Хоргосѣ (пропускной № 3 постъ, на пограничной линіи) таможни, казачьи посты на русской сторонѣ заняты были 1-й сотней 1-го сибирскаго казачьяго Ермака Тимофѣева полка и 4, 5 и 6 сотнями 2-го сибирскаго полка и расположены такъ: 1) полусотня и сотенный дворъ на посту № 1, въ верхнемъ теченіи р. Хоргоса, на уроч. Башъ-Кунчанъ, близь поселка Хоргоскаго; отъ этого поста нѣсколько казаковъ выставляется иногда еще выше по Хоргосу, на уроч. Алмолы, 2) 20 казаковъ, подъ командою урядника на посту № 2-й, отстоящемъ отъ 1-го внизъ по Хоргосу, верстъ на 10, 3) полусотня 2-го полка на посту № 3, въ томъ же почти разстояніи отъ 2-го, а другая полусотня отбываетъ конвойную службу при кульджинскомъ кон-

сульствѣ [1]), 4) 10 казаковъ, подъ командою офицера, тоже по Хоргосу, на посту № 4, 5) полусотня и сотенный дворъ на посту № 5, 6) взводъ подъ командою офицера, на посту № 6, на уроч. Кара-Кульдекъ, при впаденіи Хоргоса въ р. Или, 7) 10 казаковъ, подъ командою урядника, на Кайрылганѣ, по лѣвому берегу р. Или, 8) 15 казаковъ, подъ командою офицера, въ таранчинскомъ селеніи Кальджатѣ, 9) полусотня и сотенный дворъ въ выселкѣ Охотничьемъ (Нарынъ-Колъ), 10) взводъ подъ командой офицера, на Уртенсаѣ, 11) взводъ подъ командой офицера, на Сюмбэ и 12) 10 казаковъ, подъ командою урядника, на Текесѣ.

Съ учрежденіемъ таможни расчетъ нашихъ постовъ быстро измѣнился и количественный составъ ихъ былъ такой: 1) казаки 1-й сотни № 1 полка на посту № 3, за исключеніемъ 10-ти, которые переведены на постъ № 4-й, 2) полусотня и сотенный дворъ 2-й сотни того же полка на посту № 5, 3) 10 казаковъ, подъ командою урядника, на Кайрылганѣ, 4) взводъ подъ командою офицера, на посту № 6-й, 5) 15 казаковъ, подъ командою офицера, въ сел. Кольджатѣ, 6) полусотня и сотенный дворъ 4-й сотни на Башъ-Кунчанѣ, 7) 20 казаковъ, подъ командою офицера, на посту № 2, 8) взводъ, подъ командою урядника, на ур. Чонкуръ-Булакъ, 9) полусотня и сотенный дворъ 6-й сотни въ выс. Охотничьемъ, 10) 10 казаковъ, подъ командою урядника, на Текесѣ, 11) взводъ, подъ командою офицера, на Сюмбэ и 12) взводъ, подъ командою офицера, на Уртенсаѣ, и на пропускномъ посту таможенный чиновникъ съ двумя надсмотрщиками и 4 объѣздчиками.

Съ китайской стороны охрана пограничной линіи количественно значительно превосходила наши посты.

---

[1]) Такъ какъ на посту № 3 построенъ на нашей сторонѣ особый редутъ съ обширнымъ помѣщеніемъ для нижнихъ чиновъ и офицеровъ, то здѣсь въ казармахъ, кромѣ обычныхъ постовыхъ казаковъ, временно размѣщалась иногда сотня отъ 1 полка и даже которая-либо изъ ротъ 3-го запад. сибирскаго линейнаго баталіона, квартирующаго въ Джаркентѣ.

Съ 1890, приблизительно, года главнокомандующій (чжэнь-тай) учредилъ даже вторую линію пограничныхъ постовъ, съ возведеніемъ новыхъ инпановъ, занятую исключительно китайскими солдатами. На всемъ протяженіи границы илійскаго края съ Россіей расположено 32 поста и 10 военныхъ станцій.

Порядокъ расположенія китайскихъ постовъ, начиная съ сѣвера, слѣдующій: 1) Постъ Джаке-обо, охранная линія этого поста, къ западу до Каптагая, пролегаетъ на протяженіи 40 ли [1]).

2) Постъ Каптагай, отъ этого поста до слѣдующаго 40 ли, 3) постъ Шала-сини—60 ли, 4) постъ цинь-да-лань 50 ли, 5) Суда-багань 60 ли, 6) Карaучжуръ 160 ли, 7) Кукуталу—80 ли, 8) Чагань-усу 80 ли, 9) Ямату—90 ли, 10) Отоксайли—40 ли, 11) Далюй (онъ же Шабату)—80 ли, 12) Дачжухань. Всѣ эти 12 постовъ находятся на пограничной линіи, внѣ джаркентскаго уѣзда, и заняты солдатами изъ чахаровъ.

Собственно по границѣ съ джаркентскимъ уѣздомъ расположены нижеслѣдующіе китайскіе посты: съ сѣвера—13) хорсугурскій, отъ него къ югу до слѣдующаго поста 70 ли, 14) Фульчянь-алинь 30 ли, 15) Никань (пропускной постъ на китайской сторонѣ, соотвѣтствующій нашему № 3) 30 ли, 16) Чагань-обо 50 ли, 17) Дэнь-юань 80 ли, 18) Или-цикинь. Эти шесть постовъ находятся на линіи отъ верховьевъ Хоргоса до впаденія этой рѣки въ Или и соотвѣтствуютъ нашимъ первымъ шести постамъ. Здѣсь посты исключительно заняты солонами. 19) Тоуху 50 ли, 20) Сань-Кому (по мусульмански—Учъ-агачъ, т. е. 3 дерева), 21) Ган ца-модо (Джангызъ-агачъ) 50 ли, 22) Такилхань. Изъ этихъ три поста заняты исключительно сибинцами, а четвертый, совмѣстно съ сибинцами, и калмыками, состоя въ подчиненіи послѣднихъ. 23) Алигань-гу 70 ли, занимаемый сибинцами и монголами;

---

[1]) Одно ли равняется 267 погоннымъ саженямъ. Въ описаніи синьцзянской провинціи разстояніе здѣсь обозначено въ 80 ли.

изъ первыхъ здѣсь находится 1 урядникъ и 4 солдата, а отъ калмыковъ 5 солдатъ при урядникѣ, 24) Чагань-иленъ 40 ли, 25) Гунирь 45 ли, 26) Текесъ-хо (рѣка) 30 ли, 27) Хашэнъ 40 ли, 28) Довату 46 ли, 29) Албансуму 45 ли, 30) Карабулакъ 54 ли, 31) Махотологай 45 ли и 32) Нарынъ-колъ, являющійся первымъ (головнымъ) постомъ, если считать посты отъ Тяньшаня и идти къ сѣверу. Всѣ послѣдніе 10 постовъ, кромѣ Алигань-гу, заняты исключительно калмыками [1]). Такимъ образомъ, количество китайскихъ постовъ на пограничной линіи съ джаркентскимъ уѣздомъ болѣе нашихъ казачьихъ на 8 постовъ. Кромѣ того на южной дорогѣ, близь границы, у китайцевъ расположено 8 слѣдующихъ военныхъ станцій, называемыхъ узюнь-тай. 1) Батмэнго-тай, въ разстояніи отъ слѣдующей на 90 ли, 2) Хайнукъ-тай 90 ли, 3) Сугоръ-тай 80 ли, 4) Боръ-тай 100 ли, 5) Хонохай-тай 100 ли, 6) Токесъ-тай (онъ же Цзюлань) 80 ли, 7) Шатуамань-тай 100 ли и 8) Тамухатамъ (предъ Музартскимъ переваломъ, онъ же Адунгеръ) до конечнаго пункта къ югу—Гакэхархай, 50 ли, и наконецъ, по восточной дорогѣ 2 станціи Сань-тай и Сы-тай.

На каждомъ изъ передовыхъ постовъ у китайцевъ находится отъ 8 до 12 солдатъ изъ національности, къ коей принадлежитъ самъ постъ, почему, хотя количество пограничныхъ постовъ на китайской сторонѣ по Хоргосу и далѣе на на югъ и больше нашихъ казачьихъ постовъ, но число охранной стражи на пограничной съ джаркентскимъ уѣздомъ линіи, на самомъ дѣлѣ, вдвое менѣе числа русскихъ казаковъ, расположенныхъ по той же линіи. Если къ этому присоединить малоспособность китайскихъ постовъ къ усиленнымъ переѣздамъ, сторожевой службѣ и отсутствіе энергіи, граничащее нерѣдко съ полной трусостью, то станетъ яснымъ, что охрана съ нашей стороны, какъ наиболѣе дѣйствительная и

[1]) Въ послѣдующее время китайскія власти, въ виду замѣченной недобросовѣстности калмыковъ, обѣщали нашему консулу всѣ калмыкскіе посты замѣнить другими войсками.

цѣлесообразная, распространяется особенно и на защиту китайцевъ, служба передовыхъ постовъ коихъ не выходитъ почти за предѣлы исполненія простыхъ формальностей. Дабы не быть голословнымъ при такомъ нелестномъ заключеніи о воинственныхъ доблестяхъ пограничныхъ охранителей съ „почтенной стороны“ (такъ, обыкновенно, въ разговорахъ съ сосѣдями именуется взаимно-китайская и русская сторона, причемъ эпитетъ этотъ говорящій употребляетъ по отношенію къ той сторонѣ, съ которой ведетъ бесѣду, считая въ то же время, свою сторону, какъ бы мало значащею и ничтожною), пишущій эти строки считаетъ нужнымъ привести лично наблюдаемые и извѣстные факты изъ постовой китайской службы и взгляды на оную самой стражи, что подтвердится и самымъ отношеніемъ китайскихъ властей къ пограничнымъ дѣламъ, о которомъ сказано будетъ ниже.

Осенью 1885 г., будучи командированъ въ илійскій край, для возврата бѣжавшихъ къ китайцамъ нашихъ киргизъ, я возвращался изъ за Коксу и Текеса по китайской территоріи съ 71 кибитками киргизъ, коихъ было, съ женами и дѣтьми, до 300 человѣкъ, а въ конвоѣ у меня 4 только русскихъ казака и до 80 сибинцевъ съ 2 амбанями (генеральскій чинъ). Переходить границу пришлось около Кольджигера, чрезъ китайскій постъ, соотвѣтствующій нашему кайрылганскому, и меня безпокоило то обстоятельство, что возвращавшіеся киргизы, взятые мною вдали отъ Кульджи, гдѣ находится Россійско-Императорское консульство, не имѣли заграничныхъ билетовъ. Можно было опасаться, что китайскій постъ не пропуститъ безбилетныхъ киргизъ, переходящихъ къ тому-же границу не въ опредѣленномъ по договору 1881 г. пропускномъ пунктѣ, и я окажусь въ безвыходномъ положеніи на чужой сторонѣ, съ массою полуголоднаго народа и скота. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что при приближеніи къ китайскому посту въ сторожевой будкѣ, на крышѣ и стѣнахъ постоваго помѣщенія, начали вырисовываться наблюдающіе силуэты бдительной стражи. Но каково-же было мое удивленіе, когда стража эта

при видѣ многочисленной, но крайне нестройной и отнюдь не воинственной нашей кавалькады, большинство всадниковъ коей возсѣдало на низкорослыхъ быкахъ и даже телятахъ, моментально скрылась внутри инпана, изъ-за стѣнъ котораго одиночныя головы не прежде начали робко выглядывать, какъ только тогда, когда мы перешли на русскую сторону. Даже сопровождавшіе меня амбани, въ числѣ коихъ былъ и весьма почтенный, солидный Сэ-укурдай [1]), и ихъ свита не могли удержаться при этомъ отъ иронической улыбки. Нужно замѣтить, что все это происходило среди бѣлаго дня, а ночью постовыя войска почтенной стороны еще болѣе, выражаясь деликатно, осторожны. Въ 1890 г. былъ, напримѣръ, такой случай: даотай-инъ, начальствующій надъ всѣми войсками илійскаго края и вѣдающій, при посредствѣ особой коммиссіи, всѣ русско-китайскія дѣла [2]), встрѣчая со стороны одного изъ видныхъ сановниковъ на постахъ постоянныя, голословныя ссылки на то, что русскіе подданные своими самовольными подвигами очень часто нарушаютъ „чистоту границы“ и не видя подтвержденія этого въ фактическомъ противодѣйствіи своихъ передовыхъ постовъ, которые не могли задержать ни одного изъ русско-подданныхъ при случаѣ нелегальнаго ихъ отношенія къ границѣ, вознамѣрился провѣрить бдительность инпана жалующагося начальника и, къ несчастію, въ ночное время.

Но, о, ужасъ! ни энергичные вызовы самаго даотая, ни отчаянные крики его многочисленной свиты не могли вызвать

---

[1]) Сэ—фамилія, или вѣрнѣе, употребляемый, обыкновенно, у китайцевъ только первый слогъея, укурдай—начальникъ сибинцевъ, управляющій всѣми сумунами, или ширу—ротами, т. е. отдѣльными поселеніями сибинцевъ, похожими на городъ, обнесенный стѣною, которыхъ въ илійскомъ краѣ числомъ 8.

[2]) Резиденція даотая и коммиссіи находится нынѣ въ Кульджѣ, а ранѣе коммиссія имѣла мѣстопребываніе въ Суйдунѣ и была въ вѣдѣніи илійскаго цзянь-цзюня, исправляющему должность коего затѣмъ были подчинены только не многочисленныя войска собственно изъ китайцевъ.

къ жизни какъ-бы вымершихъ обывателей инпана, крѣпко запертыя ворота и стѣны коего были только безмолвными свидѣтелями неизбѣжной необходимости высокаго сановника проникнуть въ инпанъ необычнымъ путемъ, карабкаясь черезъ послѣднія. Разумѣется, стража, подкрѣпленная значительной дозой опіума, не вымерла, а спала непробуднымъ сномъ, пробужденіе же ея начальника было по истинѣ печальное, ибо дарынъ (начальникъ, господинъ, какъ „галдай"—„галай-да" чиновникъ, должностное лицо) этотъ тотчасъ же лишенъ былъ синяго шарика (соотвѣтствуетъ чину полковника) и павлиньяго пера, составлявшихъ, быть можетъ, единственное украшеніе и цѣнность его несчастной головы.

Ночная бдительность вообще даже противорѣчитъ принципамъ и понятіямъ китайцевъ о порядочности, ибо, усиленно отклоняя отъ себя необходимость, со стороны передовыхъ постовъ, ночныхъ разъѣздовъ, китайскія власти съ убѣжденіемъ мотивируютъ это неприличіемъ для своихъ достославныхъ войскъ разъѣзжать по ночамъ, „когда никто изъ порядочныхъ людей не бодрствуетъ, а шляются только воры и нехорошіе люди".

Скученность нашего туземнаго населенія близь границы и близость расположенія къ оной кочевниковъ—лихихъ наѣздниковъ, имѣвшихъ, къ тому-же, свои расчеты съ оставшимися въ Китаѣ киргизами, вызывала, конечно, возможность постоянныхъ сношеній нашихъ подданныхъ съ китайскими, для которыхъ законный путь предоставляется поѣздками въ илійскій край по заграничнымъ билетамъ, выдаваемымъ отъ мѣстнаго уѣзднаго начальства. На каждое, ѣдущее въ Китай, лицо выдается отдѣльный билетъ, съ указаніемъ всѣхъ провозимыхъ туда предметовъ, разумѣется изъ категоріи разрѣшенныхъ къ ввозу въ Китай по договору 1881 г. Билеты эти выдаются туземцамъ на основаніи удостовѣреній волостныхъ управителей о личности отправляющихся въ Китай и ихъ благонадежности, а равно по представленіи надлежащаго поручительства.

Имѣющіе надобность отправиться въ Китай съ дѣловою цѣлью, напримѣръ по торговымъ дѣламъ, туземцы не укло-

няются отъ взятія билетовъ, каковыхъ въ теченіе года изъ джаркентскаго уѣзднаго управленія выдается свыше 1000 нумеровъ.

Помимо сообщенія по установленнымъ билетамъ, таранчи практикуютъ тайный переходъ границы, совершаемый преимущественно бездомными и бѣдными одиночками. Случаи такихъ своевольныхъ переходовъ границы довольно часты и относятся не къ однимъ джаркентскимъ, но и къ таранчамъ вѣрненскаго уѣзда. Переходы эти не имѣютъ характера эмиграціи и ушедшіе въ Китай безбилетные таранчи нерѣдко возвращаются сами, а большинство выдворяется нашимъ консульствомъ въ Кульджѣ и подвергается здѣсь судебной отвѣтственности. При переселеніи таранчей изъ Кульджи многія семьи разрознились: часть ихъ осталась въ вѣдѣніи китайцевъ, а другая перешла въ наше подданство. Разумѣется, при такихъ условіяхъ, кромѣ понятнаго влеченія къ старымъ насиженнымъ мѣстамъ, у нѣкоторыхъ русско-подданныхъ таранчей является еще обычное родственное тяготѣніе, которое, при нежеланіи или невозможности, для бѣдныхъ, оплатить установленный заграничный билетъ гербовымъ сборомъ (каждый билетъ, съ удостовѣреніемъ и ручательствомъ оплачивался гербовыми марками на 2 р. 20 коп.) и вызываетъ незаконный переходъ границы, обусловливаемый для нѣкоторыхъ таранчей еще и тѣмъ, что заграничные билеты, по договору 1881 г., могутъ быть выдаваемы собственно только ѣдущимъ по торговымъ дѣламъ. Самовольныя отлучки едвали предотвратитъ и распространенное нынѣ право легимитаціонныхъ билетовъ, такъ какъ Джаркентъ отстоитъ отъ границы на болѣе далекое разстояніе, чѣмъ законъ предусматриваетъ для упомянутыхъ билетовъ.

Приграничные наши кочевники прибѣгаютъ къ незаконнымъ сношеніямъ съ китайско-подданными или для самоуправныхъ разсчетовъ, или съ корыстными цѣлями, а потому сношенія эти носятъ иногда характеръ набѣговъ, оканчивающихся отбарантованіемъ разнаго рода скота.

Уже въ первыя пять лѣтъ по переселеніи, китайскія власти возбудили 75 дѣлъ по угону нашими подданными разнаго рода скота. Изъ этихъ претензій 22 были рѣшены пограничной нашей администраціей и по нимъ китайцы получили слѣдующее удовлетвореніе: 587 головъ лошадей, 43 рогатаго скота, 17 верблюдовъ и 290 руб., а всего на сумму, по общепринятой здѣсь между туземцами, при дѣловыхъ расчетахъ, оцѣнкѣ скота, свыше 6000 р. Изъ остальныхъ дѣлъ 14 направлены къ судебной власти, 9 претензій произведенными дознаніями не подтвердились, а прочія разобраны на международныхъ съѣздахъ, бывшихъ въ 1886—1887 г.г. на китайской сторонѣ, на уроч. Кегень. На съѣздахъ этихъ разбирались всѣ взаимныя претензіи китайско—и русско-подданныхъ, возникшія между ними послѣ 15 марта 1882 г., т. е. послѣ передачи Кульджи китайцамъ, а потому съѣздамъ была предъявлена масса дѣлъ, переписки по которымъ не было предварительно возбуждаемо ни съ русской, ни съ китайской стороны.

Въ 1886 г. на кегенскомъ съѣздѣ туземцами семирѣченской области и проживающими въ Кульджѣ русско-подданными было предъявлено исковъ къ китайцамъ всего 1377, на сумму 383894 руб.; съ китайской стороны къ нашимъ подданнымъ предъявлено было 334 иска, на сумму 293931 р., такъ что въ общемъ предстояло съѣзду рѣшить 1708 дѣлъ, на 677825 р. Впослѣдствіи, по открытіи дѣйствій съѣзда, изъято отъ разбора (предано салавату—забвенію)386 дѣлъ и не принято къ разбору, согласно особой инструкціи, 116 исковъ по документамъ. Эти исключенныя дѣла относятся къ русскимъ претензіямъ, коихъ, затѣмъ, къ разбору уже осталось только 872. Изъ этого послѣдняго количества на съѣздѣ рѣшено 516 дѣлъ, на сумму 61926 руб. и осуждающіе приговора постановлены народными судьями по 72 дѣламъ, на сумму 8564 р. и послѣдовали отказы по 374 дѣламъ на сумму 43356 р. Нерѣшенныхъ дѣлъ по искамъ туземцевъ семирѣченской области къ китайско-подданнымъ илійскаго края осталось 393, на сумму 236120 руб. По китайскимъ искамъ

разобрано 122 дѣла, на сумму 52644 р., изъ нихъ присуждено по 22 дѣламъ 4618 р. и отказано по 100 дѣламъ на сумму 33969 р., а не рѣшенныхъ китайскихъ исковъ осталось 221 на 241287 р. И здѣсь на съѣздѣ, какъ и вообще у туземцевъ, наиболѣе практиковался простѣйшій способъ рѣшенія дѣлъ передачею на присягу, причемъ составъ суда постановляетъ свое рѣшеніе исключительно только на основаніи результатовъ таковой, т. е. если присяга принята, то отвѣтчикъ безусловно оправдывается, а если не принята, то обвиняется. У киргизъ избранные, одинъ или нѣсколько, присягатели исполняютъ свои обязанности очень просто: въ назначенный судомъ день и часъ присягатель является на опредѣленное мѣсто и говоритъ, что онъ пришелъ на присягу. Это значитъ, что присяга принята. Если же присягатель въ назначенное время совсѣмъ не явится на опредѣленное мѣсто, то присяга не принята. Сторона, въ интересахъ которой бываетъ послѣдній исходъ, нерѣдко прибѣгаетъ къ насилію, задерживая извѣстное время избранныхъ присягателей у себя въ аулѣ связанными, или даже закованными въ конскія путы. Въ рѣдкихъ случаяхъ и въ болѣе населенныхъ мѣстахъ присяга принимается въ мечетяхъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обрядностей и съ одѣваніемъ „смертной рубашки" (костюмъ, приготовленный для погребенія). На кегенскомъ съѣздѣ каракиргизы (кочевники пржевальскаго и токмакскаго уѣздовъ) заявляли требованія о принятіи присяги предъ кораномъ, съ обязательствомъ надѣть присягателямъ чалмы (особый головной уборъ, обязательный у мусульманъ для лицъ духовнаго сана). Курьезныя требованія встрѣтились при принятіи присяги по дѣламъ между монголами и сартами: первые обрядность присяги сводили къ задутію присяжнымъ зажженной свѣчи, а послѣдніе требовали выполненія этого особымъ способомъ, который возможенъ только при необходимости „въ малой естественной надобности". Калмыки являлись истцами и притязанія нашихъ сартовъ были ими предъявлены мнѣ на разрѣшеніе, причемъ согласіе было весьма легко возстановлено тѣмъ убѣжденіемъ,

что тотъ и другой способъ весьма легко выполнимы, а потому и спорить здѣсь не о чемъ.

Послѣдующій международный съѣздъ 1887 г. на Кегенѣ увѣнчался еще большимъ успѣхомъ: было разобрано съ обѣихъ сторонъ весьма много дѣлъ и дѣлъ весьма серьезныхъ.

Благодаря административнымъ взысканіямъ, судебнымъ преслѣдованіямъ и результатамъ двухъ международныхъ съѣздовъ, баранты и угонъ скота съ китайской стороны нашими подданными совершенно пріутихли и въ 1890 г., напримѣръ, по претензіямъ китайско-подданныхъ и нашихъ въ джаркентскомъ уѣздномъ управленіи возникло всего 23 дѣла, изъ коихъ 13 по искамъ китайцевъ и 10 по претензіямъ нашихъ подданныхъ. Первые всѣ окончены, а изъ послѣднихъ кончено только 3. Въ послѣдующемъ году случаевъ угона почти не было. Однимъ изъ главныхъ затрудненій къ скорому удовлетворенію китайцевъ административнымъ порядкомъ, въ случаяхъ угона у нихъ скота, служитъ всегда неисполненіе передовыми китайскими постами требованій въ этомъ отношеніи инструкціи о пограничномъ надзорѣ, основанной по существу на договорѣ 1881 г. и на протоколѣ особаго совѣщанія въ Петербургѣ.

Такъ, при угонѣ скота обязательно сдавать слѣды, если таковые уходятъ въ русскіе предѣлы, на ближайшій изъ нашихъ передовыхъ постовъ, который производитъ предварительные розыски и затѣмъ уже о результатахъ сообщаетъ администрація. Китайскіе посты, благодаря выше характеризованному отношенію своему къ службѣ, по горячимъ слѣдамъ никогда почти не преслѣдуютъ преступниковъ и не отыскиваютъ слѣдовъ, а о каждомъ угонѣ поступаютъ только голословныя заявленія, чрезъ нашего консула, отъ коммисіи русско-китайскихъ дѣлъ, или отъ даотая-ина, которыя до уѣздной администраціи доходятъ лишь значительное время спустя послѣ самаго происшествія. При такомъ обстоятельствѣ и безъ всякой руководящей нити въ предварительныхъ китайскихъ сообщеніяхъ трудно бываетъ отыскивать дѣйствительно винов-

ныхъ, а потому часто приходится относить отвѣтственность на цѣлыя общества, на территоріи коихъ въ нашихъ предѣлахъ найдены будутъ слѣды угнаннаго скота. Совсѣмъ другое отношеніе встрѣчается по претензіямъ нашихъ подданныхъ объ угонѣ скота жителями илійскаго края: китайскія власти не только отказываютъ въ удовлетвореніи, но даже не принимаютъ къ своему разсмотрѣнію дѣлъ объ угонахъ, по коимъ не имѣется квитанцій о пріемѣ слѣдовъ подлежащими китайскими постами. Между тѣмъ, получить эти квитанціи не особенно легко: китайскіе посты обыкновенно отговариваются или неимѣніемъ у нихъ грамотныхъ, или отсутствіемъ старшаго на посту чиновника, безъ котораго подчиненные якобы не имѣютъ права выдавать никакихъ документовъ,—тогда какъ у насъ на офицерскихъ постахъ нерѣдко выдаютъ квитанціи вахмистры и урядники,—или же, наконецъ, выдаютъ квитанцію темнаго содержанія, съ пустымъ наборомъ словъ, а иногда вмѣсто квитанцій, изображается какая-либо молитва, и все это наши подданные, по незнанію китайскаго и манчжурскаго языковъ, съ довѣрчивостью должны принимать. Еще въ самомъ началѣ дѣла о возвратѣ Кульджи, семирѣченская администрація, озабочиваясь обезпеченіемъ мирной жизни на вновь проектированной границѣ нашей съ Китаемъ, предполагала несомнѣнно сократить размѣры заселенія пограничной полосы туземцами и кочевниками, образовавъ здѣсь значительныя казачьи поселенія изъ осѣдлыхъ жителей Семирѣчья, пожелавшихъ перейти въ казачье сословіе. Но планъ этотъ не осуществился и по самой границѣ устроились только два незначительныхъ поселка, съ населеніемъ преимущественно изъ сибирскихъ казаковъ, а одна изъ предполагавшихся подъ казачью станицу площадей занята нынѣ г. Джаркентомъ.

Ненарушимость протяженія пограничной линіи и ея направленія, опредѣленныхъ по договору 1881 г., а равно и цѣлость пограничныхъ столбовъ провѣряется чрезъ каждые три года особыми коммиссіями изъ русскихъ и китайскихъ чиновниковъ. Первая подобная провѣрка по опредѣленію гра-

ницы состоялась въ 1885 г. марта 10-го 1882 г. кульджинскій край былъ переданъ оффиціально китайскимъ властямъ полномочнымъ коммисаромъ, а ровно черезъ годъ и наши войска оккупаціоннаго отряда, находившіяся временно въ бывшемъ кульджинскомъ раіонѣ для поддержанія порядка и охраненія нашихъ подданныхъ, не успѣвшихъ еще переселиться изъ Кульджи, находились уже на Хоргосѣ, на русской территоріи [1]), такъ что съ этого времени безусловно начинается единоначальное владычество китайцевъ надъ илійскимъ краемъ. Первоначально резиденція главнаго управленія, сосредоточивавшагося у китайцевъ въ лицѣ цзянь-цзюня (первымъ по возвратѣ Кульджи илійскимъ цзянь-цзюнемъ былъ сановникъ Дзи), была въ Суйдунѣ (на половинѣ разстоянія отъ границы нашей до Кульджи), гдѣ китайцы возвели значительную крѣпость, а вблизи Суйдуна расположены были многіе инпаны; остальныя же войска размѣщены были по крѣпостямъ Чинчаходзи (въ 40, примѣрно, верстахъ отъ нашей границы, по старой почтовой дорогѣ) и Чимпандзе (въ 7 верстахъ отъ границы). О численномъ составѣ китайскихъ войскъ въ первые годы ихъ управленія возвращеннымъ илійскимъ краемъ частныя свѣдѣнія стали появляться только въ началѣ 1885 г., благодаря одному печальному случаю изъ внутренней китайской жизни въ илійской провинціи—открытому возмущенію противъ своихъ начальниковъ части войскъ, расположенныхъ близъ Суйдуна.

Происшествіе это началось въ ночь на 18 марта 1885 года, къ каковому времени въ самомъ Суйдунѣ и вблизи его расположено было солдатъ изъ черныхъ китайцевъ до 4 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ отъ 1300—1600 помѣщалось при цзянь-цзюнѣ, въ самой крѣпости, а остальные въ окрестныхъ инпанахъ. Всѣ эти солдаты продовольствовались на одинаковомъ положеніи, получая въ день только два фунта черной

[1]) Приказъ по войскамъ и управленіямъ семирѣченской области отъ 10 марта 1883 г. за № 31/132.

муки и ни крупинки соли, ни золотника мяса, ни гроша денегъ. Такое аскетическое положеніе тянулось, говорили, долго и возбуждаемый у солдатъ сильнымъ голодомъ ропотъ возросъ въ послѣднее время до того, что всѣ суйдунскіе инпаны, не исключая и крѣпостныхъ солдатъ, рѣшились убить цзянь-цзюня, отложивъ кровавую расправу до 15-го числа, когда цзянь-цзюнь долженъ-бы былъ, по обыкновенію, поѣхать въ кумирню для совершенія обычнаго молебствія. Но одинъ изъ военныхъ начальниковъ предупредилъ цзянь-цзюня о заговорѣ и поѣздка въ кумирню не состоялась.

18 числа въ 9 часовъ вечера взбунтовался 1-й инпанъ, убилъ своего дарына (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ убитый-то и донесъ о заговорѣ, по другимъ же, сдѣлалъ это чинъ ниже дарына, который тоже былъ убитъ, а самъ дарынъ былъ умерщвленъ за то, что въ началѣ движенія не хотѣлъ стать во главѣ своихъ солдатъ), зажегъ казарменныя зданія и затѣмъ отправился въ казарму, расположенную на базарной площади, дабы вызвать на бунтъ другой инпанъ. Здѣсь, говорятъ, все было тихо и потому бунтовавшіе разсердились, что товарищи, не поддерживая бунта, какъ бы измѣняютъ имъ и начали стрѣлять въ казарму изъ ружей. Это произвело переполохъ, солдаты выскочили и присоединились къ бунтовщикамъ. Подробностей присоединенія остальныхъ двухъ инпановъ неизвѣстно, но только ночью-же начался грабежъ на базарѣ: брали деньги, скотъ, хлѣбъ и мясо, но товаровъ не трогали. Говорятъ, задѣли нѣсколько лавокъ нашихъ сартовъ, но у извѣстныхъ торговцевъ изъ татаръ все было благополучно. Вообще-же во все время исторіи отношеніе бунтовщиковъ къ русскимъ подданнымъ было мирное [1]). На другой день бунтовщики, опасаясь, что цзянь-цзюнь снесется съ нашимъ консуломъ о присылкѣ къ нему на помощь русскихъ солдатъ и что это бу-

[1]) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, возбудивъ другой инпанъ, бунтовщики отправились въ Тарджи (предмѣстье Суйдуна), гдѣ награбили лошадей и оружія и взбунтовали манчжурскихъ солдатъ, а потомъ уже вернулись въ Суйдунъ для грабежей на базарѣ.

детъ уважено, пошли по направленію къ Талкамъ (ущелье на с. отъ Суйдуна), встрѣтили гдѣ то обозъ арбакешей и отобрали лошадей, утѣшивъ хозяевъ, что пусть они обратятся къ цзянь-цзюню и потребуютъ по 100 руб. за лошадь въ счетъ слѣдующаго солдатамъ серебра.

Стоящіе въ Чинчаходзи войска, числомъ до 1000 человѣкъ, были вытребованы во время бунта въ Суйдунъ и тогда только цзянь-цзюнь рѣшился выйти изъ крѣпости и выѣхалъ на встрѣчу къ войскамъ, по слухамъ, въ какой то короткой, невзрачной курмѣ, обвязанный платкомъ вмѣсто шляпы. Объясняютъ это и обуявшимъ его до растерянности страхомъ, и желаніемъ не быть узнаннымъ по костюму своими недоброжелателями. При приближеніи цзянь-цзюня чинчаходзійскіе солдаты будто бы подняли ружья къ небу (условный знакъ единомыслія съ бунтовщиками) и этимъ заставили сановника немедленно удалиться въ крѣпость, гдѣ будто бы цзянь-цзюнь надѣлъ на себя смертную курму, ожидая встрѣтить насильственную кончину. Въ погоню за удалившимися бунтовщиками было отправлено 500 сибинцевъ, 500 солоновъ и цзяньцзюнское войско [1]). Между преслѣдователями и бунтовщиками произошла схватка въ мѣстности между Дакъ-янзы, при чемъ бунтовщики будто бы убили 100 сибинцевъ, захватили много лошадей, а преслѣдователи задержали 17 чампановъ, кои въ Суйдунѣ и казнены, а головы ихъ выставлены въ клѣткахъ. Интересно, что шайка бунтовавшихъ увеличилась на пути, такъ какъ въ Сайрамѣ присоединился къ нимъ стоявшій здѣсь инпанъ. Это, въ связи съ соображеніемъ, что бунтовщикамъ не совсѣмъ то безопасно явиться на глаза высшему начальству (Людзунтану) съ жалобой на цзянь-цзюня (по разсказамъ, удаляясь изъ Суйдуна, они угрожали именно

[1]) Что подъ послѣднимъ слѣдуетъ понимать—никто толкомъ объяснить не могъ. Извѣстно только, что предъ бунтомъ—цзянь-цзюнь всѣхъ крѣпостныхъ солдатъ, какъ ненадежныхъ, обезоружилъ и распустилъ, оставивъ при себѣ лишь 200 наемныхъ калмыковъ. Неужели и эту послѣднюю свою охрану онъ рѣшился отпустить въ погоню?...

этимъ), наводило на мысль, что исторія еще не кончена и бунтовщики могутъ вернуться, тѣмъ болѣе, что между остававшимися тогда въ Суйдунѣ, распущенными изъ крѣпости, безоружными, продолжали рости неудовольствія, но не въ силу уже голода (часть серебра имъ роздали, но продать его было не кому, ибо торговцы разъѣхались въ Кульджу и цѣна на ямбу въ Суйдунѣ тогда значительно понизилась), а потому, что цзянь-цзюнь отнялъ у нихъ оружіе. Но опасенія эти оказались напрасными и чрезъ нѣсколько дней вся исторія была покончена. Нѣкоторые изъ начальниковъ этихъ солдатъ имѣли разговоръ съ нашими дунганами послѣ бунта, при чемъ особенно настоятельно требовали категорическихъ отвѣтовъ на слѣдующіе вопросы: пришлетъ-ли русскій консулъ помощь русскими войсками, когда цзянь-цзюню будетъ плохо и отдадутъ-ли русскіе обратно солдатъ, намѣревающихся будто бы по окончаніи расправы съ цзянь-цзюнемъ, объявить себя русскоподданными, когда богдыханъ пришлетъ подкрѣпленія войскамъ.

Исторія эта повліяла, безъ сомнѣнія, на послѣдовавшее вскорѣ удаленіе цзянь-цзюня отъ должности, съ замѣною его сановникомъ Си (Си-лунь), а ровно чрезъ годъ центральными властями былъ командированъ временно въ илійскій край и высшій сановникъ Людзинь-танъ, пробывшій здѣсь, впрочемъ, очень не долго.

Въ іюлѣ 1886 г. между нашими подданными туземцами распространились упорные слухи о томъ, что въ Суйдунъ будетъ направлено изъ другихъ провинцій, для усиленія мѣстныхъ войскъ, до 20000 солдатъ, но слухи эти оказались не вѣрными и были своевремено разсѣяны нашимъ консуломъ въ Кульджѣ по тѣмъ соображеніямъ, что привлеченіе массы войскъ въ кульджинскій край въ то время было невозможно, такъ какъ тогда въ Кульджѣ не было достаточнаго количества ни хлѣба, ни клевера [1]). Въ началѣ декабря 1886 г. въ Суйдунѣ

[1]) Помимо прямого своего назначенія, какъ кормовая трава, молодые листья клевера продаются на суйдунскомъ базарѣ ранней весной (конецъ

также подготовлялся бунтъ войскъ, вызванный неполученіемъ жалованья, но Си-лунь раздобылъ немного серебра для раздачи солдатамъ и послѣдніе притихли.

Въ 1888 г. мѣсто Си-луня заступилъ цзянь-цзюнь Се, котораго окончательно погубили денежныя затрудненія. По недостатку серебра сановникъ этотъ выпустилъ китайскія бумажныя деньги (тезы) и ввелъ въ употребленіе мѣдную монету (ярмаки), чего не было въ сосѣднихъ провинціяхъ. Этотъ своего рода внутренній заемъ, впредь до полученія серебра, былъ предположенъ на строго опредѣленную сумму, но, при ликвидаціи таковаго обмѣномъ на серебро, ярмаковъ было предъявлено на громадную несравненно съ выпущенной сумму. Явное банкротство, объяснившееся наплывомъ мѣдной монеты изъ другихъ мѣстъ, гдѣ она была не въ ходу или обращалась по низшему курсу, чѣмъ въ Суйдунѣ, довело бѣднаго сановника и его жену до самоубійства. Се-цзянь-цзюнь отравился (по слухамъ, хлористымъ золотомъ) лѣтомъ 1890 г. Послѣ него должность цзянь-цзюня илійскаго оставалась не замѣщенною и ее временно отправлялъ одинъ изъ суйдунскихъ сановниковъ; главное же мѣстное управленіе илійскимъ краемъ сосредоточено было въ лицѣ даотая-Ина, живущаго въ Кульджѣ.

Въ послѣдующее время военныя силы китайцевъ въ илійскомъ краѣ, между Кульджею и Хоргосомъ, расположены были такъ: 1) въ самой Кульджѣ одинъ пѣхотный инпанъ и за городомъ—кавалерійскій, 2) на Баяндаѣ (западнѣе Кульджи) 1 инпанъ, занятый манджурами, 3) еще далѣе на западъ въ мѣстности Цзьялинцзы,—человѣкъ 30—50 конницы, 4) подъ Суйдуномъ, верстъ за 8, въ мѣстности Янбулакъ, небольшой пикетъ человѣкъ 20 солдатъ, 5) въ самомъ Суйдунѣ 7 инпановъ пѣхоты и кавалеріи, изъ нихъ одинъ построенъ въ сѣверныхъ горахъ, лежащихъ противъ Суйдуна, а другой—на

марта и начало апрѣля) какъ зелень для употребленія въ пищу. Это обстоятельство, какъ кажется, послужило поводомъ къ предположеніямъ, что возвратившіеся добровольно изъ нашихъ предѣловъ къ китайцамъ калмыки первоначально бѣдствовали тамъ до того, что «питались даже клеверомъ».

большой дорогѣ, не вдалекѣ отъ суйдунскаго консульскаго помѣщенія, 6) въ Тарджахъ (предмѣстье Суйдуна съ запада(конный инпанъ, 7) Саньда хоцзы—прежде стоялъ конный инпанъ, а потомъ 30 человѣкъ, 8) новоустроенный инпанъ на Даурѣ 30 чел., 9) крѣпость Чинпандзи—конный и пѣшій инпанъ, 10) Никань-карунь 20 чел. китайцевъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о пустыхъ пока инпанахъ между №№ 8 и 9 и на востокъ отъ 10, а также о вновь возводимомъ инпанѣ на уроч. Кегень, на сѣверъ отъ Никань-Коруня, въ ущельѣ, гдѣ бываетъ международный съѣздъ.

Главнымъ центромъ военныхъ силъ илійскаго края, какъ видно, является г. Суйдунъ, но такихъ силъ въ этой провинціи вообще очень не много. Какъ интересный проэктъ китайцевъ для защиты границы отъ барантачей является возникшее у нихъ въ началѣ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія предположеніе построить вдоль границы стѣну (нѣчто въ родѣ „великой стѣны"); стѣна эта должна прерываться только тамъ, гдѣ сама природа представляетъ непреодолимыя, естественныя препятствія для безопаснаго перехода границы. Не столько въ силу какого-либо превосходства своихъ военныхъ силъ, сколько изъ тщеславнаго желанія импонировать предъ туземцами, желанія привлечь ихъ на свою сторону и заселить пустой, но благодатный, илійскій край, китайцы въ первое время по отношенію къ русскимъ держали себя довольно заносчиво и гордо, а по временамъ даже дерзко. Обращеніе послѣдняго рода замѣчалось еще въ 1887 г. даже между торговцами и посѣщеніе, напримѣръ, суйдунскаго базара, въ своемъ родѣ довольно любопытнаго, не представлялось тогда пріятнымъ отъ назойливости толпы и грубаго обращенія торговцевъ, не снисходившихъ къ русскимъ не только до малѣйшей уступки въ цѣнѣ, но даже и до простого разговора.

Въ позднѣйшее время отношенія эти сдѣлались значительно мягче, и со стороны торговцевъ даже заискивающими, что вызывается застоемъ торговли на мѣстныхъ рынкахъ

и возвышеніемъ курса, свыше нормальнаго, русскаго кредитнаго рубля послѣ выпуска илійскими властями тэзъ и ярмаковъ.

Обширный городъ Суйдунъ, обнесенный капитальными стѣнами изъ синяго китайскаго кирпича, со множествомъ воротъ и сторожевыхъ будокъ на стѣнахъ, имѣетъ нѣсколько отдѣльныхъ базаровъ для разныхъ народностей: китайскій, дунганскій, сартовскій.

На китайскомъ базарѣ сосредоточивается вся обыденная жизнь обитателей Суйдуна, ибо мужское населеніе, съ ранней поры и до вечера (ворота въ Суйдунѣ отворяются около 6 часовъ утра и запираются вечеромъ около того же времени), привыкло проводить время на базарѣ, продовольствуясь тамъ въ гостинницахъ, или у многочисленныхъ разносчиковъ приготовленной провизіей; здѣсь же, на улицѣ совершаются операціи убранства головы, починяется старое платье и обувь, изготовляется и примѣряется новое и т. п.—однимъ словомъ базарная жизнь кипитъ и пестрѣетъ довольно живо и разнообразно. Жаль одного, что узкія и грязныя улицы, на которыя совершенно безпрепятственно поступаютъ всѣ органическіе отбросы и нечистоты (китайцы на улицѣ въ обращеніи со своей особой слишкомъ безцеремонны и то, что у насъ требуетъ обязательнаго уединенія и особыхъ мѣстъ, у нихъ совершается открыто на улицѣ), затрудняютъ свободу передвиженія, а зловоніе для непривычнаго человѣка становится сущимъ наказаніемъ.

Наиболѣе русскихъ на китайскомъ базарѣ привлекаютъ лавки съ посудою и шелковыми матеріями. Въ первыхъ продаются разнаго рода вазы, блюда, чайники, чашки, китайскіе чернильные приборы (мѣдные), трубки и т. п., а въ послѣднихъ—канфа разныхъ цвѣтовъ, дурдунъ, фанза, чесунча и т. п. Въ мануфактурныхъ лавкахъ какъ въ Суйдунѣ, такъ и въ Кульджѣ нерѣдко встрѣчаются въ послѣднее время матеріи англійскаго издѣлія, удостовѣряемаго существующими на

нихъ пломбами и ярлыками. Впрочемъ, китайскіе магазины не отличаются специализаціею торговли и во всѣхъ почти изъ нихъ можно найти посуду, матеріи, чай, табакъ (нюхательный) и гастрономическія рѣдкости.

Русскій кредитный рубль при промѣнѣ на тэзы и ярмаки имѣетъ на суйдунскомъ рынкѣ лажу 10 коп., почему при продажѣ товаровъ купцы освѣдомляются у покупателя о средствахъ уплаты и при платежѣ русскими деньгами, сообразно изложенному, понижаютъ еще цѣну. На суйдунскомъ базарѣ открыты особыя мѣняльныя лавочки для обмѣна китайскихъ денегъ на русскіе кредитные билеты, или размѣнное серебро, съ промѣномъ въ 10 коп. на рубль. Къ этому неизбѣжно должны прибѣгать торговцы, имѣющіе сношеніе съ русскими рынками, на которыхъ ни тэзы, ни ярмаки не обращаются.

Мягкость отношеній къ русскимъ проглядывала уже по истеченіи перваго десятилѣтія послѣ передачи Кульджи и въ частной жизни, гдѣ по крайней мѣрѣ китайская интеллигенція старалась быть возможно любезною и гостепріимною, хотя на особую искренность при этомъ полагаться было нельзя.

Гостепріимство китайцевъ отчасти вытекаетъ изъ свойства ихъ натуры, дѣлающаго китайцевъ большими гастрономами и любителями кушать съ ранняго утра и до поздняго вечера, а потому трудно обычный день въ китайской жизни, въ смыслѣ утоленія голода и жажды, распредѣлить на извѣстные часы. Извѣстно, что китайцы измѣряютъ свои не только физическія, но и умственныя силы состояніемъ желудка и обычное привѣтствіе при встрѣчѣ вопросомъ о здоровьѣ нерѣдко замѣняютъ фразою: „Кушали-ли вы сегодня?“ (чй-ля-ма?).

При такомъ возведеніи въ культъ гастрономическихъ наслажденій не излишнимъ будетъ коснуться здѣсь нѣкоторыхъ подробностей о кулинарномъ искусствѣ китайцевъ илійскаго края, при чемъ рѣчь пойдетъ объ одномъ неподготов-

ленномъ и двухъ, такъ называемыхъ, „званыхъ“ обѣдахъ у китайскихъ сановниковъ (одинъ—въ должности корпуснаго командира, а другой—бывшій предсѣдатель коммиссіи русско-китайскихъ дѣлъ).

Угощеніе открывается неизбѣжнымъ чаемъ, со всевозможными, по времени года, свѣжими и сухими фруктами и конфектами, имѣющимися подъ рукой. Чай подается обыкновенно зеленый, сильно душистый отъ присутствія въ немъ достаточнаго количества жасминныхъ и розовыхъ цвѣтовъ, а обиліе сахара, подкладываемаго въ чашки черезчуръ самимъ хозяиномъ, доводитъ жидкость до состоянія сиропа. За чаемъ, обыкновенно, подается и шампанское, если таковое имѣется въ запасѣ, или—если пріѣзжій гость преподнесъ шампанское хозяину въ числѣ обычныхъ подарковъ, по поводу коихъ приходится сдѣлать невольное отступленіе.

Въ обычаѣ у китайцевъ при первомъ визитѣ къ русскимъ (рѣчь идетъ только о служащемъ классѣ) привозить съ собою подарки, обыкновенно аршинъ 8 какой либо шелковой матеріи, нѣсколько коробокъ зеленаго чая, или китайскихъ печеній, грушъ, а иногда даже арбузовъ и дынь и т. п. Разумѣется, цѣнность и количество подарковъ зависитъ отъ служебнаго положенія лица, дѣлающаго визитъ, и того, кому эти подарки предназначены. Иногда китайцы, напримѣръ, цзянь-цзюнь, посылая въ Джаркентъ одного изъ своихъ чиновниковъ для привѣтствія пріѣзжающихъ туда нашихъ областныхъ властей, присылаютъ даже заочно привѣтственные подарки. Обычай этотъ соблюдается также и русскими: какъ при первоначальныхъ визитахъ, такъ и при отвѣтахъ на таковые русскіе дарятъ обыкновенно сладости (конфекты, варенье, англійское печеніе) и вино (китайцы любятъ шампанское, коньякъ и наливки), а иногда и какую нибудь занятную вещь особаго устройства: карманные часы, стѣнные съ кукушкой, музыкальные ящики и т. п. Стоимость подарковъ съ той и другой стороны бываетъ безошибочно равная и въ этомъ

отношеніи можно привести одинъ выдающійся случай: одному сановнику были поднесены разнообразные мелочные подарки изъ 5 сортовъ вина, подсвѣчниковъ съ плато подъ нихъ и нѣсколькими фунтами свѣчей (это принято), бонбоньерокъ съ конфектами и бенгальскихъ огней. Казалось бы, не только стоимость, но даже и самое употребленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ китайцамъ не извѣстно, но получившій ихъ сановникъ тщательно разрѣшилъ эту задачу, преподнеся отвѣтно то же количество матеріи, чаю, печеній и грушъ, стоимость котораго равнялась цѣнности полученныхъ имъ подарковъ, руководясь въ этомъ случаѣ тактомъ—не обидѣть меньшими подарками и не довести до непріятной хвастливости избытокъ таковыхъ.

Первый изъ видѣнныхъ мною китайскихъ обѣдовъ былъ спѣшный и для хозяина неожиданный, а потому на сервированномъ послѣ чая особомъ маленькомъ, четырехъ-угольномъ китайскомъ столикѣ, не покрытомъ скатертью и съ замѣною салфетокъ цвѣтными (синими) платками, фигурировали блюда, исключительно приготовленныя изъ барана (китайцы скотскаго мяса не ѣдятъ изъ особаго почитанія рогатаго скота, какъ весьма полезной рабочей силы). Тѣмъ не менѣе количество блюдъ доходило до 20 и по угламъ стола разставлены были разной окраски и фигурности дополняющія сервировку украшенія изъ того же бараньяго мяса. Другой торжественный обѣдъ, въ именины одного изъ сановниковъ, продолжался нѣсколько часовъ и состоялъ изъ трехъ отдѣленій. Первое замѣняло нашу закуску и состояло изъ массы гастрономическихъ тонкостей, привозимыхъ изъ Пекина. Это—самая роскошная и оживленная часть обѣда, въ которой тонкость блюдъ усиленно споритъ съ неудовлетвореннымъ еще аппетитомъ, возбуждаемымъ и на глазъ разнообразіемъ перемѣняемыхъ постоянно блюдъ, или, вѣрнѣе, небольшихъ глубокихъ фарфоровыхъ чашекъ, въ коихъ кушанья подаются. Оживленіе поддерживается и постоянно подливаемымъ въ

маленькія чашки виномъ, какое только имѣется у хозяина, безъ всякой сортировки и подраздѣленія вина сообразно подаваемымъ блюдамъ, и доходитъ до того, что китайцы, закусывая, начинаютъ за столомъ особую игру на пальцахъ, называемую дунганами хуа-чуан-ни и состоящую въ слѣдующемъ: двое гостей одновременно и быстро должны выкидывать изъ подъ стола правую руку, сжатую въ кулакъ, но съ нѣсколькими (по желанію) отогнутыми пальцами и если число послѣднихъ оказывается у играющихъ одинаково, то партія безъ проигрыша, а въ противномъ случаѣ выигрываетъ тотъ, у котораго окажется больше отогнутыхъ пальцевъ. Проигравшій долженъ каждый разъ выпивать чашечку чжунъ-чжуна или вина,—исходъ игры весьма своеобразный.

Обиліе блюдъ въ первой части обѣда не исчерпывается даже нижеслѣдующими кушаньями, образцы коихъ, въ сухомъ видѣ, удалось собрать на суйдунскомъ и кульджинскомъ базарахъ: 1) плавниковыя перья акулы, разваренныя въ соусѣ (очень вкусны), 2) юй-ду, по дунгански янъ-фунъ (рыбье брюхо), 3) хэй-могу (черные грибы), 4) минъ-цзянь-лекарственное растеніе, произрастающее въ провинціи Фу-цзянъ, 5) плоды ненюфаръ (лотосъ), подаются въ сладкомъ соусѣ, 6) да-ся-ми, по дунгански тами,—хвостики морскихъ раковъ, 7) хай-дай-сы — буквально въ переводѣ морскія нити, 8) хунъ-цыэ—морскія водоросли, 9) лу-джо—тоже, 10) юй-юй—какая-то рыба, 11) чжу-сунь—бамбуковые ростки, 12) хуанъ-хуа-цай—желто-цвѣточныя овощи, 13) цвѣты лотоса, подаются въ сладкомъ соусѣ, 14) лунъ-сю-цай—морская спаржа, 15) юй-лань-нянь—магнолія, 16) черное вещество (названіе не извѣстно), при разогрѣваніи въ водѣ сильно разбухаетъ и дѣлается упругимъ, какъ резина, 17) цзянь-и-чжу—мясо морской змѣи и 18) квашеныя яйца, приготовляемыя особымъ способомъ (обмазанныя глиной закапываются въ землю, гдѣ, по настоящему, должны вылежать 100 лѣтъ, но китайскіе гаст-

рономы курсъ этотъ значительно сокращаютъ, выдерживая лишь 5—6 лѣтъ). Разумѣется, здѣсь поименованы далеко не всѣ изъ пикантныхъ китайскихъ закусокъ, классификація коихъ въ ботаническомъ, ихтіологическомъ и зоологическомъ отношеніи затруднительна, а потому имъ приданы здѣсь только китайскія, съ переводомъ, названія.

Во второй части обѣда подается жаркое изъ баранины, куръ, фазановъ, утокъ и свинины. Здѣсь особенно выдается жареное, очень горячее, баранье сало (курдюкъ), посыпанное сахаромъ (въ горячемъ видѣ оно очень вкусно, но ѣсть его небезопасно отъ обжога) и свинина особой мелкой породы китайскихъ свиней, почти безъ мяса, съ однимъ саломъ, тающимъ во рту какъ лучшее сливочное масло. Иногда подается образцово поджаренный цѣльный поросенокъ. Послѣ этой части обѣда гостямъ дается отдыхъ, они уходятъ въ особую комнату, гдѣ большинство куритъ опіумъ или пьетъ чай, а нѣкоторые изъ первыхъ, возлежа, даже засыпаютъ.

Затѣмъ слѣдуетъ снова выходъ въ столовую и подаются супы (бараньи, куриные съ рисомъ, иногда и очень цѣнный супъ изъ такъ называемаго „ласточкина гнѣзда", съ голубиными яицами); послѣ супу въ отдѣльныхъ чашкахъ подается одинъ разварной рисъ, запиваемый подогрѣтой китайской водкой (чжунъ-чжунъ, хлѣбное неочищенное вино, съ достаточнымъ содержаніемъ сивушнаго масла) и въ заключеніе—по одному на персону маленькому прѣсному, паровому китайскому хлѣбцу.

Нужно замѣтить, что весь китайскій обѣдъ подается безъ хлѣба и соли; послѣднюю отчасти замѣняетъ усердно подливаемая въ кушанья особая китайская соя, не горькая, очень пикантная на вкусъ и сильно возбуждающая аппетитъ. Сервировка отличается отсутствіемъ ложекъ, ножей и вилокъ; первыя и послѣднія замѣняются двумя деревянными палочками (куай-цзы), которыми китайцы работаютъ очень ловко, а

въ ножахъ нѣтъ надобности, такъ какъ даже и жаркое подается нарѣзаннымъ мелкими кусочками. Впрочемъ, у богатыхъ для обѣдающихъ русскихъ, не умѣющихъ владѣть палочками, находятся очень тонкія серебряныя вилки, въ два рожка, и таковыя же круглыя маленькія ложки.

Отношенія китайскихъ властей илійскаго края къ своему туземному населенію, ведущему спорныя занятія (земледѣліе, скотоводство, торговлю), оказываются довольно стѣснительными для его благосостоянія и нѣкоторыя, обременительныя, мѣры принимаются, какъ кажется, не столько въ интересахъ государственной казны, сколько по алчности и недобросовѣстности отдѣльныхъ начальниковъ. Въ этомъ смыслѣ извѣстны слѣдующіе факты, относящіеся къ 1890 г.: лѣтомъ того же года владѣемыя таранчами, дунганами и китайскими торговцами въ Кульджѣ лавки, на которыя у нихъ были даже письменные документы, были вновь перепроданы имъ же со взиманіемъ отъ 7—250 саръ серебра за каждую, но съ пичанцевъ и турфанцевъ получено не деньгами, а пшеницею.

Тѣмъ не менѣе отношенія туземцевъ къ илійскимъ китайскимъ властямъ не возбуждаютъ негодованій, а полны пока признательности, что доказываютъ практикующіеся и здѣсь обычаи китайцевъ подчиненныхъ въ отношеніи къ своимъ сановникамъ, оставляющимъ службу при хорошей репутаціи: 1) обувь таковыхъ сановниковъ вывѣшивается на бойкихъ мѣстахъ у крѣпостныхъ и базарныхъ воротъ для воспоминаній о хорошемъ начальникѣ; 2) нерѣдко подчиненные при оставленіи начальникомъ одной должности выдаютъ ему одобрительную аттестацію, которая гарантируетъ отъѣзжающаго отъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій и жалобъ бывшихъ его подчиненныхъ.

Находящійся у меня образецъ такой аттестаціи представляетъ собою лоскутъ плотнаго краснаго китайскаго атласа, болѣе двухъ аршинъ длины и аршина ширины (родъ знамени), со слѣдующею, дословно переводимою, надписью золотыми буквами:

„Сначала и до конца
равно справедливому“.

Въ 27-мъ году правленія китайскаго императора Даогуанъ (1846), въ кульджинскомъ раіонѣ былъ одинъ должностной человѣкъ Гай-далое (съ дѣтьми, въ числѣ 9 человѣкъ), который на должности былъ справедливъ и выносливъ, всѣ законныя требованія по обязанности исполнялъ и перешелъ въ другое мѣсто съ повышеніемъ, а потому и дали войска (подчиненныя ему) эту вывѣску (аттестатъ). Гай-дарынъ съ 27 года по 44-й годъ управлялъ по справедливости“.

Переступивъ русско-китайскую границу на Хоргосѣ *), часть переселившихся таранчей осѣла тутъ же на самомъ берегу (правомъ) упомянутой пограничной рѣки, а остальные растянулись по сторонамъ отъ почтовой дороги на Джаркентъ: болѣе же значительныя группы обосновались при самой почтовой дорогѣ—на Аккентѣ и Джаркентѣ и лишь не большое селеніе Чалокай расположилось на югъ отъ Джаркента, по рѣкѣ Уссеку.

Въ Джаркентѣ уже къ концу перваго по переселеніи года (1882 г.) было устроено свыше 500 таранчинскихъ домовъ, а чрезъ 10 лѣтъ таранчинское населеніе города Джаркента доходило до 3000 душъ обоего пола.

Здѣсь-же устроились и дунгане въ числѣ нѣсколькихъ душъ обоего пола, и Джаркентъ, ставшій уѣзднымъ городомъ соименнаго уѣзда семирѣченской области, служитъ резиденціей волостного управленія джаркентскихъ таранчинской и дунганской волостей.

*) Хоргосъ, или собственно Кургасъ, рѣка, составляющая часть пограничной черты съ Китаемъ, до впаденія въ р. Или, протекаетъ западнѣе на 36 верстъ горной рѣчки Усекъ, при которой расположенъ уѣздный городъ Джаркентъ (яръ-кентъ-селеніе на яру, подъ обрывомъ, какъ и есть въ дѣйствительности), называемый китайцами Самара.

Какъ городское населеніе, поселившіеся въ Джаркентѣ таранчи и дунгане уплачивали городской и казенный налоги со своихъ недвижимостей, а за пользованіе участками земли на городскомъ выгонѣ подъ земледѣліе и садоводство вносили также установленную плату. Это не измѣнилось и по надѣленіи ихъ землею, за которую таранчи и дунгане должны были уплачивать оброчную подать.

Такимъ образомъ, устроившіеся въ Джаркентѣ выходцы изъ кульджинскаго раіона на первыхъ же порахъ выдерживали платежи денежныхъ повинностей, какъ городское и какъ сельское населеніе. Однакожъ, не смотря на это и на сопряженное съ переходомъ экономическое потрясеніе, недоимокъ за переселенцами не накоплялось.

Между тѣмъ домообзаводство и хозяйственное устройство на первыхъ порахъ предъявляло имъ же два существенныхъ затрудненія—недостатокъ лѣса, который приходилось доставать изъ удаленныхъ горъ, и необходимость тотчасъ же обезпечить себя устройствомъ оросительныхъ канавъ (арыковъ), такъ какъ въ занятой ими мѣстности безъ искусственнаго орошенія не выростетъ даже и сорной травы, а не только хлѣба и фруктовъ, которыми изобилуетъ Джаркентъ.

Потребность въ лѣсномъ матеріалѣ была предвидѣна переселенцами при самомъ водвореніи и потому они выбрали изъ прежнихъ построекъ весь лѣсъ и сплавили его до Джаркента по р. Или.

У китайцевъ кульджинской провинціи всякая народность подчинена особому начальнику, благодаря чему существуютъ: завѣдывающій киргизами, сибинцами и проч. Таранчи были раздѣлены на сотни (юзы), завѣдываемыя беками, и подчинены всѣ хакимъ-беку.

По взятіи Кульджи русскими таранчинское населеніе раздѣлено было на волости и старшинства (аксакальство),

каковой порядокъ общественнаго управленія введенъ былъ у нихъ и по переселеніи изъ Кульджи, съ сохраненіемъ народнаго суда чрезъ казіевъ. Должности общественнаго управленія и судебныя замѣщаются у таранчей и дунганъ по выборамъ, которые, сравнительно съ киргизскими, проходятъ довольно мирно и безъ особыхъ интригъ и кляузъ. Это по нашимъ наблюденіямъ въ теченіе восьмилѣтняго управленія джаркентскимъ уѣздомъ объясняется характеромъ и историческою судьбою народа.

Таранчи, благодаря продолжительному рабству у китайцевъ, выглядятъ забитыми и довольно безучастны къ общественнымъ дѣламъ и своему управленію, тѣмъ болѣе, что при китайскомъ владычествѣ всѣ власти назначались китайцами и никакихъ выборовъ не существовало. Дунгане, по своему прямодушію и рѣшительности, не способны къ showнямъ и интригамъ и всякое ихъ намѣреніе выливается въ открытыхъ дѣйствіяхъ, которыя, при незаконности направленія, всегда возможно своевременно парализовать. Народный судъ дунганъ и таранчей (судъ казіевъ) въ формахъ своихъ и въ существѣ народныхъ обычаевъ очень сходенъ съ киргизскимъ судомъ біевъ, но, вѣроятно, подъ вліяніемъ ахуновъ (особенно у таранчей) руководствуются болѣе шаріатомъ, чѣмъ адатомъ.

Однакожъ, при русскомъ управленіи кульджинскимъ раіономъ всѣ три народности охотно разбирались общимъ судомъ біевъ и казіевъ. Такая общность народнаго суда сдѣлалась совершенно невозможной съ введеніемъ въ дѣйствіе степного положенія, 25 марта 1901 г., на основаніи котораго народнымъ судомъ вѣдаются между собою только туземцы, принадлежащіе къ одной и той же народности.

Въ заключеніе нашего очерка самъ-собою напрашивается вопросъ: что выгадали Россія и нашъ Туркестанъ отъ переселенія въ Семирѣчье пятидесятитысячной массы таранчей и дунганъ?

Отвѣчать на этотъ вопросъ мы не беремся, предоставивъ это людямъ знакомымъ, повидимому, съ политическою жизнью Китая, на которой не могло не отразиться исчезновеніе съ китайской территоріи полусотни тысячъ населенія кульджинскаго края.

Вотъ что писалъ г. Д. Ш. въ „Новомъ Времени" [1]):

„Въ кульджинскихъ переселенцахъ мы встрѣтили людей труда, трезвой и честной жизни. Въ экономическомъ смыслѣ они представляютъ значительную производительную силу. Огромныя равнины, остававшіяся съ древнихъ временъ пустынными подъ палящимъ солнцемъ, эти обнаженныя степи, которыя человѣкъ торопился скорѣе миновать, чтобы стряхнуть тоску—до того онѣ давили его своими мертвенностью и уныніемъ,—теперь какъ бы ожили отъ вѣкового сна и превратились въ цвѣтущія нивы. Гдѣ была выгорѣвшая отъ зноя пустыня, на которую изрѣдка выскочитъ желтая ящерица и проворно юркнетъ въ нору, проползетъ, извиваясь кольцами змѣя, или, ни вѣсть откуда покажется, воровски озираясь по сторонамъ, голодный, худой, съ облѣзшей шерстью шакалъ, тамъ въ настоящее время вы видите всѣ сокровища земледѣльческой культуры: селенія, оживленныя присутствіемъ здороваго, сытаго народа, зеленѣющіе яркою, почти тропическою зеленью сады, манящіе васъ подъ свою благодатную тѣнь. Воздухъ пропитанъ ароматами полевыхъ цвѣтовъ.

Казна также можетъ ожидать не одну сотню тысячъ въ годъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что, такъ какъ пустопорожнія земли первобытнаго характера, можетъ быть опустошенныя историческими событіями древнѣйшихъ временъ, еще занимаютъ довольно значительныя пространства семирѣченской области, то попадающіеся оазисы могутъ произвести впечатлѣніе только на тѣхъ, кто былъ въ этой странѣ ранѣе и, подобно пишущему эти строки, испыталъ всѣ прелести пустыни.

---

[1]) № 8764 отъ 22 іюля 1900 г.

Надо полагать, что и въ политическомъ отношеніи мы тоже не остались въ убыткѣ. Эмиграція, устремившаяся подъ защиту русской власти, фактически доказала исконное тяготѣніе азіатскихъ народностей къ Россіи и конечно оказала большое вліяніе на упадокъ довѣрія къ государственному значенію Китая. Едва ли преувеличимъ, если скажемъ, что переселеніе, а также не прекращающееся глухое броженіе среди подвластныхъ Китаю кульджинскихъ племенъ, можетъ послужить прологомъ паденія престижа богдыхана.

Кромѣ того, отъ переселенцевъ мы можемъ въ будущемъ ожидать хорошей военной силы. Когда это населеніе сольется съ русскимъ элементомъ и привыкнетъ къ мысли о воинской повинности,—оно представитъ собою прекрасный военный матеріалъ. Народъ крѣпкій, здоровый, смышленный, преданный намъ издавна, не знающій страха при встрѣчѣ съ опасностью, особенно дунгане, которые къ тому же и лихіе наѣздники,—въ рукахъ дѣльнаго командира, снабженные хорошимъ вооруженіемъ и вышедшіе изъ русской военной школы,—эти люди покажутъ себя грознымъ противникомъ нашихъ враговъ".

Знающимъ нравы, обычаи и жизнь пограничнаго населенія приилійскаго края трудно не согласиться съ приведеннымъ взглядомъ на возможныя послѣдствія кульджинскаго переселенія.

И. Селицкій.

СТЮХИНСКІЕ ЧУВАШИ.

Въ началѣ 1898 года мнѣ пришлось посѣтить стюхинскій приходъ, бугурусланскаго уѣзда, для ознакомленія на мѣстѣ съ жизнью и бытомъ чувашъ—язычниковъ.

Приходъ села Стюхина состоялъ тогда изъ самого села и четырехъ приходскихъ деревень:—Старо-Ганькиной, Рысайкиной, Султангуловой и Тергалы; жители послѣдней всѣ русскіе —бугурусланскіе мѣщане, въ числѣ 286 душъ обоего пола. Во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ прихода жители—крещеные чуваши и чуваши-язычники; послѣдніе живутъ въ двухъ деревняхъ— Старо-Ганькиной и Рысайкиной [1]). Первая отстоитъ отъ приходскаго села въ 6 верстахъ, а вторая—въ 8 верстахъ. Въ приходѣ всѣхъ чувашъ, по свѣдѣніямъ за 1897 годъ, числилось обоего пола 5788 душъ, въ томъ числѣ крещеныхъ 4458 душъ и язычниковъ 1330 душъ, изъ которыхъ 742 души въ деревнѣ Старо-Ганькиной и 588 душъ въ Рысайкиной. Чуваши какъ села Стюхина, такъ и приходскихъ деревень— выходцы изъ казанской и симбирской губерній, переселившіеся сюда въ 20—30 годахъ XVIII столѣтія. Первоначально они поселились на башкирской землѣ, которую впослѣдствіи пріобрѣли въ собственность. Съ введеніемъ въ оренбургскомъ краѣ управленія государственныхъ имуществъ, стюхинскіе чуваши были подчинены вѣдѣнію этого управленія.

---

[1]) Въ названныхъ селеніяхъ нынѣ построены церкви и открыты при нихъ самостоятельные приходы.

Послѣднее, подчинивъ чувашъ своему вѣдѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ отобрало у нихъ и землю, а въ 60 годахъ XIX столѣтія, когда состоялось освобожденіе крестьянъ, обложило ихъ выкупнымъ платежемъ наравнѣ съ прочими государственными крестьянами. Имѣвшуюся сверхъ опредѣленной пропорціи душевого надѣла землю стюхинскихъ чувашъ—собственниковъ казна роздала въ надѣлъ вновь переселившимся сюда крестьянамъ окружающаго нынѣ русскаго и инородческаго населенія. Такимъ образомъ, чуваши стюхинскаго прихода, а равно и другихъ сосѣднихъ приходовъ, бывшіе нѣкогда собственниками, по какимъ-то обстоятельствамъ или недоразумѣніямъ, лишились значительной части земли и вынуждены были вносить за свою землю въ казну выкупной платежъ.

По разсказамъ старожиловъ, чуваши здѣшняго края въ старые годы жили очень зажиточно; между ними много было богатыхъ. Почти у каждаго крестьянина ежегодно оставалось на гумнахъ по нѣскольку скирдъ хлѣба. Земля тогда не нуждалась еще въ удобреніи; но съ теченіемъ времени она сильно истощилась. Между тѣмъ самарскіе чуваши не имѣютъ понятія объ унавоживаніи земли. Вмѣсто того, чтобы вывозить навозъ на поля для удобренія, они валятъ его въ овраги или, сложивъ въ огромныя кучи за селеніемъ, оставляютъ тамъ на нѣсколько лѣтъ, а потомъ сжигаютъ его. За послѣдніе годы экономическое положеніе ихъ, вслѣдствіе неурожаевъ, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ къ ряду и сдѣлавшихся чуть-ли не хроническимъ явленіемъ,—сильно измѣнилось къ худшему. Здѣшніе чуваши живутъ исключительно земледѣліемъ, и помимо земли нѣтъ у нихъ никакихъ средствъ для поддержанія разстраивающагося хозяйства, и оно съ каждымъ годомъ больше и больше падаетъ. О прошломъ богатствѣ осталось лишь одно воспоминаніе. Однако, въ сравненіи съ инородцами, живущими въ малоземельныхъ уѣздахъ казанской и симбирской губерній, бугурусланскіе чуваши и въ частности чуваши стюхинскаго прихода живутъ гораздо лучше.

Первый поселенецъ на мѣстѣ нынѣшняго села Стюхина, по преданію, былъ чувашинъ Стюха̀, имя очевидно христіанское, но сильно искаженное. Настоящее имя ему было, вѣроятно, „Степанъ". Отъ имени этого перваго поселенца Стюхи, надо полагать, и получило свое названіе самое село. Относительно приходской деревни Султангуловой существуетъ преданіе, что и здѣсь первые поселенцы были крещеные чуваши. Чуваши, основатели этой деревни, первоначально поселились на землѣ какого-то башкирскаго князя Султангула, именемъ котораго стала впослѣдствіи называться нынѣшняя деревня Султангулова. О происхожденіи остальныхъ двухъ деревень стюхинскаго прихода—Рысайкиной и Старо-Ганькиной никакихъ извѣстій нѣтъ. Чуваши первую называютъ „Рысса-йалĕ", а вторую „Канкка-йалĕ", что значитъ, деревня Рысй и Ганьки. О деревнѣ Старо-Ганькиной извѣстно лишь то, что жители ея—выходцы изъ симбирской губерніи.

Большая часть чувашъ стюхинскаго прихода просвѣщена св. крещеніемъ въ XVIII столѣтіи, именно въ концѣ первой половины его, когда происходило повсемѣстно массовое обращеніе инородцевъ въ христіанство въ волжско-камскомъ краѣ. Съ тѣхъ поръ обращеніе чувашъ въ православіе продолжалось постепенно, съ нѣкоторыми перерывами до 60 годовъ XIX-го столѣтія. Какъ въ XVIII, такъ и въ прошломъ (XIX) столѣтіи чуваши принимали христіанство не по внутреннему убѣжденію въ превосходствѣ его предъ язычествомъ, но будучи привлекаемы внѣшними, административными мѣрами или разнаго рода льготами, напр. по отбыванію воинской повинности, по освобожденію отъ наказаній за различныя уголовныя преступленія и пр. Само духовенство, повидимому, мало справлялось съ внутреннимъ расположеніемъ обращаемыхъ въ православіе язычниковъ. Впослѣдствіи оно, конечно, насколько возможно было, старалось воспитывать новопросвѣщенныхъ христіанъ въ духѣ православной церкви, пріучать ихъ къ исполненію христіанскихъ обязанностей и обычаевъ, но опять таки не путемъ пастырскихъ увѣщаній и убѣжденій,

а мѣрами внѣшними. Пастыри, вслѣдствіе незнанія ими инородческаго языка, не могли входить въ тѣсное духовное общеніе съ своими пасомыми, а потому и не могли оказывать на нихъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія. Такимъ образомъ, чуваши—христіане, благодаря полной духовной обособленности и отчужденности отъ своихъ пастырей оставались по душѣ такими же язычниками, какими были до крещенія.

Въ теченіе 150 лѣтъ со времени крещенія чувашъ стюхинскаго прихода христіанство въ жизнь и бытъ послѣднихъ не внесло почти ничего изъ своего содержанія. Современная религіозно-нравственная жизнь ихъ мало чѣмъ отличается отъ таковой язычниковъ. До послѣдняго времени крещеные чуваши (говорю: „до послѣдняго времени“, такъ какъ за послѣдніе 10 лѣтъ среди нихъ началось довольно сильное религіозное движеніе, благодаря миссіонерской дѣятельности мѣстнаго духовенства и возникновенію среди нихъ школъ) исповѣдывали христіанство лишь формально и, можно сказать, по принужденію. Изъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ соблюдались ими лишь тѣ, за неисполненіе коихъ они могли подвергаться отвѣтственности. Но непосредственно по исполненіи обязательныхъ церковныхъ установленій чуваши совершали и свои языческіе религіозные обряды и обычаи. Такъ, напр., послѣ крещенія новорожденнаго, призывали юмзю или бабку, которая, совершивъ надъ новокрещеннымъ извѣстный религіозный обрядъ, давала ему языческое имя. Такимъ образомъ, христіанское имя замѣнялось языческимъ, и первое, кромѣ офиціальныхъ сношеній, никогда болѣе не употреблялось. Бывшій учитель стюхинской церковно-приходской школы Т. Красновъ въ своей замѣткѣ о религіозно-нравственномъ состояніи чувашъ стюхинскаго прихода пишетъ: „Коранъ (ворона) по-прежнему остался Кораномъ, Паймендей—Паймендеемъ, Волкъ—Волкомъ“ и пр. (Чуваши—язычники и крещеные часто даютъ новорожденнымъ названія звѣрей, птицъ и другихъ животныхъ, или же—имена татарскія).

Такіе же языческіе обряды совершаются и надъ больными. Къ больному призывается юмзя или вĕрӳçĕ (знахарь), который путемъ ворожбы доискивается причины болѣзни и, опредѣливъ, отъ какого злого духа могла быть болѣзнь, назначаетъ ему извѣстное жертвоприношеніе. Только въ случаѣ опаснаго заболѣванія приглашается къ больному священникъ, но не потому, конечно, чтобы больной или его близкіе сознавали необходимость и пользу церковной исповѣди, а для того лишь, чтобы въ случаѣ смерти больного не подвергнуться наказанію.

Изъ другихъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ, соблюдаемыхъ крещеными чувашами наравнѣ съ язычниками, кромѣ указанныхъ выше, достойны упоминанія здѣсь похороны и поминовеніе усопшихъ, а равно празднованіе нѣкоторыхъ языческихъ праздниковъ, совпадающихъ по времени съ христіанскими.

Обрядъ погребенія происходитъ такъ. Незадолго до смерти умирающій дѣлаетъ предсмертныя распоряженія относительно погребенія его тѣла. Къ умирающему приглашаются его родственники и сосѣди посидѣть надъ нимъ и присутствовать при исходѣ его души. Обычай запрещаетъ оставлять больного одного въ послѣднія минуты его жизни, и обычай этотъ называется „çинҙе ларни“, что значитъ буквально „сидѣніе надъ нимъ“, т. е. надъ покойникомъ. Въ послѣднія минуты жизни умирающій поручаетъ кому-либо изъ своихъ родственниковъ или сосѣдей, съ кѣмъ онъ былъ при жизни въ особенно хорошихъ отношеніяхъ,—заготовить дерево для гроба. Ему же поручается первому начинать рыть могилу. Поручать это дѣло кому-нибудь изъ бывшихъ недоброжелателей или изъ людей, не пользовавшихся расположеніемъ покойника, считается предосудительнымъ. По исходѣ души тотчасъ же приносятъ въ избу живую курицу и, держа ее надъ покойникомъ, отрываютъ ей голову. Курица эта выбрасывается въ поле въ сторону кладбища со словами: „умăнта пултăр“, что значитъ: „да будетъ предъ тобою приносимое“. Покончивъ

церемонію съ курицей, приступаютъ къ обмыванію покойника. Сначала его раздѣваютъ; при этомъ рубаху и штаны не просто снимаютъ съ него, а распарываютъ ихъ на двое вдоль. Тѣло его обмываютъ теплой водой съ мыломъ, надѣваютъ на него чистое бѣлье и ту одежду, которую покойникъ любилъ носить при жизни, и кладутъ на приготовленное мѣсто, у язычниковъ—около двери на нарахъ, у крещеныхъ—въ переднемъ углу ногами къ иконѣ, также на нарахъ. Между тѣмъ, какъ въ избѣ происходитъ обмываніе тѣла покойника и одѣваніе его, на дворѣ идетъ спѣшная работа—заготовляется домикъ для умершаго—гробъ. Человѣкъ, которому покойный поручилъ сдѣлать для него гробъ, согласно его завѣщанію, приготовляетъ гробовыя доски, дѣлаетъ по нимъ два-три удара топоромъ и, поручивъ дальнѣйшую работу другимъ, отправляется на кладбище. Тамъ онъ точно также полагаетъ начало работѣ: желѣзнымъ скребкомъ онъ снимаетъ верхній слой земли, и этимъ работа его заканчивается; роютъ могилу другіе. Когда уже приготовленъ гробъ, вносятъ его въ избу и кладутъ въ него покойника. Возлѣ покойника въ гробъ кладутся и тѣ предметы и вещи, которые онъ постоянно имѣлъ съ собою при жизни, напр.: кочедыкъ, лыко и пр. А если онъ курилъ или нюхалъ табакъ, то кладется въ гробъ и кисетъ съ трубкою или берестовая табакерка. Женщинамъ кладутъ въ гробъ шерсть, нитку, иголку и другія принадлежности женскаго рукодѣлія. Кромѣ этихъ вещей, въ гробъ кладутъ мѣдную монету, которую покойникъ долженъ будетъ заплатить на томъ свѣтѣ. Деньги эти называются çут укçи—что буквально означаетъ: „деньги свѣта“. Затѣмъ одна изъ женщинъ приноситъ со двора щепку отъ гробовыхъ досокъ и, продѣлавъ надъ нею извѣстную церемонію, полагаетъ въ изголовье покойнику. Церемонія эта состоитъ въ томъ, что женщина дѣлаетъ надъ щепкой видъ, какъ бы она мѣшаетъ кашу. Такимъ образомъ, эта щепка представляетъ собою котелъ съ кашей, приготовленной для покойника. Приготовляются блины и девять довольно большихъ лепешекъ, послѣднія смазываются сверху

яичнымъ желткомъ и называются „лепешками, вводящими въ рай“. Чуваши приписываютъ имъ особенную силу, благодаря которой душа человѣка вступаетъ въ рай. Передъ выносомъ гроба съ покойникомъ совершается поминаніе усопшаго пивомъ и яствами, сопровождаемое надгробными причитаніями и другими церемоніями. Двѣ женщины подходятъ къ гробу и, наклонившись надъ покойникомъ, съ закрытыми рукавомъ одежды лицами, начинаютъ выть и голосить такъ:

Йытă сассипе ан çӳре; куккук сассипе, ђĕкеç сассипе, автан сассипе çӳре. Кил-йыша, çурта-йерепехил ту; выљăх-ђĕрлĕхе пил ту; тырра—пулла пил ту; йала—йыша пехил ту.

Пехил ту! у! у!

Т. е.: „На лай собаки не ходи; по пѣнію кукушки и ласточки, или по пѣнію пѣтуха ходи. Семейство твое, и весь домъ твой благослови; благослови скотъ и полевые хлѣба; деревню твою и живущихъ въ ней благослови! благослови! благослови! благослови!“.

Обычай причитанія надъ покойникомъ у чувашъ называется: „сае кăларас“, что значитъ: издавать звуки, издавать голосъ или голосить. Самый мотивъ причитанія, если можно только назвать таковымъ протяжное произношеніе вышеприведенныхъ словъ, произношеніе на распѣвъ, съ нѣкоторымъ повышеніемъ и пониженіемъ голоса, напоминающее не то плачъ, не то пѣніе,—у всѣхъ чувашъ и всегда неизмѣнно одинъ и тотъ же. По окончаніи этого обряда гробъ съ тѣломъ выносятъ на дворъ и ставятъ на дровни или, если похороны случаются лѣтомъ, на телѣгу, запряженную парою лошадей гусемъ. Возжи и поводья замѣняетъ узкій бѣлый холстъ, дугу обматываютъ такимъ же бѣлымъ холстомъ. Двое садятся въ сани и придерживаютъ гробъ руками; одинъ правитъ коренникомъ, а другой садится верхомъ на переднюю лошадь,—и погребальная процессія трогается со двора. Самое погребеніе покойника сопровождается извѣстными обрядами. Когда гробъ съ покойникомъ уже опущенъ въ могилу и засыпанъ землею, двѣ женщины подходятъ къ могильной насыпи и,

уткнувшись лицомъ въ нее, начинаютъ голосить и причитывать вышеприведенныя слова: „По лаю собаки не ходи“ и пр. Около могилы разводится костеръ и всѣ перескакиваютъ чрезъ огонь. Люди, знающіеся съ нечистыми силами, напр. колдуны и вѣдьмы, не смѣютъ перескакивать чрезъ него. По повѣрію чувашъ, колдунъ, перескочившій чрезъ этотъ огонь, не проживетъ года,—непремѣнно умретъ. Затѣмъ всѣ участвовавшіе въ погребеніи троекратно обходятъ свѣжую могилу и, дотрогиваясь до нея рукою, говорятъ: благослови, благослови, благослови!

По возвращеніи домой могильщики прежде, чѣмъ войти въ избу, умываютъ себѣ руки. Въ избѣ одна изъ женщинъ спрашиваетъ ихъ такъ: „куда вы ходили?“—„Ходили мы попустому дѣлу“,—отвѣчаютъ тѣ.—„Пусть пропадетъ ваша работа пропадомъ“, говоритъ она. Послѣ этого раздаются всѣмъ присутствующимъ нитки, а также холсты, бывшіе при погребеніи покойника. При этомъ получившіе нитки сравниваютъ ихъ между собою. Если при сравненіи окажутся у обоихъ сравнивающихъ нитки равными по длинѣ, то это значитъ, что оба они проживутъ долго; если же наоборотъ,—то тотъ, у кого оказалась нитка короче, умретъ раньше другого. Бѣлье и лапти, которые были на покойномъ въ послѣдніе дни его жизни, выбрасываются въ поле за селеніе; выносятся въ поле также щепки и стружки отъ гробовыхъ досокъ. Описанный обрядъ погребенія въ недавнемъ прошломъ былъ общій у язычниковъ и крещеныхъ чувашъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что послѣдніе предъ выносомъ покойника приглашали на домъ священника для отпѣванія. Въ прежнее время духовенство самарской епархіи, по разсказамъ чувашъ—старожиловъ, не считало для себя обязательнымъ совершеніе чина отпѣванія надъ покойниками, а довольствовалось лишь выдачей за извѣстную плату вѣнчика и разрѣшительной молитвы. Самое отпѣваніе откладывалось до опредѣленнаго времени; обыкновенно оно совершалось на кладбищѣ въ дни поминовенія усопшихъ заодно надъ всѣми умершими въ теченіе года.

Погребальный обрядъ чувашъ ядринскаго уѣзда происходитъ почти въ той же формѣ и послѣдовательности, въ

какой мы видѣли его у чувашъ бугурусланскаго уѣзда, только съ нѣкоторыми особенностями. Эти особенности таковы: по смерти человѣка курица, приносимая покойнику, замѣняется иногд- яйцомъ. Яйцо это выносится въ поле и разбивается со слоа вами: „приносится вмѣсто души душа". Эта словесная формула имѣетъ иное значеніе, чѣмъ какое выражается въ произносимой при той же церемоніи стюхинскихъ чувашъ формулѣ: „да будетъ предъ тобою" и указываетъ, слѣдовательно, на иное вѣрованіе. Формула „да будетъ предъ тобою"—обращена къ покойнику, и смыслъ ея тотъ, что курица приносится ему. Та же формула употребляется при всякомъ другомъ поминовеніи покойниковъ и выражаетъ вѣру, что послѣдній нуждается подобно живымъ въ пищѣ, питіи и проч. Формула же: „приносится вмѣсто души душа"—обращена не къ покойнику, а къ ангелу смерти, котораго чуваши называютъ „Ђунилли" („есрел"), что значитъ: отнимающій душу. Часто это выраженіе употребляется при ссорѣ или брани между чувашами въ смыслѣ душегуба. „Ђунилли" не удовлетворяется смертью одного человѣка; онъ можетъ являться въ тотъ же домъ въ другой и третій разъ, и тогда можетъ быть поголовная смерть всей семьи въ домѣ. Такимъ образомъ, приносимая въ жертву курица или яйцо имѣетъ цѣлію задобрить „Ђунилли" и слова: „вмѣсто души душа"—значатъ: не требуй ты больше человѣческихъ душъ; приносимъ тебѣ душу и будь доволенъ ею. То же самое значеніе имѣютъ, повидимому, слѣдующія церемоніи, которыми сопровождаются одѣваніе покойника и его погребеніе у ядринскихъ чувашъ. Уши, глаза и ноздри человѣка закладываются красною шерстью. Ноги обуваются въ онучи и лапти, поверхъ бѣлья надѣвается на покойника кафтанъ и подпоясывается кушакомъ. Все это дѣлается шиворотъ-навыворотъ. При обуваніи онучи наматываются на ноги справа на лѣво, оборки лаптей завязываются такъ называемымъ „мертвымъ узломъ"; передніе концы лаптей—самые носки отворачиваются назадъ такъ, что пальцы ногъ торчатъ наружу. Кафтанъ также запахивается справа налѣво

и концы кушака по нему завязываются тѣмъ же мертвымъ узломъ. По повѣрію чувашъ, на томъ свѣтѣ спрашизаютъ покойника,—не слыхалъ-ли и не видалъ-ли онъ, что дѣлаютъ и что говорятъ на землѣ среди живыхъ?—„Гдѣ мнѣ слышать и что видѣть? Уши мои и глаза были заложены, и потому ничего не слыхалъ я и ничего не видалъ, что говорятъ и что дѣлаютъ на землѣ",—отвѣчаетъ онъ.—Другая особенность, отличающая погребальный обрядъ ядринскихъ чувашъ отъ такого же обряда язычниковъ стюхинскаго прихода, состоитъ въ томъ, что у первыхъ предъ выносомъ покойника изъ избы заставляютъ дѣтей переступать чрезъ его гробъ, а въ дверяхъ, когда гробъ выносятъ на дворъ, переднимъ концемъ его троекратно касаются дверныхъ косяковъ со словами: не пугай дѣтей, не пугай родныхъ и знакомыхъ, не пожелай зла дому твоему. По возвращеніи могильщиковъ одинъ изъ оставшихся дома встрѣчаетъ ихъ въ избѣ и спрашиваетъ: „по какому дѣлу вы ходили"? Тѣ отвѣчаютъ: „по пустому дѣлу (буквально: по безполезному дѣлу) ходили".—Тотъ говоритъ: „тинкӗр канкара кайтӑр", что значитъ: „пусть отправится въ преисподнюю". Выраженіе это встрѣчается и въ курмышскомъ уѣздѣ; но тамъ оно употребляется при другомъ случаѣ. По сообщенію Н. И. Ашмарина, въ деревнѣ Питушкинѣ, курмышскаго уѣзда, черезъ шесть недѣль послѣ смерти человѣка справляютъ его поминки. Приглашенные гости и знакомые хозяина выѣзжаютъ въ поле провожать, какъ говорятъ они, покойнаго. Здѣсь послѣдній разъ поминаютъ его пивомъ и яствами, послѣ чего возвращаются опять къ хозяину. Одинъ изъ оставшихся дома стариковъ, сидя за столомъ, спрашиваетъ ихъ такъ: куда вы ходили, или гдѣ вы были? Гости отвѣчаютъ: „Кутӑн ӗҫпе кайрӑмӑр", что значитъ: „ходили мы по безполезному дѣлу". Старикъ отвѣчаетъ на это: пусть въ мѣсто „тинкӗр канкӑра", т. е. въ мѣсто преисподнее. Эти выраженія у самарскихъ чувашъ замѣняются, какъ мы видѣли, другими. Но тѣ и другія, повидимому, имѣютъ тождественныя значенія.

У чувашъ язычниковъ въ приведенномъ выраженіи встрѣчается слово „харам", что значитъ: пустота, безполезность. У ядринскихъ чувашъ слово „харам" замѣняется словомъ „тинкĕр канкăр". Послѣднее означаетъ нѣчто пустое, бездонное или пропасть.

По смерти человѣка чуваши поминаютъ его [1]) каждую пятницу. Обрядъ этотъ совершается такъ: около двери, въ углу, ставится столъ, на который ставятъ пиво и яства, спеціально приготовленныя на этотъ случай. Затѣмъ домашніе и приглашенные гости поочередно подходятъ къ столу, черпаютъ ковшомъ пиво и медленно выливаютъ его въ особо приготовленный сосудъ, находящійся за столомъ на нарахъ, приговаривая: „Умăнта пултăр", что значитъ: да будетъ всегда предъ тобою подаваемое, т. е. приносимое покойнику угощеніе. Съ такими же словами бросаются куски хлѣба и мяса въ другой сосудъ. Все это по окончаніи поминанія выносится на дворъ и бросается на съѣденіе псамъ, отъ которыхъ, по мнѣнію чувашъ, принимаетъ покойникъ.

Черезъ три недѣли послѣ смерти человѣка надъ нимъ совершаются поминки.—Къ назначенному дню изъ чурбана приготовляется изображеніе человѣка съ грубо вырѣзанными глазами, носомъ, ртомъ и пр., приносятъ его въ комнату, надѣваютъ на этотъ чурбанъ то платье, которое покойный носилъ при жизни, и кладутъ на постель послѣдняго. Потомъ двѣ-три женщины подходятъ и начинаютъ причитать и выть. Всѣ прочіе присутствующіе предаются веселію и пляскѣ подъ скрипку, прихлопывая въ ладоши. Чуваши думаютъ, что и за гробомъ покойникъ проводитъ такую же жизнь, какую онъ проводилъ на землѣ, и что ему такъ же весело, какъ они веселятся, пируя надъ нимъ. Наплакавшись надъ чурбаномъ и наплясавшись до-сыта, завертываютъ его въ простыню, а у

---

[1]) О чувашскихъ поминкахъ см. въ «Извѣстіяхъ по Казанской епархіи» за 1904 г., № 15. О представленіяхъ чувашъ о загробной жизни—въ 14 № того-же журнала.

кого нѣтъ ея,—въ пологъ, и тѣ же женщины выносятъ его на улицу и кладутъ въ сани или на телѣгу. При этомъ, предъ выносомъ на дворъ останавливаются въ дверяхъ и воротахъ и по три раза раскачиваютъ этотъ чурбанъ, приговаривая такъ: „не пугай отца и мать, не заставляй ихъ плакать; не пугай родныхъ своихъ: не требуй отъ нихъ многаго, но будь доволенъ тѣмъ, что даютъ тебѣ“. Затѣмъ везутъ этотъ чурбанъ на кладбище, гдѣ, объѣхавъ предварительно могилу покойника три раза, снимаютъ его и ставятъ на могилѣ у изголовья покойника. Этотъ чурбанъ замѣняетъ у чувашъ-язычниковъ христіанскій крестъ на могилѣ. Этимъ обрядъ на поминкахъ и заканчивается.

Кромѣ вышеописанныхъ поминовеній, стюхинскіе чуваши, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ христіанство еще не проникло въ жизнь и бытъ чувашъ, совершаютъ въ теченіе года нѣсколько разъ поминовенія всѣхъ своихъ усопшихъ родственниковъ. Но эти поминовенія по времени совпадаютъ со днями христіанскихъ поминовеній и происходятъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ я описалъ ихъ выше.

Изъ христіанскихъ праздниковъ достойно вниманія празднованіе чувашами Пасхи, которую празднуютъ также и язычники, конечно, тѣ и другіе въ чисто языческомъ духѣ. Чуваши стюхинскаго прихода празднуютъ ее на страсной седмицѣ въ среду. Праздникъ этотъ сопровождается сильнымъ пьянствомъ и разгуломъ, а на другой день, въ великій четвертокъ, происходитъ поминовеніе усопшихъ, сопровождаемое такимъ же пьянствомъ и разгуломъ. Такимъ образомъ, христіанская Пасха застаетъ чувашъ въ сильномъ похмельѣ, и, конечно, въ первый день праздника церковь, кромѣ духовныхъ и ихъ семейныхъ, да двухъ сторожей съ церковнымъ старостой, никого не видитъ у себя.

На второй день Пасхи, въ понедѣльникъ, чуваши празднуютъ „çўрен“. Въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ ядринскомъ уѣздѣ, чуваши празднуютъ сюрень, если не ошибаюсь, во вторникъ на второй недѣлѣ Пасхи. Происхожденіе этого

праздника, а равно и то, въ честь какого божества соверша ется онъ, мнѣ неизвѣстно. По словамъ бывшаго учителя старо-ганькинской миссіонерской школы И. Степанова, сущность этого праздника состоитъ будто-бы въ томъ, что, по мнѣнію чувашъ, они въ этотъ день выгоняютъ изъ домовъ своихъ усопшихъ, пришедшихъ къ нимъ въ гости, а равно и болѣзни и всякія нечистыя силы. Напередъ назначается домъ, куда въ день сюреня съѣзжаются всѣ желающіе участвовать въ этомъ праздникѣ. Хозяиномъ дома выставляются на столъ угощенія—пиво и яства. Явившіеся гости предварительно дѣлаютъ хозяину поясной поклонъ, и потомъ съ его разрѣшенія начинается угощеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ—игра на скрипкѣ и пляска. Нѣкоторые изъ гостей назначаются распорядителями пира и принимаютъ въ каждомъ домѣ небольшія денежныя пожертвованія въ пользу гостей, а также напитки въ ведрахъ и носятъ ихъ изъ дома въ домъ по всей деревнѣ. Угостившись вдоволь у перваго мужика, гости уходятъ отъ него, садятся на лошадей и съ нагайками въ рукахъ, съ крикомъ и шумомъ скачутъ верхомъ по деревнѣ; наконецъ подъѣзжаютъ къ извѣстному дому, куда долженъ придти сюрень, начинаютъ стучать въ ворота, приговаривая: „Сюрень! Сюрень!“ Хозяева встрѣчаютъ гостей съ хлѣбомъ—солью и пивомъ въ рукахъ и просятъ посѣтить ихъ домъ. Входя въ избу, гости начинаютъ бить нагайками по стѣнамъ, лавкамъ и прочимъ находящимся въ избѣ предметамъ, думая, что они этимъ выгонятъ у хозяина нечистыхъ духовъ. Затѣмъ начинается обычное угощеніе и музыка съ пляской. Предъ уходомъ распорядитель спрашиваетъ хозяина, можно-ли у него кричать? Если со стороны послѣдняго послѣдуетъ на то разрѣшеніе, то гости начинаютъ изо всей мочи выкрикивать извѣстное слово: сюрень! сюрень!

Разъѣзжая по деревнѣ, участники сюреня распѣваютъ пѣсню:

„Каскалакансем пура пураççӗ,
Ђӑн ӑстисем касу касаççӗ (ђӳређе касаççӗ)

Вун-икĕ ђĕкеç пĕр кашта,
Ђĕкеçĕн ђĕлхи йуплĕ мар,
Пирĕн ђĕлхе вĕçлĕ мар.
Авалхи укçа кив укçа,
Илемлĕ-çве, *кин*—хĕр пуçĕнђе.
Нумай ан тыт, тăванăм, вăхăта:
Утçăм ырхан, çул хура,
Тухаймăпăр вăхăта", т. е.
„Рубятъ плотники домъ, самые лучшіе изъ нихъ окна рубятъ.
Двѣнадцать ласточекъ сидятъ на одной жердочкѣ.
У ласточки язычекъ не раздвоеный,
У насъ языкъ не острый.
Старинная монета, старая монета, ахъ! какъ хорошо украшаетъ она женскую голову!
Не задерживай насъ, родная, надолго: лошадь тоща, дорога грязна,—
Не выѣдемъ ко времени".

Объѣхавъ деревню, толпа пьяныхъ, едва держащихся на ногахъ чувашъ выѣзжаетъ за селеніе, гдѣ участники сюреня собранныя деньги дѣлятъ между собою.

Въ деревнѣ Старо-Ганькиной, а равно и въ другихъ деревняхъ крещеные чуваши и язычники празднуютъ сюрень вмѣстѣ. Разгулявшаяся толпа чувашъ-язычниковъ, по окончаніи сюреня, продолжаетъ еще орать и неистовствовать, отправляется на христіанское кладбище и часто на глазахъ крещеныхъ чувашъ позволяетъ себѣ насмѣхаться надъ могилами, вырываетъ кресты и пр. Крещеные раньше, по словамъ мѣстныхъ жителей, нерѣдко участвовали и сами въ подобномъ поруганіи христіанскихъ предметовъ. Но въ послѣднее время, подъ вліяніемъ школьнаго образованія и особенно благодаря увѣщанію и усовѣщиванію со стороны мѣстнаго духовенства, крещеные перестали участвовать въ празднованіи сюреня.

Изъ языческихъ моленій и жертвоприношеній слѣдуетъ отмѣтить частныя моленія, совершаемыя въ каждомъ домѣ самимъ домохозяиномъ, и общественныя жертвоприношенія, въ коихъ принимаютъ участіе одно или нѣсколько обществъ. Эти моленія и жертвоприношенія совершаются чувашами или въ честь боговъ, или же въ умилостивленіе злыхъ духовъ, которые безпокоятъ мирныхъ чувашъ, насылая на нихъ разнаго рода болѣзни и бѣдствія. Чуваши вѣрятъ, что есть высшее божество, которое управляетъ всѣмъ міромъ; есть у него также подчиненные добрые духи, на которыхъ оно возлагаетъ извѣстныя, опредѣленныя обязанности. Кромѣ добраго начала, чуваши признаютъ существованіе также и злого начала—шуйтана. У этого послѣдняго, какъ и у добраго божества, есть подчиненные злые духи, населяющіе землю и подземный міръ. По представленію чувашъ злое начало находится въ постоянной борьбѣ съ Божествомъ. Шуйтанъ старается разрушать добрыя дѣла Божества, но не можетъ осилить Его. Шуйтанъ и его духи приносятъ людямъ не мало вреда тѣмъ, что поражаютъ ихъ болѣзнями или несчастіями. Чуваши для умилостивленія Божества и его подчиненныхъ духовъ, а равно и для умилостивленія злыхъ духовъ, отъ времени до времени совершаютъ кровавыя жертвоприношенія. Какъ замѣчено выше, какъ частные, такъ и общественныя моленія совершаются чувашами или въ честь верховнаго Божества съ его подчиненными духами, или же въ честь злыхъ духовъ. Каждый домохозяинъ въ теченіе года обязанъ принести въ жертву верховному Божеству и подчиненнымъ ему духамъ опредѣленное число животныхъ. Посовѣтовавшись предварительно съ юмзей, которая и назначаетъ обыкновенно количество жертвенныхъ животныхъ и масть каждаго изъ нихъ, смотря по тому, какому божеству назначается животное, чувашинъ выбираетъ нужныхъ ему животныхъ, а если не имѣется у него въ домѣ таковыхъ, то покупаетъ ихъ на базарѣ. При домашнемъ моленіи не приносятся въ жертву крупныя животныя, напр. лошади, коровы и пр., а назначаются обыкновенно

бараны, гуси и утки. Верховному Богу приносится баранъ бѣлой шерсти. Самое моленіе происходитъ такъ.

Среди двора, если дѣло бываетъ лѣтомъ, а зимою въ избѣ, ставится столъ; на столъ подается каравай хлѣба съ солью, около стола ставится ведро съ водой. Потомъ глава семейства, на обязанности котораго лежитъ совершеніе моленій, приводитъ къ столу жертвенное животное, привязанное за шею бечевкой или лыкомъ. Около хозяина встаютъ его семейные—жена и дѣти. При этомъ самъ хозяинъ долженъ быть въ верхнемъ платьѣ—полушубкѣ или кафтанѣ и съ шапкой подъ лѣвой мышкой. Остальные члены семьи должны быть также въ верхнихъ платьяхъ, но безъ шапокъ. Когда все уже готово, хозяинъ обращается лицомъ къ югу, а за нимъ и другіе, и произноситъ импровизированную молитву. Впрочемъ, содержаніе молитвъ, употребляемыхъ при языческихъ жертвоприношеніяхъ, болѣе или менѣе вездѣ одинаково. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось записать эти молитвы. Помолившись Богу, глава семейства черпаетъ ковшомъ воду изъ ведра и медленно поливаетъ холодной водой спину животнаго, начиная съ головы до хвоста. Животное, вслѣдствіе непріятнаго ощущенія отъ холодной воды, начинаетъ отряхиваться, что принимается за признакъ того, что оно угодно Богу, т. е. животное принято въ жертву. Если же животное съ первой поливки по его спинѣ водой не встряхнется, то жрецъ вторично обращается къ Богу съ молитвой и проситъ Его принять жертву; и это повторяется, въ случаѣ надобности, до трехъ разъ. Но если и въ третій разъ животное не думаетъ встряхнуться, то это обстоятельство принимается за признакъ того, что жертва не угодна Богу, и животное отпускается на волю. Въ случаѣ принятія божествомъ назначенной ему жертвы, животное тутъ же закалывается. При этомъ отрѣзываютъ небольшой кусокъ мяса, величиною не болѣе мѣднаго пятака, съ шерстью отъ груди животнаго, и, смѣшавъ его съ мукой и солью, бросаютъ этотъ кусокъ на крышу дома. Потомъ отбираются ноги, голова и внутренности живот-

наго—легкія, печень и пр. и изъ нихъ приготовляется въ особомъ, довольно большомъ котлѣ, бульенъ безъ всякой приправы. Приготовляются также прѣсныя лепешки изъ ячной муки, число которыхъ должно быть строго опредѣлено. Лепешки эти величиною гораздо меньше приготовляемыхъ для обыкновенной ѣды и отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что на нихъ проводятся остріемъ ножа двѣ поперечныя линіи, образующія собою крестъ, по срединѣ и по концамъ котораго дѣлаются концомъ скалки углубленія; сверху эти лепешки смазываются скоромнымъ масломъ. Предъ ѣдой жертвеннаго мяса лепешки и самое мясо, но безъ супа, подаются на столъ, находящійся по срединѣ комнаты. Хозяинъ дома беретъ одну лепешку, разрѣзаетъ ее на части и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ по рукамъ. Потомъ беретъ онъ мясо и отъ каждой части животнаго, напр. отъ легкихъ, печени, головы и пр. отдѣляетъ по нѣскольку небольшихъ кусковъ, которые раздаются также по рукамъ. Эти розданныя по рукамъ присутствующихъ на молитвѣ части отъ жертвеннаго мяса вмѣстѣ съ частицею лепешки называются по-чувашски „ал валли“, что значитъ: ручная часть или частица. Послѣ раздачи частицъ глава семейства и прочіе члены семьи встаютъ на молитву. Молитву произноситъ только самъ хозяинъ, а прочіе стоятъ молча, но всѣ, какъ сказано выше, должны быть въ кафтанѣ или въ другомъ-какомъ верхнемъ платьѣ. По произнесеніи положенной на этотъ случай молитвы, всѣ присаживаются на лавку въ рядъ и съ благоговѣніемъ съѣдаютъ частички мяса и лепешки. При этомъ строго наблюдается, какъ бы не обронить на полъ крошекъ, такъ какъ это считается величайшимъ оскорбленіемъ для того божества, кому была принесена жертва. По употребленіи жертвеннаго мяса кости его сожигаются на огнѣ, а зола выбрасывается въ поле. Но если жертва была принесена злому духу, напр. какому-нибудь киремети, то кости въ такомъ случаѣ не сожигаются, а зарываются въ землю.

Жертвоприношеніе злымъ духамъ совершается при такой же обстановкѣ и приносятся имъ мелкія животныя. Духи эти носятъ разныя названія: одни изъ нихъ называются киреметями, мѣстопребываніемъ которыхъ служатъ большіе овраги и рощи; другіе водяными, арçури, вутăш, йĕрĕх и пр. Киреметямъ приносятся въ жертву животныя, а послѣдніе довольствуются жертвой въ видѣ каши, киселя изъ гороховой муки и пр.

Общественное жертвоприношеніе, называемое у чувашъ „уҫӳк", что значитъ: „полевое моленіе", происходитъ въ полѣ, обыкновенно въ оврагахъ или въ священныхъ рощахъ. Оно совершается по случаю бездождія или иного какого народнаго бѣдствія. Такъ какъ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ бывали по лѣтамъ сильныя засухи и недородъ хлѣбовъ, то чуваши не только самарской, но и другихъ поволжскихъ губерній, въ коихъ живутъ они, совершали „уҫӳк" ежегодно. Чуваши стюхинскаго прихода совершали его отдѣльными деревнями или цѣлымъ приходомъ вмѣстѣ. Раньше принимали въ немъ участіе и крещеные чуваши наравнѣ съ язычниками, но съ недавняго времени они подъ вліяніемъ школьнаго образованія, которое, хотя недавно стало распространяться между ними, но дѣлаетъ замѣтные успѣхи, начали уклоняться отъ участія въ общественныхъ моленіяхъ, чѣмъ крайне недовольны язычники.

Кромѣ своей языческой религіи, чуваши признаютъ также истинной вѣрой и христіанство, но считаютъ его вѣрой русской и необязательной для нихъ—чувашъ. Чуваши разсуждаютъ такъ: Богъ опредѣлилъ искони каждому народу содержать свою вѣру. И съ этой точки зрѣнія всѣ религіи—христіанство, мусульманство и язычество—одинаково правы предъ Богомъ. Въ силу такого представленія о христіанствѣ крещеные чуваши не считаютъ грѣхомъ держаться языческой религіи. Не имѣя правильнаго представленія о христіанскомъ Богѣ и о почитаемыхъ церковью святыхъ угодникахъ, изображенія коихъ имѣются въ храмахъ, чуваши крещеные и языч-

ники признаютъ эти изображенія за особыя божества, кои, какъ и языческіе боги и злые духи, требуютъ для себя опредѣленныхъ жертвъ, и называются у нихъ церковными или русскими богами. Разница между тѣми и другими заключается лишь въ томъ, что свои боги требуютъ кровавыхъ жертвъ, а русскіе боги—жертвъ въ видѣ свѣчей, денегъ или другихъ вещественныхъ приношеній, напр. холстомъ и пр. Боги эти такъ же немилосердны и строги къ людямъ, какъ языческіе. Особенно безпокойнымъ характеромъ отличается, по мнѣнію чувашъ, Никола богъ. Они его называютъ „хайар турӑ", что значитъ: коштанъ, кляузный богъ, который за каждую мелочь придирается къ чувашамъ и требуетъ жертвы. Мѣстами его называютъ „Ишек турри", т. е. ишаковскимъ богомъ, по селу Ишаки козмодемьянскаго уѣзда, гдѣ находится явленная икона св. Николая Чудотворца. Подъ этимъ названіемъ онъ извѣстенъ среди чувашъ и самарской губерніи. Распространенію такихъ превратныхъ понятій о святыхъ иконахъ не мало содѣйствуютъ у чувашъ юмзи и знахари, которые имѣютъ весьма важное значеніе въ религіозно-нравственной жизни чувашъ. Юмзи, чтобы чѣмъ-нибудь отдѣлаться отъ навязчивыхъ чувашъ, а съ другой стороны—чтобы поддержать свой авторитетъ въ глазахъ послѣднихъ, совѣтуютъ чувашамъ принести жертву церковнымъ богамъ, т. е. съѣздить въ церковь и поставить предъ иконами извѣстное число свѣчъ, кои должны быть при этомъ и опредѣленной величины. Въ деревнѣ Рысайкиной мнѣ расказывали одинъ курьезный случай изъ жизни одного богатаго чувашина—язычника, характеризующій религіозныя представленія чувашъ и ихъ отношенія къ христіанскимъ святынямъ. У этого язычника была дочь—невѣста, которая влюбилась въ одного деревенскаго парня и вступила съ нимъ въ интимную связь. Желая скрыть „плодъ любви несчастной", она притворилась больною и въ послѣдніе три мѣсяца не показывалась на глаза постороннимъ. Отецъ ея объѣздилъ всѣхъ окрестныхъ юмзей и просилъ ихъ указать причину болѣзни его дочери. Юмзи назначали жертву всевозможнымъ богамъ,

но нѣтъ толку,—дочь хвораетъ. Наконецъ одна юмзя даетъ ему такой совѣтъ: „ты, говоритъ она, съѣзди въ такое—то русское село (не помню я названія села, кажется оно находится отъ деревни Рысайкиной не болѣе, какъ въ 15 верстахъ), и поставь въ тамошней церкви всѣмъ богамъ по свѣчкѣ“. Вотъ чувашинъ отправляется въ указанное село, является къ батюшкѣ и проситъ его отпереть ему церковь; войдя въ церковь, чувашинъ покупаетъ свѣчей сразу на нѣсколько рублей, что обратило на себя вниманіе батюшки и всѣхъ присутствовавшихъ тутъ лицъ. Но, къ несчастію, одному изъ боговъ, именно сѣдому богу, что въ углу въ богатой архіерейской одеждѣ и шапкѣ, не хватило свѣчи. Чувашинъ—язычникъ потужилъ тутъ, погоревалъ, что этому-де богу не хватило у него свѣчи, но дѣлать, видно, нечего: авось онъ не обидится за это на него. Но вышло не такъ, какъ думалъ язычникъ: дочь его не переставала хворать. Тогда ея отецъ отправляется вторично къ юмзѣ и разсказываетъ свое горе. Догадливая старуха юмзя спрашиваетъ: всѣмъ ли богамъ онъ поставилъ свѣчи? Чувашинъ долженъ былъ сознаться въ своей оплошности. Тогда юмзя начинаетъ давать наставленіе и совѣтуетъ немедленно же отправиться въ то село и поставить обиженному богу свѣчку, стоимостью превосходящую всѣ раньше поставленныя имъ въ этой церкви свѣчи. Чувашинъ долженъ былъ слушаться юмзи. Пріѣзжаетъ онъ въ село, ставитъ свѣчку предъ той иконой, для которой у него въ первый пріѣздъ не хватило свѣчи, и уѣзжаетъ, исполнивъ свой долгъ, во-свояси. Послѣ того дочь его недолго хворала, благополучно разрѣшилась отъ бремени, а ребенка, какъ носятся слухи, успѣли скрыть. И эта икона послѣ того стала пользоваться среди мѣстныхъ чувашъ огромнымъ уваженіемъ.

Выше я имѣлъ уже случай говорить о религіозныхъ возрѣніяхъ чувашъ крещеныхъ и язычниковъ и объ отношеніяхъ первыхъ къ обязанностямъ христіанской религіи. Приведенные случаи и факты изъ жизни чувашъ достаточно говорятъ о томъ, что ихъ религіозныя представленія покоятся на почвѣ

чисто языческаго міросозерцанія и что христіанство, не смотря на болѣе чѣмъ столѣтнее исповѣдываніе его крещеными чувашами, не только не успѣло еще вытѣснить изъ жизни и быта послѣднихъ языческіе обряды и обычаи, но не внесло въ ихъ жизнь и бытъ ровно ничего изъ своего содержанія. Намъ здѣсь остается только дополнить эту печальную картину религіозныхъ представленій чувашъ вообще, а въ частности чувашъ стюхинскаго прихода, и ихъ отношеній къ обязанностямъ христіанской религіи указаніемъ еще на отношеніе ихъ къ церковному браку.

Полуязычествующіе крещеные чуваши не придаютъ церковному благословенію брачнаго союза важнаго значенія, и потому этотъ важный христіанскій долгъ исполняется ими лишь подъ страхомъ наказанія. Въ прежнія времена крещеные чуваши за неисполненіе этой обязанности могли подвергаться довольно строгому взысканію, напр. наказанію плетьми или штрафу. Но съ тѣхъ поръ, какъ тѣлесное наказаніе отмѣнено, а съ другой стороны духовенству предоставлено право пользоваться въ подобныхъ случаяхъ лишь мѣрами убѣжденій и увѣщаній, многіе изъ чувашъ стали уклоняться отъ исполненія христіанскаго долга церковнаго вѣнчанія. Здѣсь, конечно, примѣшивался и денежный расчетъ. Дѣло въ томъ, что за вѣнчаніе приходилось платить духовенству деньги (въ самарской епархіи плата эта раньше была довольно значительна, напр. рублей 25 и больше, а иногда даже и 50 р.). Это обстоятельство служило не малой помѣхой: чуваши подъ тѣмъ предлогомъ, что они будто бы не имѣютъ денегъ, часто уклонялись отъ церковнаго вѣнчанія и подолгу жили внѣ брака. Такое ненормальное явленіе встрѣчалось, конечно, и среди стюхинскихъ чувашъ, и оно было развито настолько сильно, что, казалось, не было никакой возможности искоренить это зло. Еще недавно, лѣтъ восемь—девять тому назадъ, въ стюхинскомъ приходѣ живущіе внѣ брака считались не десятками, а сотнями. Въ дѣлѣ брачнаго союза чуваши придаютъ больше значенія тѣмъ обрядамъ, при которыхъ

происходитъ самая свадьба и которые, по всей вѣроятности, встарину имѣли значеніе религіозное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ ядринскомъ уѣздѣ, обряды эти состоятъ въ томъ, что женихъ и невѣста послѣ благословеній родительскихъ, при которыхъ новобрачнымъ даются разнаго рода совѣты и наставленія,—встаютъ въ передній уголъ противъ печки, накрывшись кошмой или войлокомъ. При этомъ приготовляется молочный супъ, въ который запущена одна довольно большая лепешка изъ ячной муки. Супъ этотъ называется „каҫмăк йашки“, а лепешка—„каҫмăк ҫăмаххи“, т. е. супъ качмака и качмакова лепешка. Происхожденіе слова „качмăк“, а равно и то, что оно значитъ, отдѣльно взятое,—мнѣ неизвѣстно. Но самый обрядъ называется по-чувашски: каҫмăк сиктер, что значитъ: поднимать качмакъ. Лепешка эта насаживается на деревянную вилку, а поверхъ ея на вилку же навѣшивается бѣлый сурбанъ—узкій чувашскій холстъ, длиною аршина въ два. Затѣмъ одинъ изъ родственниковъ жениха (выбирается обыкновенно изъ молодыхъ юношей) беретъ вилку съ лепешкой и, держа ее высоко, начинаетъ приплясывать подъ заунывные звуки чувашской волынки. При этомъ онъ, обращаясь къ молодымъ, приговариваетъ такъ: „пиҫҫе ҫăмах ҫийетĕн—и? инке ҫăмах ҫийетĕн—и?—не хочешь ли, дядя, поѣсть лепешки? не хочешь ли, тетенька, поѣсть лепешки?“ Поплясавши немного, онъ подходитъ къ молодымъ и сбрасываетъ на кошму сурбанъ. Въ этотъ самый моментъ одна изъ женщинъ начинаетъ плескать на молодыхъ уже достаточно остывшимъ молочнымъ супомъ. Молодые сбрасываютъ съ себя кошму и быстро удаляются изъ избы. Этимъ заканчиваются собственно свадебные обряды, скрѣпляющіе супружескій союзъ жениха и невѣсты. Спустя нѣкоторое время послѣ свадьбы молодая выкупаетъ лепешку качмака и бережетъ ее, какъ святыню, на всю жизнь. Я не знаю, существуютъ ли эти обряды въ вышеописанной формѣ у стюхинскихъ чувашъ, но во всякомъ случаѣ заключеніе брачнаго союза у чувашъ—язычниковъ происходитъ при извѣстныхъ

обрядахъ, имѣющихъ значеніе религіозное и дѣлающихъ сожитіе двухъ молодыхъ людей вполнѣ законнымъ, конечно, съ точки зрѣнія языческой религіи. Съ такой же конечно точки зрѣнія смотрятъ на бракъ и крещеные чуваши, совершенно незнакомые съ христіанскимъ воззрѣніемъ на этотъ предметъ. Языческая религія чувашъ не выработала опредѣленнаго ученія о предметахъ вѣры. Религіозныя понятія и представленія, передаваемыя изъ рода въ родъ по преданію, крайне сбивчивы и запутаны. Такимъ же характеромъ неопредѣленности и запутанности отличаются и нравственныя представленія чувашъ. Съ другой стороны и христіанство очень мало внесло въ жизнь чувашъ своихъ болѣе возвышеныхъ нравственныхъ понятій. Поэтому какъ крещеные чуваши, такъ и чуваши—язычники руководствуются въ жизни лишь самыми элементарными требованіями нравственности. Не имѣя опредѣленнаго и ясво сознаннаго нравственнаго начала, которое могло бы опредѣлять отдѣльные поступки и дѣйствія человѣка, что̀ даетъ лишь христіанство, чуваши легко отступаютъ отъ нравственныхъ требованій. Это явленіе особенно рѣзко замѣтно въ жизни чувашъ—язычниковъ вообще и въ частности язычниковъ стюхинскаго прихода

Среди стюхинскихъ чувашъ—язычниковъ распущенность нравовъ составляетъ одну изъ главныхъ отрицательныхъ сторонъ ихъ нравственной жизни. Это зло довольно сильно распространено и среди крещеныхъ чувашъ. Распущенность нравовъ въ смыслѣ легкаго поведенія молодыхъ людей поддерживается среди стюхинскихъ чувашъ, а равно и въ другихъ мѣстахъ самарской губерніи, главнымъ образомъ съ одной стороны—посидѣлками (уллах), устраиваемыми почти каждый вечеръ осенью и зимою въ глухихъ мѣстахъ, преимущественно въ баняхъ, и лѣтними хороводами—съ другой.

Дѣвичьи посидѣнки, какъ ихъ называютъ чуваши, начинаются съ сентября и продолжаются до Пасхи. Дѣвушки являются на эти посидѣлки съ пряжей или другимъ какимъ рукодѣльемъ. Приглашаются на нихъ также и парни. Послѣд-

ніе часто приносятъ сюда съ собою гостинцевъ въ видѣ пряниковъ или орѣховъ для своихъ подругъ. Дѣвушки также не остаются въ долгу: онѣ угощаютъ парней пивомъ, пирогами, сыромъ, ширтаномъ (особый родъ колбасы, приготовляемой чувашами) и пр. Здѣсь, конечно, парни и дѣвушки мало занимаются дѣломъ; время проводятъ больше въ плясках, пѣсняхъ и другихъ развлеченіяхъ. Здѣсь же молодые парни—женихи выбираютъ для себя и невѣстъ и часто сходятся съ послѣдними еще до брака. Знаютъ, конечно, объ этомъ взрослые—родители, но мало обращаютъ вниманія на это зло. Наоборотъ, многіе совѣтуютъ своимъ дѣтямъ посѣщать такія ночныя собранія молодыхъ парней и дѣвушекъ. Вредное вліяніе этихъ собраній заключается въ томъ, что вольныя отношенія между парнями и дѣвушками происходятъ часто на глазахъ подростковъ, которые, подражая взрослымъ, начинаютъ сами предаваться распущенности еще съ раннихъ лѣтъ.

Кромѣ замѣченнаго выше нравственнаго недостатка въ жизни стюхинскихъ чувашъ, не мало развито среди нихъ и пьянство. Въ прежнее время чуваши довольствовались своимъ домашнимъ пивомъ; нынѣ же водка совершенно вытѣсняетъ этотъ домашній напитокъ и является главнымъ угощеніемъ чувашина. Этому злу подвержены въ одинаковой степени и крещеные и язычники. При экономическомъ обѣднѣніи чувашъ и при неумѣніи ихъ заработывать средства къ существованію помимо земледѣлія, пьянство въ той степени, въ какой встрѣчается среди нихъ, приноситъ очень чувствительный вредъ ихъ матеріальному благосостоянію, не говоря уже о его вредныхъ нравственныхъ послѣдствіяхъ.

Ѳ. Никифоровъ.

ОБРАЗЦЫ ИДЕОГРАФИЧЕСКАГО ПИСЬМА ИЗЪ ЧИСТОПОЛЬСКАГО УѢЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ [1]).

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, 14 ноября 1879 года профессоръ Н. Ф. Высоцкій въ своемъ сообщеніи Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ казанскомъ университетѣ выразилъ пожеланіе принять мѣры къ собиранію тѣхъ слѣдовъ фигурнаго письма, которые еще сохранились доселѣ въ народѣ [2]). Въ удовлетвореніе этого пожеланія, въ нижеслѣдующемъ приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія объ идеографическомъ письмѣ, образцы котораго были собраны мною въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи.

Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о такъ называемыхъ *биркахъ*, т. е. о палочкахъ или дощечкахъ, на которыхъ посредствомъ нарѣзокъ или зарубокъ разнаго вида обозначается количество различныхъ преметовъ и которыя служатъ и торговой книгой, и роспиской въ полученіи чего-либо, и талономъ, и памятной книжкой и т. д. Такіе примитивные, еще вполнѣ не дифференцированные способы записи различныхъ общественныхъ

[1]) Эта статья, доложенная въ общемъ собраніи Общества Археологіи Исторіи и Этнографіи 3 дек. 1904 г. проф. П. И. Кротовымъ и имъ доставленная въ редакцію «Извѣстій», вышла изъ географическаго кабинета казанскаго университета. *Ред.*

[2]) См замѣтку Н. Высоцкаго «Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма». (Изв. Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ казанскомъ университетѣ, т. VI, вып. 2, стр. 1—15).

и экономическихъ отношеній, изучены были мною въ пяти пунктахъ чистопольскаго уѣзда: д. Кушниковѣ, татарско-чувашской д. Калмаксѣ, с. Богородскомъ, с. Русскомъ-Утяшкинѣ и въ пригородѣ Старошешминскѣ. Въ упомянутой мѣстности бирки представляютъ изъ себя различной формы и величины палочки и дощечки съ прямыми, косыми и крестообразными зарубками и употребляются неграмотными крестьянами для записыванія то числа дней и мѣсяцевъ, то количества денегъ, хлѣба, скотины и т. д. Здѣсь употребляются слѣдующіе виды бирокъ:

1. *Подводныя колодки*, назначеніемъ которыхъ является опредѣленіе очереди давать „подводу", т. е. лошадей для какой-либо казенной или общественной надобности. Своей формой онѣ въ извѣстной степени напоминаютъ намъ сапожныя колодки и представляютъ изъ себя неширокія, но довольно высокія и длинныя деревянныя пластинки, понижающіяся къ одному своему концу, а на другомъ концѣ ихъ находится отверстіе, черезъ которое продѣвается бичевка или ремень, благодаря чему получается возможность располагать цѣлое собраніе такихъ колодокъ въ извѣстномъ порядкѣ. Храненіе такихъ колодокъ лежитъ на обязанности сельскаго или деревенскаго старосты, который и располагаетъ ихъ въ порядкѣ расположенія домовъ въ извѣстномъ селеніи, такъ что ему достаточно знать, кому принадлежитъ первая колодка съ того или другого конца бичевки, чтобы разобраться въ остальныхъ. Иногда, впрочемъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ д. Калмаксѣ для обозначенія хозяина колодки, ставятъ на широкой, плоской сторонѣ колодки особые знаки, въ видѣ крестиковъ, зарубокъ и т. д.; но этотъ способъ требуетъ уже большой памяти, чтобы разобраться въ большомъ числѣ такихъ колодокъ, и потому обыкновенно практикуется первый способъ ихъ расположенія и храненія. На обязанности же старосты лежитъ дѣлать отмѣтки на этихъ колодкахъ касательно исполненія тѣмъ или другимъ домохозяиномъ подводной повинности. Эти отмѣтки являются въ видѣ линейныхъ зарубокъ или крести-

ковъ, обыкновенно на узкой, скошеной къ одному концу поверхности такихъ колодокъ. Количество этихъ зарубокъ и характеръ ихъ зависитъ отъ дальности разстоянія высылки подводы и отъ числа отпущенныхъ домохозяиномъ лошадей. Характеръ этихъ знаковъ въ каждой деревнѣ можетъ быть различенъ. Напримѣръ, въ д. Кушниковѣ это дѣлается такъ: если дается одна лошадь на разстояніе 10 верстъ, то на колодкѣ вырѣзается одна прямая черта (|), на разстояніе 15 верстъ — двѣ прямыхъ зарубки (||), а на разстояніе 30 верстъ - одна косая зарубка (*I*). Если отпускается сразу пара лошадей на разстояніе 10 верстъ, то сразу ставятся двѣ зарубки, а на разстояніе 30 верстъ ставится крестъ (X) и т. д. Чтобы узнать, чья очередь ставить „подводу", староста смотритъ на число зарубокъ на колодкахъ всѣхъ домохозяевъ и смотря потому, у кого меньше зарубокъ на колодкѣ, тому и приказывается давать лошадей. Когда количество зарубокъ на всѣхъ колодкахъ примѣрно сравняется, тогда всѣ онѣ срѣзываются и система отмѣтокъ начинается съ начала, что обыкновенно приурочивается ко времени новаго года. Если-же у кого-либо изъ домохозяевъ останутся при этомъ излишнія отмѣтки, то онѣ переносятся на слѣдующій годъ. При такомъ срѣзываніи знаковъ одного года, и самая форма и величина колодокъ нѣсколько измѣняется. Въ с. Русскомъ-Утяшкинѣ на ребрѣ колодки вмѣсто зарубокъ ставятся особые знаки путемъ накалыванія остріемъ ножа. Значеніе ихъ такое-же.

2. *Штемпеля.* Они имѣютъ видъ обыкновенной печати или штемпеля, прикладываются старостами на оффиціальныхъ бумагахъ по сбору податей, недоимокъ и препровождаются ими въ волостное правленіе. Въ названной мѣстности употребляются такіе виды штемпелей: □ — для обозначенія 10 рублей, ⊛ — одного рубля, X — 10 копѣекъ, — прямая черточка | для обозначенія одной копѣйки, а для обозначенія 5 коп. употребляется косая черта *I*. Комбинаціей этихъ штемпелей и соотвѣтствующимъ повтореніемъ ихъ и отмѣчается сумма уплаченныхъ повинностей. Напримѣръ, 11 руб. 36 коп. будетъ обозначено

такъ: □⊛ХХХII. Нѣчто подобное такимъ штемпелямъ практикуется плотниками для мѣтки бревенъ при постановкѣ срубовъ и переносѣ ихъ на другое мѣсто. Здѣсь употребляются также перечисленныя выше зарубки, дѣлаемыя топоромъ.

3. *Пастушьи бирки.* Это круглыя и четырехъ-угольныя палки, на которыхъ прямыми, косыми и крестообразными зарубками отмѣчается число головъ различнаго скота, ввѣреннаго разными домохозяевами извѣстному пастуху, сообразно чему и производится расчетъ за пастьбу скота. Эти бирки вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность пастуху знать, сколько головъ скота находится въ его стадѣ. Подобныя зарубки располагаются въ извѣстномъ порядкѣ, соотвѣтственно расположенію домовъ въ деревнѣ, такъ что пастуху нужно только знать, съ какого конца деревни начинается помѣтка числа головъ скота каждаго домохозяина и самое расположеніе домовъ въ данной деревнѣ. Для отдѣленія зарубокъ одного домохозяина отъ зарубокъ другого, между зарубками ихъ становится косая зарубка или оставляется пустое пространство. Число головъ скота отмѣчается количествомъ зарубокъ, причемъ для каждаго крупнаго животнаго дѣлается одна зарубка, а для мелкихъ, напр., для овецъ, свиней и проч. вырѣзывается половина зарубки, а изъ такихъ половинъ складываются цѣлыя зарубки. При выходѣ какихъ-либо животныхъ изъ стада извѣстное число зарубокъ срѣзывается. Такимъ образомъ здѣсь число головъ различнаго скота отмѣчается подрядъ и не различается родъ животныхъ. Такъ дѣлается на круглыхъ палкахъ, а на четырехъ-угольныхъ получается возможность отмѣчать число головъ каждаго рода скота, если посвящать разныя стороны такихъ палокъ записи различныхъ животныхъ.

4. *Податныя бирки* подобной-же формы, какъ и предыдущія, употребляются сборщиками податей и различныхъ повинностей, напр., — пріемщиками хлѣба въ хлѣбо-запасные магазины и т. д.

5. *Жеребьи.* Это четырехъ-угольныя палочки, на одной сторонѣ которыхъ нарѣзываются прямыя или косыя зарубки

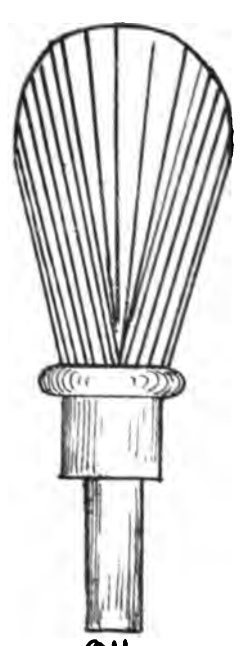
или крестики для обозначенія количества различныхъ матеріаловъ, отданныхъ въ обработку какому-либо мастеру, причемъ такая палочка разрѣзывается по длинѣ на двѣ части, изъ которыхъ одна остается у хозяина отданныхъ въ обработку предметовъ и называется „жеребьемъ", а другая передается мастеру и, подъ названіемъ „колодки", прикрѣпляется къ самымъ предметамъ. Стало-быть, въ данномъ случаѣ подобная бирка не только даетъ возможность отмѣтить количество предметовъ, отданныхъ въ обработку, но она играетъ вмѣстѣ съ тѣмъ роль квитанціи или росписки въ полученіи этихъ предметовъ. Такъ поступаютъ при сдачѣ въ краску пряжи или холста, при отдачѣ скорняку овчинъ для выдѣлки и т. д. По изготовленіи заказа заказчикъ предъявляетъ „жеребій" мастеру, который по нему отыскиваетъ соотвѣтствующую „колодку" и вручаетъ заказъ хозяину. Подобныя бирки употребляются также въ хлѣбной торговлѣ, напр., въ Чистополѣ и на мельницахъ. Въ этомъ случаѣ онѣ играютъ роль запродажныхъ записей, указывающихъ количество пудовъ запроданнаго хлѣба. Дѣло ведется такъ, что неграмотные приказчики—зайцы или мельники, принимая извѣстное количество хлѣба, отмѣчаютъ число пудовъ зарубками на биркахъ, разрѣзая ихъ вдоль на „жеребій" и „колодку"; послѣднюю оставляютъ себѣ, а жеребій вручаютъ продавцу, который предъявляетъ его хозяину и получаетъ расчетъ.

6. Особаго рода идеографическое письмо представляютъ намъ *деревенскія вывѣски*. Весьма обыкновенно, напр., нахожденіе постоялаго двора обозначается соломеннымъ кольцомъ, прикрѣпленнымъ къ длинному шесту у воротъ, а пукъ сѣна на такомъ-же шестѣ указываетъ на продажу сѣна; пара обручей, прибитые накрестъ къ воротамъ, означаютъ, что въ данномъ домѣ живетъ обручникъ и т. д. Но этого рода идеографическое письмо мы встрѣчаемъ въ широкомъ распространеніи и въ городахъ, не исключая и Казани: нарисованныя на вывѣскахъ румяные калачи и булки при входѣ въ булочныя и кондитерскія, ножницы на вывѣскахъ портныхъ, сапоги у

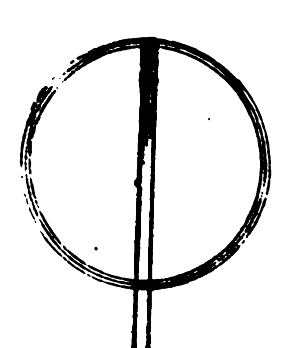
сапожниковъ, изображеніе разрѣзанныхъ колбасъ, окор
и т. д. на колбасныхъ или гроздій винограда, группы
ковъ и проч. у входа въ фруктовые подвалы—все это ф
ное письмо особаго рода. Здѣсь мы видимъ уже болѣе вы
формы фигурнаго письма, между тѣмъ какъ въ деревенс
быту онѣ являются въ высшей степени примитивными.
чиной послѣдняго служатъ, конечно, крайняя примитивн
и простота житейскихъ отношеній обитателей нашей дер

В. Лобановъ.

Таблица II.

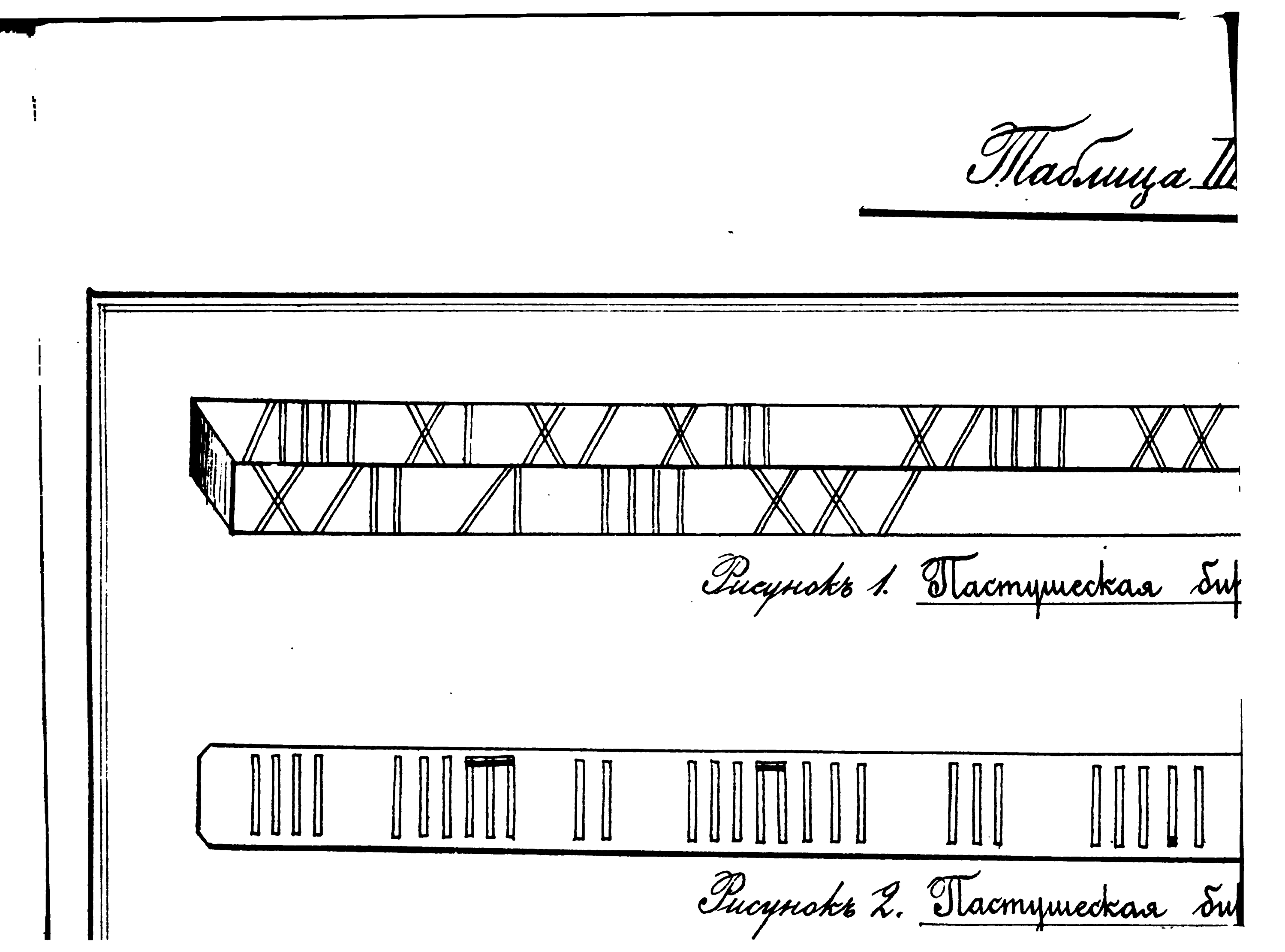

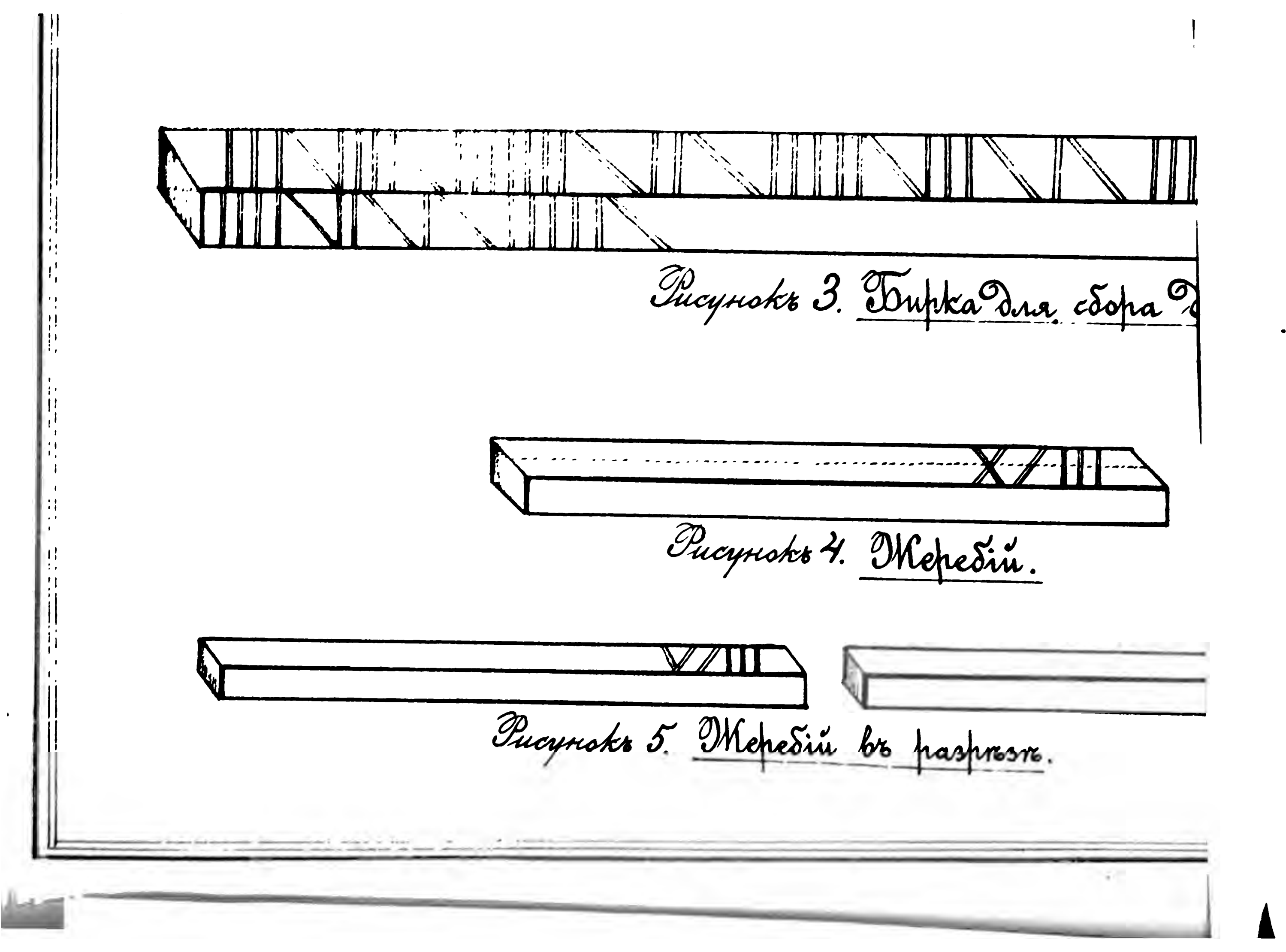
Рисунокъ 1. Штемпель.

Рисунокъ 2. Вѣнокъ.

□ 10 руб. ⊕ 1 руб. X 10 к. / 5 к. | 1 к.

Таблица III
Рисунокъ 1. Пастушеская би
Рисунокъ 2. Пастушеская би

Рисунокъ 3. Бирка для сбора

Рисунокъ 4. Жеребій.

Рисунокъ 5. Жеребій въ разрѣзѣ.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Казанской епархіи. Вып. VI. Г. Мамадышъ и Мамадышскій уѣздъ. Казань. 1904 г. I—XXX и 1—420 стр.

Книга подъ такимъ заглавіемъ явилась въ печати въ самомъ концѣ истекшаго года въ видѣ приложенія къ Извѣстіямъ по казанской епархіи и, кажется, вовсе не имѣется въ отдѣльной продажѣ. Изъ предисловія къ ней видно, что она составляетъ начало обширнаго труда, расчитаннаго по крайней мѣрѣ на 14 выпусковъ, которые должны обнять собою историко-статистическое описаніе всей казанской епархіи. Историко-археологическое общество Казани не можетъ не обратить своего вниманія на это любопытнѣйшее изданіе по мѣстной исторіи и археологіи.

Составитель вышедшаго выпуска описанія началъ свой трудъ съ мамадышскаго уѣзда какъ вслѣдствіе того, что въ его рукахъ скорѣе накопился матеріалъ для описанія именно этого уѣзда, такъ и вслѣдствіе особеннаго интереса, какой представляетъ этотъ уѣздъ для историка, этнографа и археолога по своему этнографическому и вѣроисповѣдному составу. Изъ всѣхъ инородцевъ, составляющихъ народонаселеніе полуинородческой казанской губерніи, мы не встрѣчаемъ здѣсь только чувашъ и мордвы. Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи уѣздъ этотъ отличается рѣдкимъ разнообразіемъ,—здѣсь совмѣстно расположились и христіанскіе храмы, и татарскія мечети, и священныя рощи вотяковъ, и черемисскія кереметы.

Обильный матеріалъ для составителя описанія доставили, по распоряженію епархіальнаго начальства, мѣстное духовенство и учители народныхъ школъ. Скромный составитель описанія г. И. П. называетъ себя поэтому только редакторомъ книги, но забота его на самомъ дѣлѣ не ограничивалась однимъ только редактированіемъ готоваго матеріала. На многихъ страницахъ, если не на большинствѣ ихъ, трудъ г. И. П. настоящій авторскій и чисто научный трудъ. Указываемъ прежде всего на помѣщенный въ началѣ книги общій очеркъ г. Мамадыша и мамадышскаго уѣзда, представляющій сжатый, но ясно изложенный обзоръ всей колонизаціи этой интересной мѣстности и постепеннаго, еще далеко не законченнаго водворенія въ ней русской культуры.

Далѣе большинство описаній приходовъ носитъ характеръ чисто научной работы, благодаря тому, что ученый редакторъ ихъ, не довольствуясь однимъ изданіемъ доставленныхъ ему матеріаловъ, старался пополнить ихъ свѣдѣніями, собранными имъ изъ разныхъ печатныхъ изданій и лично добытыми изъ столичныхъ архивовъ (особенно изъ архива министерства юстиціи), и обработывалъ ихъ иногда совсѣмъ почти заново. Чѣмъ древнѣе и важнѣе приходъ, тѣмъ болѣе удѣляетъ ему своего вниманія редакторъ-авторъ. Помимо самаго г. Мамадыша такими важными пунктами являются у него села Абди, Красная Горка, Кукморъ, Омара, Пеньки, Сокольи горы, Тавели и нѣкоторыя другія. Впрочемъ и небольшія деревни при описаніи приходовъ не оставлены безъ вниманія, хотя въ описаніяхъ приходскаго духовенства объ нихъ встрѣчаются только одни имена. Редактору, задавшемуся цѣлью возможно точнѣе опредѣлить время основанія селъ и деревень, много помогла въ этомъ отношеніи статья И. А. Износкова «О сохранившихся преданіяхъ по поводу названій русскихъ и инородческихъ поселеній казанской и сосѣднихъ губерній съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ мамадышскаго уѣзда», помѣщенная въ I т. трудовъ IV археологическаго съѣзда, разныя замѣтки, разбросанныя по казанскимъ изданіямъ, и личныя изысканія въ столичныхъ архивахъ. См. наприм. описанія деревень Кулущи (стр. 62), Субашъ-Дюртели (стр. 75), села Дигитли (стр. 84. 89) и др.

По преданію дер. Дюртели была приходскимъ селомъ со времени святителя Гурія. Но тогда церковная жизнь въ мамадышскихъ предѣлахъ развивалась слабо. Распространеніе здѣсь христіанства и обрусеніе инородцевъ усиливаются только съ начала XVII вѣка, когда русскіе заняли юговосточную часть края по Вяткѣ и Камѣ. Они основали тутъ села, вошедшія въ составъ вотчинъ свіяжскаго богородицкаго монастыря (село Мамадышъ съ деревнями Красной Горкой, Комаровымъ, Бѣляевой, Каменной Рѣкой, Юкачами и др.), казанскаго архіерейскаго дома (село Омара, деревни Омарскій починокъ, Рогозино, Секенесь, Пеньки, Дигитли) и московскаго донского монастыря (Сокольи Горы). Села эти, со включеніемъ въ число ихъ двухъ болѣе центральныхъ селъ Тавелей и Абди, были первоначальнымъ райономъ русскихъ поселеній и оплотомъ христіанства въ мамадышскомъ краѣ до выдѣленія его изъ казанскаго въ особый уѣздъ въ 1781 году. Изъ этихъ поселеній и образовались древнѣйшіе приходы мамадышскаго уѣзда.

Свѣдѣнія о постепенномъ образованіи приходовъ и постройкѣ новыхъ храмовъ въ уѣздѣ, сообщаемыя въ клировыхъ вѣдомостяхъ и въ разныхъ справочныхъ изданіяхъ по казанской епархіи, въ большинствѣ случаевъ весьма недостовѣрны, и составитель настоящаго описанія постоянно ихъ исправляетъ и пополняетъ по своимъ собственнымъ источникамъ. Наприм. по клировымъ вѣдомостямъ постройка самаго собора въ Мамадышѣ не восходитъ ранѣе 1788 года, тогда какъ въ самомъ началѣ XVII вѣка здѣсь извѣстенъ уже храмъ во имя св. Троицы, отъ котораго и самый Мамадышъ, бывшій тогда еще селомъ, носилъ названіе села Троицкаго. Настоящій каменный покровскій храмъ въ с. Омарѣ числится построеннымъ въ 1755 году, но онъ былъ на самомъ дѣлѣ уже третьимъ со времени перваго основанія;

въ 1623 г. село Омара имѣло церковь, вѣроятно во имя Благовѣщенія, такъ какъ само называлось Благовѣщенскимъ. Въ с. Пенькахъ каменный храмъ построенъ въ 1872 году, но еще раньше его существовалъ тамъ деревянный храмъ, построенный не позднѣе 1706 года, сгорѣвшій въ 1770 году, и т. д. Такими свѣдѣніями не безполезно было бы дополнить и показанія клировыхъ вѣдомостей. Въ общемъ вводномъ очеркѣ о состояніи г. Мамадыша и его уѣздѣ можно найти довольно полную и выразительную статистику постройки новыхъ каменныхъ храмовъ и замѣны ими старыхъ деревянныхъ въ русскихъ и инородческихъ селахъ, особенно за истекшее XIX столѣтіе.

Въ этнографическомъ и церковно-историческомъ отношеніи особенно замѣчательны при описаніи приходовъ отдѣлы о прихожанахъ. Составитель описанія имѣлъ въ виду познакомить здѣсь своихъ читателей съ тѣмъ, на сколько русскій элементъ проникалъ въ инородческую среду, встрѣчая на своемъ пути почти непреоборимыя для себя препятствія, особенно въ средѣ сильной татарской народности, и какъ инородцы, сходясь съ русскими, туго усвояли себѣ русскую культуру и христіанскія понятія, сообщаемыя имъ на непонятномъ для нихъ языкѣ почти до конца 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія. Результатомъ такого слабаго вліянія на нихъ русскихъ было то, что даже послѣ обращенія ихъ въ христіанство, они цѣликомъ почти оставались при своихъ старыхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Не только новокрещеные, но и старокрещеные татары не забыли своихъ мусульманскихъ праздниковъ и молитвъ, празднуютъ сабанъ и пятницу, не понимаютъ святости брака и т. п. Въ инородческихъ приходахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ прежде господствовало язычество, кое гдѣ и теперь еще совершаются языческія моленія, въ которыхъ принимаютъ участіе и христіане-инородцы (приходы Нырьинской, Нижне-Учинскій, Юкачинскій и др.). Въ описаніяхъ разныхъ приходовъ составитель книги старался вездѣ по возможности указывать остатки мусульманскихъ и языческихъ повѣрій и обрядовъ (особенно поминальныхъ и погребальныхъ). Подробно изложены имъ также свѣдѣнія объ отпаденіяхъ инородцевъ, особенно мухамеданъ. Съ этой стороны описанія приходовъ имѣютъ важное значеніе и для миссіонеровъ.

Съ 1860-хъ годовъ особенно сильное вліяніе на распространеніе между инородцами русской христіанской культуры стали оказывать школы братства св. Гурія, усвоившія благотворную систему инородческаго образованія незабвеннаго просвѣтителя инородцевъ Н. И. Ильминскаго. Составитель описанія обратилъ на нихъ должное вниманіе, а въ своемъ вводномъ очеркѣ г. Мамадыша и его уѣзда привелъ интересныя статистическія свѣдѣнія о начальныхъ школахъ какъ русскихъ, такъ и инородческихъ всѣхъ типовъ, существующихъ въ уѣздѣ.

Нельзя не пожалѣть въ заключеніе, что такая важная во многихъ отношеніяхъ книга издана въ сильно ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, только для однихъ подписчиковъ мало распространенныхъ «Извѣстій по Казанской епархіи». Епархіальное духовенство весьма заинтересовалось возможно скорѣйшимъ изданіемъ всѣхъ выпусковъ описанія. Но... есть слухъ, что составитель этого описанія, такъ удачно начавшій дѣло, утомленный

отчасти этой, отчасти и другими учеными работами, отказывается отъ его продолженія. Найдетъ ли казанская академія, при которой издаются «Извѣстія по Казанской епархіи», преемника господину И. П. въ средѣ своихъ ученыхъ, который бы въ томъ же направленіи продолжилъ эту нелегкую и притомъ крайне скудно вознаграждаемую работу? Будемъ надѣяться, что найдетъ и что эту работу не постигнетъ такая же печальная многолѣтняя остановка, какая постигла другую замѣчательную въ научномъ отношеніи работу академическихъ тружениковъ,—разумѣемъ Описаніе рукописей соловецкой библіотеки.

NN.

14) **Трощанскій**, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.

15) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библіотекѣ. Составилъ И. Ѳ. **Токмаковъ**. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

16) О земле половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. **Аристова**. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

17) Двухсотлѣтней памяти И. И. **Неплюева**. 1894. Цѣна 25 коп.

18) **Дуброва**, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

19) **Катановъ**, Н. Ѳ. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью. 1898 (Со снимкомъ). Цѣна 15 коп.

20) **Уставъ** Общества Арх. Ист. и Этн. при Император. Казан. Унив.: изд. 1878 г. 13 стр. 8°. ц. 10 к.
1895 г. 7 стр. 8°. ц. 10 к.
1898 г. 11 стр. 8°. ц. 10 к.

21) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1903 годы по 25 коп.

22) **Пономаревъ**, П. А. Ананьинскій могильникъ. 1892. 34 стр. 8°. 35 к.

23) **Магницкій**, В. К. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксар. у. Казан. губ. 1877. 160 стр. 8°. ц. 1 р.

24) **Спицынъ**, А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. 1886 30 стр. 8°. ц. 10 коп.

25) **Извлеченіе** изъ протоколовъ засѣданій Предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда. 1877. Стр. 30. 8° ц. 10 коп.

26) **Замѣтка** по поводу реферата Г. Н. Потанина «У вотяковъ Елабужскаго у.» С. К. **Кузнецова**. 1882. Стр. 411—419. 8°. Ц. 5 коп.

27) **Инструкціи**, утвержденныя III Археологическимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ для: 1) описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и 2) для раскопокъ кургановъ. 1879. Стр. 7. 8°. 5 коп.

28) **Указатель** выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ. Стр. 94. 8°. Ц. 50 коп.

29) **Магницкій**, В. К. Къ біографіи Василія Аѳанасьевича Сбоева. Стр. 5. 8°. Цѣна 5 коп.

Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состоятъ П. А. **Дубровина** (Казань, Воскресенская улица, домъ Мартинсонъ), Н. **Киммель** въ Ригѣ и К. Л. **Риккеръ** въ Петербургѣ.

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Казань, Университетъ) пользуются 30% уступки и безплатною пересылкою при покупкѣ на наличныя деньги; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ, съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Канцелярія, библіотека и книжный складъ Общества открыты еженедѣльно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4 до 6 час. веч.

Въ 1905 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;
2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: А. Е. Алекторовъ (Омскъ), о. Н. А. Архангельскій (Ядринъ), Г. Н. Ахмаровъ (Казань), Н. И. Ашмаринъ (Казань), Д. В. Васильевъ (Казань), Ѳ. Т. Васильевъ (Казань), Н. К. Горталовъ (Казань), Я. І. Гурляндъ (Петербургъ), А. И. Добросмысловъ (Тургай), В. М. Іоновъ (Якутскъ), Н. Ѳ. Катановъ (Казань), Д. А. Корсаковъ (Казань), П. И. Кротовъ (Казань), о. Е. А. Маловъ (Казань), И. С. Михеевъ (Казань), В. А. Мошковъ (Варшава), Э. К. Пекарскій (Якутскъ), Н. М. Петровскій (Казань), И. М. Покровскій (Казань), С. І. Порфирьевъ (Москва), о. К. П. Прокопьевъ (Симбирскъ), Н. Я. Саркинъ (Казань), И. В. Селицкій (Ташкентъ), А. А. Сухаревъ (Казань), К. В. Харламповичъ (Казань), А. А. Штукенбергъ (Казань), и друг.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

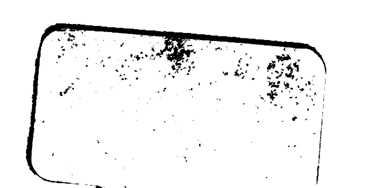
Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., и лица, помѣщающія свои статьи въ каждомъ выпускѣ, получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы и статьи адресуются: Въ г. Казань, Университетъ. Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

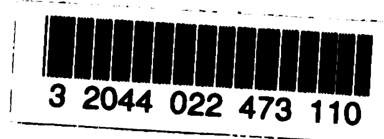
Цѣна каждаго выпуска 1 рубль.

3 2044 022 473 110